

Дальний **В**осток

10
1975



На самом восточном участке Байкало-Амурской магистрали вступил в строй железнодорожный мост через Амур у города Комсомольска. На снимке: штурм реки завершается. Остались последние метры

Фото А. Лебедева



Ежемесячный
литературно-художественный
и общественно-политический
журнал

ОРГАН СОЮЗА
ПИСАТЕЛЕЙ РСФСР
И ХАБАРОВСКОЙ ПИСАТЕЛЬСКОЙ
ОРГАНИЗАЦИИ

ГОД ИЗДАНИЯ 43-й

С О Д Е Р Ж А Н И Е

ПОЭЗИЯ И ПРОЗА

- Вячеслав Пушкин** — «ГРОЗЫ, ГРОЗЫ!», КОМАНДИР, «ЧЕРНЯХОВСКИЙ КОМАНДОВАЛ ФРОНТОМ...», СТРОЕВАЯ ПЕСНЯ, «НОВОСТЕЙ НИКАКИХ В ЭТОМ МИРЕ...», «НЕ НУЖНО НАМ ПРИДУМАННЫХ УТРАТ...», В НОВОМ ЦИРКЕ. МОНОЛОГ РАКА-ОТШЕЛЬНИКА, «БРОЖУ. ПОЧТИ ПРИВЫКНУВ К БОЛИ...», стихи 3
- Станислав Балабин** — ЗОЛОТАЯ ЖИЛА, роман 7
- Владимир Коренев** — КРАСНАЯ РЫБА, повесть. Окончание 57
- Юрий Козлов** - РОДНАЯ СТОРОНА, «ДАВАЙ НЕ БУДЕМ ВСПОМИНАТЬ ОБ ЭТОМ...», «ВОТ И УГАСАЮТ КРАСКИ ЛЕТА...», «НАЗАД НЕ ПОВЕРНУТЬ...», стихи 91
- Геннадий Лысенко** — ХУДОЖНИК, «СНОВА ШИФЕРНЫЙ СНЕГ УТВЕРДИЛСЯ НА КРЫШАХ...», «ГРОХНУСЬ НАВЗНИЧЬ, КАК УБИТЫЙ...», «ЭТО БЫЛО...»; ЭЙ, НА БАРЖЕ; «СИБИРЬ...», «МИМОЛЕТНЫМ ДОЖДИК БЫЛ...», стихи 92
- Лев Князев** — ИДУ ПО ФЕСКО, путевые заметки 96

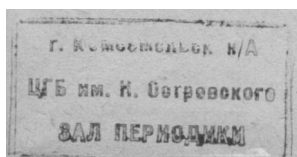
ПО ДАЛЬНЕМУ ВОСТОКУ

- Николай Фотьев** — ВЕРХНИЕ УЛИЦЫ, очерк 111
- А. Филоненко** — У КАЖДОГО СВОЙ ХАРАКТЕР, очерк 117
- А. Трошин** — КОЛЕСНЫЙ ДИВИЗИОН 123

УГОЛОК КРАЕВЕДА

- Евгений Сытников** - ЗАПОВЕДНЫЕ ЗЕМЛИ КРОНОЦКОГО 126

ОКТАБРЬ • 1975



ПИСАТЕЛИ И КНИГИ

Л. Вольпе — ПОЭТ О ПОЭТЕ	135
--------------------------------	-----

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

Л. Якимова — ЕДИНАЯ, МНОГОЛИКАЯ	138
В. Ефименко — МЫ ИХ ВИДЕЛИ	146
М. Мадаев «ГОД ОГНЕННОЙ ЗМЕИ»	148
Ф. Шамазов ОЛЕНЕВОД ОБ ОЛЕНЕВОДАХ	149
Г. Рейхберг, А. Шурьгин — КНИГА ПО ИСТОРИОГРАФИИ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ В СИБИРИ	151
НОВЫЕ КНИГИ ДАЛЬНЕВОСТОЧНЫХ ИЗДАТЕЛЬСТВ	153

ДЛЯ МАЛЕНЬКИХ

Олег Кузнецов — МОРЕ И ЯЩЕРИЦА; КТО ИЗ НАС ПТЕНЧИК?; ОСЬМИНОГ. БЫЧОК И ПРАВЫЙ БОТИНОК; рассказы	154
КОРОТКО О РАЗНОМ	158

Главный редактор Н. М. РОГАЛЬ

Редакционная коллегия:

В. Н. АЛЕКСАНДРОВСКИЙ, В. М. ЕФИМЕНКО.
Н. Д. НАВОЛОЧКИН (зам. главного редактора).
В. Е. РОМАНОВ, В. М. САНГИ, П. В. ХАЛОВ

Ответственный секретарь К. С. ОВЕЧКИН

Рукописи объемом меньше авторского листа не возвращаются.

Технические редакторы Н. А. Лызова, Л. А. Польщикова, Корректор А. Е. Москвитин.
Адрес редакции: 680610, г. Хабаровск, Комсомольская ул., 80. Телефон 33-13-68.

Подписано к печати 22/IX 1975 г. ВЛ 12481.

Бумага 70X108/16 - 5 б. л., 14 усл. п. л., 15,87 уч.-изд. л. Тираж 30 000 экз.

Заказ № 6410. Цена 50 коп.

Хабаровское книжное издательство, г. Хабаровск, ул. Серышева, 31.
Типография № 1 Краевого управления издательств, полиграфии и книжной торговли,
г. Хабаровск, ул. Серышева, 31.



«Дальний Восток», 1975

* * *

Грозы, грозы!
Лейте, лейте
Воды грозные с небес.
Только травы пожалейте,
Пожалейте юный лес.
Не убейте, не сожгите,
Не заставляйте горевать.
Хочется греметь? —
Гремите.
Сон сморит —
Ложитесь спать.
А проснетесь, —
Бейтесь в раму
И гуляйте по жилью.
Пожалейте только маму
Суеверную мою.

Вячеслав ПУШКИН



КОМАНДИР

Дожди в ночи шумели
На строевом плацу,
И капли еле-еле
Стекали по лицу,

Небритому, худому
От маковки до скул.
Но взвод в пути до дому
На марше не заснул.

Стоят его ребята.
Уставшие до слез.
И тяжесть автомата
Осмыслена всерьез.

Впервые и навечно,
О, первый марш-бросок —
Венчальное колечко
И для ножа — брусок¹

В полсотни верст желтеет
«Колечко» по грязи.
Никто не пожалеет,
Невмочь шагать —
Ползи.

Но доползи к рассвету,
Но встань в походный строй,
Ведь ты в науке этой
Не первый, не второй,

Не миллионный даже...
Пехоте счета нет.
Но доползи однажды
Всей грудью на рассвет.

И встань.
Пускай шатает,
Пусть горечь полнит рот.
Ты встал,
И это знает
Стоящий рядом взвод.

И командир устало,
И сам живой едва,
Кричит не по уставу:
— Спасибо!
Спать, братва!

Черняховский командовал фронтом,
Он ровесником был моим.
Тридцать лет...
Мальчишесья фронда.
Кисловатый окопный дым.

Все сместилось: потери и время,
Все на памятный вышло рубеж...
Черняховский!
Какая потеря!
Тридцать лет...
Что же вызрело меж?!
Между смертью и жизнью сегодня —
Словно к дальней вершине бросок.
Под ногами еловая сходня
И похожий на порох песок.

Черняховский!..
Судьба не подвластна
Смертным
Нам,
Ведь на то и судьба.
Вы не думали,
Что опасна
Для комфронтом
Шальная пальба.

Батальонов испытанных маршевых
Не хватило, чтоб вызволить вас...
На войне ни солдата, ни маршала
Не держала страна про запас.

Я схожу с корабля невоенного
С сигаретой заморской во рту,
Ваше имя, как выстрел, мгновенное,
Крупно значится на борту.

Вам под семьдесят было б сегодня.
Низко кланяюсь — кораблю!
«Черняховский»?..

Бегу по сходням.
Вашу жизнь, комфронтом, люблю.

СТРОВАЯ ПЕСНЯ

Шагает наш полк запасной,
Годами не нюхавший дела.
Идем по дороге лесной,
Разбитой, как после обстрела,
Но то ли был долог запас,
И так поразбиты дороги,
Что вырвалась песня из нас
Не маршевым звоном, не строгим.

«На речке, на речке,
На том бережочке
Мыла Марусенька белые ноги...»

Она не мешала в пути
Уставшей на марше пехоте,
И было так складно идти
На этой немаршевой ноте.

И наш молодой лейтенант,
Зачем-то блокнот доставая,
Кричал запевале:
— Во, брат!
А песня вполне строевая!

И он, чтобы шага не сбить,
Скакнул петушком на дороге
И взапуски — ну голосить:
— Мыла Марусенька белые ноги...

Новостей никаких в этом мире...
Все в рабочем порядке идет.
Патефон в коммунальной квартире
Предвоенные песни поет.

И не может игла задержаться,
Раскрутила пружина ее —
Мускулистая, словно бельё,
Нехотящее выжиматься...

Дети, дети!
Из эвакуаций
Возвратились мы после войны
По грохочущим клавишам станций
От Амура и от Двины.

Как в шинелях мы таяли грубых,
Примеряя!

Пацанья судьба.
Нас кололи небритые губы
От виска к подбородку — до лба.

И тот миг поцелуев мгновенных
Заглушал патефонную пруть.
Песен радостных, послевоенных
Нам еще не успели купить.

И крутилась пластинка тугая, —
И звучал предвоенный фокстрот.
И, отца с непривычки ругая,
Мать кривила заплаканный рот.

А пластинка крутилась в квартире
И старела у всех на виду...
Никаких новостей в этом мире
В сорок пятом весеннем году.

* * *

Не нужно нам придуманных утрат,
Рожденных по наитию или в спешке.
В твоей непредусмотренной усмешке
Я виноват.

Я помню четко:
Много лет подряд
В моем жилище не скрипели двери,
Считающие все мои потери.
Теперь скрипят.

Я виноват,
Как бриз в гуденье вант.
Я виноват, всю жизнь ходя в мужчинах.
Во всех твоих улыбках и морщинах
Я виноват.

В душе моей гудят, мешая петь,
Твои инопланетные обиды.
Но нам с тобой, увы, иной планиды
Не займешь.

Я знаю,
Сам себе я друг и брат,
И знаю, что не мой десяток робкий.
В своей полудороге-полутропке
Я виноват.

Не нужно нам придуманных утрат,
Дверей, скрипящих хрипло и занудно.
А в том, что до утра не спится трудно.
Я виноват.

В НОВОМ ЦИРКЕ

Умираю от восторга
На премьере циркачей.
Продавщица из Мосторга
Умирает горячей.

У нее сегодня праздник —
Не работает Мосторг.
Рыжий фокусник, проказник —
И забвенье, и восторг.

Клоунада, клоунада...
Запах пота ноздри рвет!
Все свершается, как надо,
Представление идет.

Раздвигается портьера
Шелест тел, оркестра вскрик.
И внезапно из партера
Худенький премьер возник.

Автор бешеного трюка,
Он, изящный и скупой.
Воздевает гордо руку
Над беспечною толпой.

Продавщица из Мосторга
Умирает от восторга.

Он взвивается под купол,
Он под куполом царит
И, летая, как на кукол,
Сверху вниз на нас глядит.

Со спасительною лонжей
Отработан жуткий трюк.
Но живет, живет под кожей
Неизбежное: «А вдруг...»

Он летает и не знает,
Титулованный артист,
Что от страха умирает
За него униформист.

Продавщица из Мосторга
Умирает от восторга.

Барабан трещит тревожно,
Приготовься, акробат!
Отказаться невозможно —
Петля мертвая назад.

Ап!
И кончено!
Арена

От восторгов горяча.
Розовых ладоней пена
И улыбка циркача.

МОНОЛОГ РАКА-ОТШЕЛЬНИКА

Николаю Устинову

Отшельник я?
Какой же я отшельник?
Мне хочется побегать, поиграть.
Но раковина — каменный ошейник,
Которого уже не разорвать.
Промчится ль надо мною рыба стая,
Иль чинно протопочет мимо краб, —
Плевать им на меня!
Я это знаю,
Ведь я отшельник — раковины раб!
И, даже если я рванусь вдогонку,
Мне самому и грустно и смешно.
Кальмары надо мной хохочут звонко,
Хоть надо мною хохотать грешно.
Я в раковину прячусь от напастей,
Клешней шипастой прикрывая вход.
Мой дом — мой бастион, мое несчастье.
И только счастья мне не достает.
А что такое счастье?
Вы поймите,
Оно лишь миг — не более того, —
Когда я вдруг смогу из дома выйти
И побродить в окрестностях его.
И ничего не надо мне впридачу...

Над раковиной шторма круговерть.
Я выхожу на волю!
Это значит —
Я добровольно выхожу на смерть.
Раз я отшельник, значит, я — философ.
Так говорят,
Но это сущий бред.
Не задавайте никаких вопросов.
Я не смогу на них вам дать ответ...
Я выхожу и медленно, и грустно, —
К чему вся философия моя?!
Вот, поглядите: в раковине — пусто.
А это значит: просто умер я.

* * *

Брожу, почти привыкнув к боли,
Сердечных слов не нахожу,
Как не находишь вдруг межу
В пшеничном неприступном поле,

В котором ты зерно — не боле.
Но я неистово твержу:
Живи — пусть больно, но на воле,
Будь выше зависти к ужу,
Которому легко скользнуть,
Не мучаться от безголосья,
Не ведая, что могут жить
Над ним пшеничные колосья.
Брожу, ищу свою межу,
Сердечных слов не нахожу.



ЗОЛОТАЯ ЖИЛА

Р О М А Н

Часть вторая

1

В конце августа бабка Матрена, принарядившись в кеды и подоткнув подол длинной юбки, бодренько направилась по одной из троп на ближнее угорье. Угорье сейчас выглядело, как полинялая меховая шапка: молодой пихтач поредел, сбрасывая желтые свои иглы, березы и осины расставались с последними листьями — все донельзя было размалевано осенними красками, и даже голубое небо, будто выгорело за лето, приобрело цвет недоспелой голубицы.

В одной руке бабка Матрена несла плетенную из краснотала корзинку, в другой — держала поводок, на котором была привязана коза Милка. Коза то взбрыкивала, то тянулась к траве; бабка любимицу свою не подгоняла да и не спешила особо. Она смотрела на осенний лес, и он был как отцветшая ее молодость. Матрена чувствовала себя неразделимой и с тайгой, и с этой землей; она, впрочем, не сожалела о прожитых годах, хороших ли, плохих, не боялась и того, что не так уж много отмерено ей на этом свете. Бабка была наделена философским умом: ничто не исчезает бесследно, и жизнь ее просто перейдет в другие формы, скажем, в ту же осинку, под которой зароят ее, Матрену, и осинка, вобрав соки земли, потянется к небу и с наступлением лета молодое зашелестит по ветру своими листьями.

Брела бабка Матрена на угорье посмотреть — созрела ли брусника, и думала она о том, чтобы на зиму заготовить впрок ягод, насолить и намариновать грибов, смотришь, и перезимуют в достатке зиму... Привязав козу Милку за деревцо, Матрена сунулась под куст стланника — в тенечке ягода крупная, налитая до краев сладко-кислым соком. И уж набрала она горсть ягод и высыпала в беззубый рот. А тут глянь — по другую сторону куста лакомится брусничкой медведь.

Матрена быстро сглотнула ягоду и как истая таежница громко так, без особого страха, сказала:

— Кыш, окаанный, кыш! — И даже рукой взмахнула.

Но медведь попался с норовом, и к тому же он, видимо, по-своему, по-медвежьи рассудил: это же наглость сгонять его с места, когда он это место первым облюбовал. И, разозлившись не на шутку, медведь так взревел, так ощерил свою шубу, что Матрена, отбросив на чисто всякие философские соображения — осень, медведь сыт, на человека на кой ляд ему нападать — подхватила, тоненько вскрикнула и уж без оглядки приударила изо всех сил в поселок. А медведь для острастки даже малость посопровождал ее.

Матрена переполошила приисковый поселок. Мужики, кто рабо-

¹ См.: «Дальний Восток», 1974, № 7, 8.

тал в ночную, а сейчас отдыхал по домам, пока настраивали ружьишки, пока пришли на то место, где она видела медведя и оставила свою козу, косолапого и след простыл. Но медведь оказался не только вегетарианцем: от бабкиной козы не оставил ни рожек, ни ножек, уволок ее куда-то, на дереве болтался только обрывок веревки.

Мужикам, конечно, на козу Милку наплевать, и отыскивать медведя они не стали — еще егерь штрафанет, если завалить его без лицензии. И они преспокойно разбрелись по полянкам, лакомясь ягодой. А в густом пихтаче целыми семьями стояли коричневые маслята, на взлобке из-под листьев выглядывали белые грузди. Мужики поснимали рубашки, завязали рукава и набрали вдоволь грибов.

Так начался грибной и ягодный бум.

Встречаясь в магазине, женщины теперь редко вспоминали о Шанько, которого прихватили с краденым золотом. На поверку он оказался не просто вором, а, как дознались потом следственные органы, бывшим полицаем, которого советский суд заочно приговорил к смертной казни. Он числился в списках разыскиваемых военных преступников. По подложным документам (настоящая фамилия его была Неделько), Неделько-Шанько, скрываясь от возмездия, удрал на другой конец страны. Ему казалось, что время и расстояние помогут ему затеряться, запутать следы. Но тут на приiske появился Федор Костенко. Он-то знал полицая Нестора Неделько. Тот тоже признал бывшего соседского мальчишку. Где и при каких обстоятельствах у них произошла первая встреча, о том никто не знает, но Неделько пригрозил Федору расправой, если тот выдаст его. Костенко, видимо, намеревался уехать с прииска, и потом уж заявить куда следует о затаившемся фашистском прислужнике. Неделько пришла мысль откупиться, и тогда-то он и продал часть наворованного золота зубному технику. Впрочем, он сделал все так, чтобы в случае провала, купивший признать его не мог.

Но Костенко денег от него не взял, наотрез отказался. Неделько понял, что рано или поздно Федор его разоблачит. Он видел, как тот мучается, тайна становилась ему просто не под силу. И тогда Неделько решил расправиться с Федором в один из массовых выездов на речку. Так Костенко и погиб из-за своей слабыхарактерности.

Тему эту в поселке, можно сказать, исчерпали, и женщины в магазине обменивались рецептами, сколько и каких требовалось специй на маринад для маслят, сколько соли нужно для груздей. У мужчин разговоры были иного порядка. Беспокоило их то, что план по добыче золота горит и премиальных, значит, им не видеть. По всему чувство-



Приморский писатель Станислав Прокопьевич Балабин родился в 1935 году. Автор повестей «Тайна в твоих руках», «Под колесами — наледь», «Чужая беда», «Жил-был дядька Исай», «Дочь тайги», «Медвежий угол», романов «Приискатели» и «Бурелом». Первая книга романа «Золотая жила» опубликована в журнале «Дальний Восток» (№ 7, 8 за 1974 год).

валось, что нынче зима придет без задержки и сократит промывочный сезон.

И верно, однажды ночью землю завалило глубоким снегом. Еще неделю люди на прииске предпринимали отчаянные потуги, чтобы выполнить план. Все почернели на холоде, оттаяв у стыллой земли последние кубометры золотоносного песка. Вода замерзала, напор на мониторах с каждым днем падал и работать становилось невозможно. Это была самая трудная неделя за весь сезон.

Наконец огласили приказ — закончить горнорудные работы, оборудование установок демонтировать и вывезти в поселок в ремонтные мастерские.

Шла последняя съемка золота.

Тяткин в неизменной шинели, под которую он поддел меховую безрукавку, казался толстым и важным. Он вообще немного заважничал с тех пор, как с его помощью разоблачили Неделько-Шанько. И сейчас он бдительным оком наблюдал за работой съемщиков. Напарником у Армо Григоряна теперь был пенсионер Волошин, мужчина еще довольно крепкий, прозванный Тарасом Бульбой. Прозвали его так за его длинные казацкие усы, концы которых свисали до самого лотка, да еще за стрижку, производимую самостоятельным парикмахером-соседом: затылок и виски тот тщательно выбривал машинкой-нулевкой, а на самой макушке оставлялся хохолок волос, как казачий оселедец.

Волошин-Бульба делал промывку старательно и молчком. Но сегодня и Армо не спешил, будто хотел растянуть удовольствие.

Супарев уже несколько раз с раздражением спрашивал:

— Скоро вы там закончите?

Съемка уже не интересовала его, поскольку это ровным счетом ничего не меняло. Их установка в этом сезоне сработала хуже всех на прииске. Супарев постепенно уже свыкся с мыслью, что план все равно не вытянуть. Да что план! И сейчас, когда он покрикивал и поторапливал съемщиков, делал он это не из желания узнать, сколько металла даст последняя съемка, а не хотелось ему больше торчать на холоде. Пусть поскорее все это закончится — и съемка, и демонтаж, и то, о чем пока лучше не думать: в самом воздухе витали разговоры о том, что Супареву больше не работать начальником установки. Его даже не согревала, как раньше, мысль о том, что он теперь имеет семью, свое гнездо, где можно отдохнуть в тепле и уюте после всяких производственных передраг. Но и тут не все ладилось. И он уже со страхом думал, что дал, пожалуй, маху, что так скоропалительно женился. И обреченно махал рукой: «А, будь что будет!»

Когда после съемки они пришли к раскомандировочной, там еще толкались рабочие. Супарев хотел прикрикнуть, почему до сих пор не приступили к демонтажу. Но сообразил, что люди вымотались вконец и сами знают, что к чему. Да, собственно, куда теперь спешить?

Препаршивое настроение было у тех, кто приехал сюда на сезон; они и держались обособленно, и в открытую прикидывали, на какой прииск податься в будущем году. Пусть кто другой пыгает здесь счастье. Супарев, слыша подобные разговоры, и сам думал: а не податься ли и ему куда-нибудь? Не ждать, пока тебя самого унижительно турнут с места. Зябко было от этих мыслей, будто в душе тоже заснежило, запуржило и не разглядеть, что там тебя ожидает впереди. Можно ненароком свалиться в яму, из которой и не выбраться.

— Застегнулись бы вы, Аркадий Григорьевич, — по-домашнему заботливо сказала ему Татьяна. Она сама в синем ватнике, в сером пуховом платке, на ногах черные валенки, подшитые резиной. И вся-то она плотная, крепко сбитая, с ярким румянцем на всю щеку. Стояла Татьяна около Доски показателей и вертела в пальцах кусочек мела, будто раздумывала, стоит ли записывать итоговый процент.

— Простуду схватить сейчас очень просто, — наставительно сказала Татьяна и под взглядом Супарева до крайности смутилась, сделала непроизвольный жест рукой, испачкав себе мелом щеку.

— Меня простуда не берет, — ответил Супарев. Он знал за собой эту привычку: говорить не то, что думает, показно бодриться, когда самому было не до оптимизма. — И сколько же мы наскребли? — спросил он, а сам уже прибростил в уме и знал, что с сегодняшней сьемкой получалось чуть больше восьмидесяти процентов к годовому плану.

— Восемьдесят и семь десятых, — Татьяна произнесла это таким тоном, словно она лично была виновата в том, что установка никудашно сработала в этом сезоне. Будь у нее тайник с золотом, она бы все до последней крупички отдала, только бы порадовать Супарева. Девушка сказала: — А может, и все восемьдесят один. — И под взглядом Супарева еще больше зарделась.

— Зачем же округлять, запишем как есть. — Супарев взял у Татьяны мел и самолично выписал на доске «80,7». Но цифры получились какими-то жиденькими, стеснительными, их и в пяти шагах не разоб-рать. Поймав взгляд Татьяны Аркадий кашлянул и еще раз обвел цифры мелом. Теперь цифра смотрелась солидно, даже вызывающе. Татьяна сказала:

— Я в школе страсть как любила выводить восьмерки. Напишешь их в одну строчку, ну, прямо, вышивка какая...

— Точно, не работа у нас, а сплошное вышивание, — криво усмехнулся Супарев и бросил в снег кусочек мела, как нечто теперь совсем не нужное. — Проследи, чтобы доску тоже увезли. Вон облупилась вся за лето.

— Покрасят, на следующий год будет новенькая. — Татьяна вкладывала в эти слова нечто большее: пусть не взяли они золота в этом сезоне, возьмут в следующем — и нечего опускать руки и вести себя так, точно и жизни конец.

Но Супарев Татьяну больше не слушал. Он обычно круто переходил от одного настроения к другому. И теперь он отдавал распоряжения направо и налево, что в первую очередь следовало погрузить на сани, что потом.

Но тракторы с санями все не шли, и он несколько раз звонил механику Реушкину, в конце концов поругался с ним.

— Мы что, до нового года будем перевозиться! — простуженно кричал Супарев в трубку. — Или на себе прикажите оборудование перетаскивать? И почему два трактора, а не три? Давайте третий.

Тракторы с санями подошли лишь в полдень. Кое-кто уже подумывал об обеде, Супарев заявил, однако, пока не загрузят сани, никаких обедов не будет.

При погрузке дизелей по неосмотрительности Тимохи Сошникова один из них завалился на бок, тудяга-дизель при этом тяжело вздохнул и выпустил под себя лужу черного отработанного масла. Супарев под горячую руку за такое обращение с дизелем всыпал по первое число Тимохе Сошникову. Тот нагоняй воспринял, как личный выпад начальника против него. Тимоха вел себя так, будто Супарев был у него в неоплатном долгу.

— Психует, знает, что по шапке дадут, — произнес он, донельзя обиженный. — С таким начальником на соль не заработаешь.

— Тебе, Тимоха, я одному бы дал по шапке, — заметил Егор Дзюба. — Посмотри, во что ты за лето превратил дизеля. Полной капиталкой не возьмешь.

Супарев весь день мотался, как угорелый, и, вконец уставший, с последней машиной укатил на прииск.

Во всей кутерьме этого дня Супареву запомнилась одна, на первый взгляд, пустяшная деталь — это когда Артем Мордюков на дверях раскомандировочной прибивал крест-накрест две доски. Он вколачивал гвозди с ухарским побряхтыванием, будто занятие доставляло ему крайнее удовольствие.

— Кха! Кха! — бил он топором по шляпкам гвоздей. Эхо сухими выстрелами прокатывалось над заснеженной и начинающей застывать землей и скатывалось вместе с поземкой в отработанный разрез, который напоминал еще одну глубокую морщину на челе трудяги-земли.

— Кха! Кха! — продолжал выстреливать Мордюков.

Горячка последних дней вовсю раскрутила внутренний маховик, и Супарев, даже придя домой, не находил себе места. Он метался по тесной квартире в поисках какой-нибудь работы, не находил ее и оттого злился и готов был сорвать свое плохое настроение на Галине. Но та не умом, а сердцем чувствовала, что сейчас лучше помолчать, не лезть к мужу ни с лаской, ни с вопросами! А ей очень хотелось спросить Аркадия, правда ли болтают люди на прииске, будто его отстранят от должности начальника участка. Галине казалось, что если такое случится с мужем, то она от стыда провалится сквозь землю, что на них люди станут показывать пальцем и шептаться за спиной: «Вот и учи таких в институтах. Не нашей жилы человек» И потом это больно ударило бы по ее самолюбию, по тщеславию, ведь она любила при случае подчеркнуть, что ее муж — инженер, начальник участка.

До декретного отпуска оставалось около трех месяцев. Галина часто садилась теперь за швейную машинку. Для будущей матери она просто необходима. Это было ее новое увлечение — до самозабвения. И вообще она вещи покупала истово, хватала что надо и не надо, будто хотела покупками восполнить то, чего не хватало ей в жизни. Откуда-то она принесла ворох выкроек, по вечерам к ней стали захаживать женщины, ворожили над выкройками, что-то вырезали из газет...

Супареву это увлечение жены на первых порах даже нравилось, но постепенно в нем поднималась глухая злость на вещи, которыми была забита квартира, на все эти кружевные накладки на подушках, на безвкусные горшочки на стенах, из которых торчала худосочная зелень. Сегодня он уже несколько раз останавливался за спиной у жены, смотрел, как она неумело шьет, недовольно хмыкал и все злее и громче посапывал. Казалось, вот-вот и он взорвется. И он действительно искал ссоры, хотел маленького скандалчика, он был ему необходим, как необходим в паровом котле золотник, через который спускают излишки пара.

— Посмотри, какое чудо получилось! — Галина подняла над головой розовую распашонку с расставленными в разные стороны рукавичками и с белыми завязочками. Она ожидала, что это умилил будущего отца, но тут ей изменило женское чутье.

— Ребенка нет, а ты уже нашиваешь! — Супарева наконец про-

рвало. — На кой черт нужны мне твои распашонки! И машинка твоя! И все это! — Он поискал глазами, чтобы такое хватить об пол, вдребзги, на мелкие кусочки. — К черту все, к черту!

— Так ты ребеночка не хочешь, да? — Галина вскочила со стула. — Скажи, не хочешь? — с полными слез глазами вопрошала она.

— Ничего и никого не хочу, — опрометчиво заявил Супарев, и опять он говорил не то, что хотел сказать на самом деле. — Пошли вы все к чертовой матери! — А ведь понимал умом, что жену расстраивать сейчас нельзя, но вот занесло его, и не было сил остановиться.

А Галина уже швыряла в него выкройками, катушками ниток, всем, что попадало под руки.

— Вот тебе, вот! — кипела она негодованием. — Из тебя такой же будет отец, как и начальник участка. Можешь уматывать на все четыре стороны. Я одна с ребеночком проживу!

Супарев набросил полушубок и ошалело выскочил вон из квартиры. Пробежал в конец двора, остановился, тупо и бездумно глядя на Тарзана. Тот высунул морду из конуры, смотрел на хозяина, жалобно заскулил.

— Перестань! Расскулились. Распашонки, машинки, тьфу ты черт! — Супарев плюнул под ноги, былой злости уже не было, но осталось тлеть какое-то беспокойство. Хотелось человеческого элементарного участия, чтоб его пожалели, чтоб посочувствовали тому, какая у него, Супарева, распроклятая жизнь. Он двинулся к калитке, еще не зная, куда пойдет. — Тарзан, за мной, — позвал Супарев.

Тарзан полпелся за хозяином, хотя лежать в конуре было куда приятней, чем тащиться по снегу. Хорошо еще не взялись по-настоящему здешние морозы, и ветры еще таились за Яблоновым хребтом и не перемахнули пока в Усть-Неверскую долину, чтобы вдоволь набегаться по ней, пошалить всласть и позагонять все живое в укрытие.

Супареву пришла в голову мысль зайти к Татьяне. Возможно, сказалась привычка видеть ее каждый день в раскомандировочной, выслушивать неторопкий разговор; он и сам при ней чувствовал себя как-то спокойней, увереннее, что ли. Все, что ему в нынешнем сезоне пришлось пережить на установке и хорошего и плохого, находилось в неразрывной связи с Татьяной. Так во всяком случае казалось сейчас Аркадию. О Галине же он старался не думать: поспихует и перестанет. Галка-скакалка оказалась на поверку далеко не Галкой из розового детства.

Вот и дом Лазаря Чумарева.

— Сиди тут, жди, — сказал Супарев Тарзану.

Пес неодобрительно рыкнул, но послушно уселся у высокой дощатой калитки.

Супарев пошел через двор. Под ногами поскрипывали мостки, они тянулись от калитки до самого крыльца. Дверь в сени не заперта; в просторных и освещенных сенях пахло квашеной капустой и еще чем-то домашним, устоявшимся, как в давно обжитых избах. Дверь, что вела в дом, была тщательно обита войлоком. Войлок опускался до самого пола, чтобы зимой не поддувало через порог. Аркадий и у себя намеревался так обить дверь: Галина не раз жаловалась, что у них по полу гуляет ветер... Он постучал и, ничего не расслышав, потянул ручку на себя.

Пахнуло на него теплом и кухней.

— Здравствуйте!

Колыхнулись пестрые шторы, из комнаты выглянула Татьяна, быстрым движением запахла на груди халатик, чуть вздернула брови.

— Здравствуйте, Аркадий Григорьевич, — немного распевно ответила она.

Аркадию Григорьевичу казалось, что Татьяна весь вечер была занята одним вопросом: зачем это он пришел? Старик Чумбарев, вылезший с палочкой из своей спальни, тоже был настороженно-внимательным. Его, видать, интересовало, не завел ли он, Супарев, с его дочкой шуры-муры! И потому во взгляде и голосе родителя проскальзывал холодок. Скупое роняя слова, Чумбарев при этом постукивал палкой по полу, до чая почти не дотрагивался, а затем вдруг ударился в воспоминания и начал хвастать без удержу... Разговорчивость старика была сейчас на руку и Аркадию, и Татьяне. Им можно было уйти в себя и находиться одновременно здесь и как бы не здесь. Аркадий Григорьевич поймал себя на мысли, что ему сейчас несказанно хорошо, и его прежняя злость совсем отошла куда-то, он был почти влюблен в Татьяну и в разговорчивого старика. И эта комната, где каждая вещь была к месту, ему нравилась. Даже цветок алоэ, который стоял в глиняном горшке и служил хозяевам, видно, в целебных целях, умилял Супарева. Так бы, кажется, и сидел он здесь вечно и никуда бы не уходил.

— Значит, завалил план?

Аркадий Григорьевич не сразу сообразил, что старик прервал свои воспоминания и теперь спрашивает его. Спрашивает о том, о чем бы Супареву совсем не хотелось говорить. Этим вопросом он грубо, одним махом вытащил Супарева за уши из той тихой заводи, в которой он надеялся тихо просидеть весь вечер. Чумбарев при этом сказал не «завалили», а «завалил», как бы возлагая всю ответственность за невыполнение плана на начальника установки. Вопрос был неприятен и задан с нарочитой прямоотой. И на него отвечать следовало столь же прямо, не юля и не стараясь переложить вину на других. Аркадий посмотрел на Татьяну, но она продолжала помешивать чай ложечкой и словно не слышала, о чем спросил отец.

Старик, постукивая палкой, ждал ответа.

— Завалил, батя, — наконец сказал Супарев. И даже почувствовал облегчение, что нашел в себе силы посмотреть правде в глаза.

Ответ Супарева старику явно понравился. Татьяна же только коротко глянула на гостя, но ничего не сказала.

— Таньк, выйди на минутку, — попросил Лазарь.

Аркадий Григорьевич подозрительно и выжидающе посмотрел на старика: чего еще удумал старый?

— Ты вот что, больше не ходи в гости к Татьяне, — сказал Лазарь и палкой об пол пристукнул. — Ведь не ко мне, к ней пришел. Ты, паря, женат, нечего девушку растревлять. Люди всякие есть, разговоры пойдут... Вот так, паря, — снова пристукнул он палкой, точно поставил окончательную точку под этим нелицеприятным разговором.

«Старый хрен, — выругался про себя Аркадий. — Зайти в гости — это еще не значит путаться с Танькой», — хотелось сказать ему, но старик наверняка не поймет его, ослепленный любовью к дочери и воспитанный на своих представлениях о морали. И Супарев просто отмолчался, таким образом выразив свое несогласие.

Татьяна набросила на плечи полушубок, пошла проводить Аркадия.

— Вы на отца не обижайтесь, — сказала Татьяна, останавливаясь у калитки. — Вы должны его понять.

— Отчего ж, я понимаю...

— Неправду вы говорите, чувствую. Он не понял, за чем вы пришли, а вас это обижает.

— А ты поняла?

— Лучше бы вы не задавали этот вопрос. — Татьяна вздохнула. — Если я скажу правду, вам потом станет стыдно: мужчины не любят признаваться в своей слабости. Вы же пришли, Аркадий Григорьевич, за утешением. Чувствую вот здесь, что так. А какой из меня утешитель. Я простая необразованная девка...

— Зачем ты так, Таня? — Аркадий Григорьевич расслабился, размяк. Ему страстно захотелось привлечь сейчас к себе Татьяну, зарыться лицом в отвороты ее кофужа, и чтоб его, как ребенка, погладили бы по голове и говорили ласковые слова. Но вместо этого он сам заговорил запальчиво, скороговоркой: — Да, да, я пришел за участием. Ничего не вижу в этом унижительного. Мне надо, надо, понимаешь, кому-то выговориться. Ты же мне друг, скажи, друг? Я самолюбив, Таня, очень самолюбив. С детства, насколько помню себя, был такой. В садике я во всем должен был быть первым, в школе тоже, в институте... Если кто-то оказывался впереди меня, я того готов был возненавидеть... — Он говорил, потом неожиданно оборвал на полуслове и потянулся к Татьяне, но она отстранилась и сказала:

— А вы эгоист, Аркадий Григорьевич. Вам бы сейчас хотелось свои трудности раздать всем понемногу, а себе ничегошеньки не оставить. Пусть ношу тянут в гору другие, а вы налегке пойдете... — Она не щадила теперь Супарева, выговаривала в глаза ему все, что хотела бы сказать еще за столом, но постеснялась при отце. — Ах, какой вы, дескать, слабенький, какой миленький, и все-то вас обижают, и все-то вам плохого хотят — вот вы что надеялись от меня услышать... Правда ведь? Так не дожидетесь, не услышите. И не нюхаете, и на других не сваливаете то, что вам отмерено нести. Будьте мужчиной, а не тряпкой. Ступайте, Аркадий Григорьевич — вас жена ждет. Всего вам хорошего. — Татьяна круто повернулась и ушла.

В сених погас свет, и двор как-то сразу погрузился в темноту. За калиткой слабенько скулил Тарзан, заждавшийся хозяина.

«Много ты понимаешь, — неожиданно снова подкатила злость. — Ни черта ты не понимаешь».

— Пошли, Тарзан, домой, — сказал он вслух. — Нас Галка ждет. Ты, Тарзан, мой самый верный друг. А что говорить не умеешь, так это и к лучшему...

Укатанный снежок скрипел под подошвами валенок.

Был поздний вечер.

Было студено.

2

В комбинат вызвали Латышева, Позднышева и главного бухгалтера Пашенко. За ними прислали вертолет. Рейсовые самолеты на прииск пока не летали: колеса на базовом аэродроме уже не годились, а переходить на лыжи тоже было рановато — недостаточно еще выпало снега.

Вертолет приземлился прямо на площади около конторы. Сюда сбежались все приисковые мальчишки, хотя вертолет тут уже давно не в диковинку.

Через несколько дней тот же вертолет доставил всех троих обратно на прииск, высадив их на той же площади около конторы. От вертолета прилетевшее начальство шло теперь уже другим порядком: впереди донельзя озабоченный Сергей Позднышев, за ним Пашенко с отоцавшим портфелем, замыкал же шествие Латышев в наглухо

застегнутом зимнем пальто с серым каракулевым воротником и в пыжиковой шапке, низко надвинутой на глаза. Он единственный на приiske носил старомодные бурки, обшитые коричневой кожей.

Конторские, побросав дела, как мухи, лепились к окнам и строили различные догадки, насчет того, что же произошло в комбинате. С годовым отчетом вызывать их пока было рано, а чтобы сделать нагоняй по итогам прошедшего промывочного сезона, не обязательно было на-нимать вертолет.

К вечеру словно бомба разорвалась: Латышева, оказывается, переводят в комбинат, на его место директором прииска назначают главного инженера Сергея Позднышева. Хорошо это или плохо, никто сказать не мог. К Латышеву привыкли, как привыкают к тому, что день сменяет ночь, люди хорошо знали все слабые и сильные стороны директора, а Позднышев человек новый на приiske, хотя некоторые уже испытали на себе его характер и побаивались, что он круто начнет насаждать новые порядки.

Утром следующего дня Сергей Позднышев как ни в чем не бывало прошел в свой кабинет, Латышев — в свой.

Служащие шептались и бродили из отдела в отдел. Все помалкивали до официального извещения. А вдруг это только слухи? Допытывались у главбуха, но тот тоже хранил молчание. Начальники отделов немного растерялись и впервые запаздывали на оперативку к директору. Пащенко понадобилось подписать какую-то деловую бумажку, и он, опережая события, сунулся в кабинет Позднышева.

— Сергей Филиппович, мне бы один документик подписать. Нужна первая подпись.

Позднышев удивленно посмотрел на главбуха.

— Так идите и подписывайте. — Сергей собирал в папку бумаги. — Я пока не имею право подписи. А вы разве не идете на планерку?

— Да-да, конечно.

«Старый дурак», — ругал себя почему зря главбух.

В приемной секретарша встретила Позднышева предупредительно-вежливо, но не выдержала до конца характера, поспешно вскочила из-за столика, опередила Позднышева и открыла перед ним дверь в директорский кабинет.

Позднышев, страшно смущенный, прикрыл дверь и тихо сказал:

— Зачем же так, Анна Ивановна?

Анна Ивановна покраснела.

— Простите, Сергей Филиппович! Ради бога простите.

— Будем считать, Анна Ивановна, что ничего не было.

Сергей чувствовал себя донельзя неловко перед этой пожилой женщиной, наверное, лет десять, если не больше проработавшей секретаршей Латышева.

Григорий Петрович Латышев утонул в своем кресле. За приставным столом сидели Галич и Рыжиков. Начальников отделов, механика и главного геолога пока не было.

— Запаздывают, — Латышев посмотрел на часы и горько усмехнулся. Его можно было понять и посочувствовать. А тут еще Рыжиков сказал Позднышеву: «Вас можно поздравить, Сергей Филиппович», — и потянулся пожать руку Позднышеву. «Мог бы и повременить», — неодобрительно глянул на него Галич, Позднышев протянул руку и тоже нахмурился. Рыжиков понял это на свой лад: ему с новым директором не сработаться. Но Рыжиков жох, за свою жизнь видел и не таких «зубров», поэтому надеялся на свою изворотливость.

Галич снова посмотрел на него и, словно прочтя невеселые мысли председателя местного комитета, чуть заметно улыбнулся.

Латышев, по своему обыкновению, баловался витаминами. Он не спрятал коробочку и тогда, когда наконец в кабинет гуском стали входить начальники отделов: раньше бы он себе такого не позволил. Последним протиснулся бочком в дверь старший маркшейдер Воронов, кутаясь до самого подбородка в клетчатый шарф. Он присел на краешек стула и смиренно положил на колени сухие склеротические руки.

— Что ж ты, Митрофан Наумович, присаживайся поближе, — поглядев язвительно на маркшейдера, сказал Латышев.

Воронов выдавил страдальческую улыбку, пожаловался:

— Гриппую, Григорий Павлович. Вирусы, так сказать...

— Сидели бы дома, — серьезно заметил начальник планово-экономического отдела Елисеев. Он точно обрадовался возможности заполнить ту неловкую паузу, которая наступила в кабинете после слов старшего маркшейдера. — Перцовочки, Митрофан Наумович, перцовочки. Лучше всех ваших травок...

— Да уж он вылечит своими травками, — счел нужным пошутить Латышев. — Три дня животом мучился, — вспомнил он небезызвестный случай.

Присутствующие сдержанно рассмеялись, виновато улыбался и сам Воронов. Митрофан Наумович действительно простудился и вообще не вышел бы сегодня на работу, если бы не дошедший и до него слух о смене руководства на приiske.

«Мнительными мы на старости лет становимся», — только и подумал Митрофан Наумович о своем старом товарище. И еще он с грустью подумал о том, что с уходом Латышева как бы заканчивался большой отрезок и в его собственной жизни, и Митрофан Наумович увлажнившимися неожиданно глазами уставился в пол и больше их не подымал до конца этой столь необычной планерки.

— Товарищи, друзья, — проникновенно произнес Латышев. — Сегодня ваши доклады я выслушивать не стану. Есть приказ по комбинату, что директором прииска назначается Сергей Филиппович Позднышев, — кивнул он в сторону главного инженера. — Так что скоро распрощаемся... Но видите, я надеюсь, мы еще будем: меня переводят на работу в комбинат. В следующую субботу прошу вас, как полагается, прийти на проводы... Вот у меня, пожалуй, и все.

— Разрешите я два слова скажу, — поднялся Галич. — Григорий Павлович еще два месяца назад написал письмо Поливанову с просьбой освободить его от занимаемой должности. Его уговаривали остаться, но Григорий Павлович настоял на своем. Тогда ему предложили место в комбинате.

«Пожалуй, вовремя об этом сказал. Не будет лишних кривотолков». — Сергей изучающе посматривал на присутствующих. Остановил свой взгляд на главном механике Сидоре Артемьевиче Реушкине. Реушкин, точно подчеркивая свою принадлежность к технике, ходил в замасленном пиджачке и, как всегда, был небритый: редкая седая щетинка покрывала подбородок и щеки.

— Сидор Артемьевич, зайдите ко мне, — попросил Позднышев, когда закончилась эта необычная планерка.

— Присаживайтесь, Сидор Артемьевич.

Реушкин настороженно посмотрел на Позднышева, покашлял дежурно в кулак, провел ладонью по заросшему подбородку и вдруг пожаловался простодушно и наивно:

— Растет окаянная, просто спасу нет. Хоть два раза на день

брейся. Выдумали бы наши ученые какую мазь, чтоб намазался раз — и ходи неделю.

Сидор Артемьевич хотел еще что-то сказать, но, увидев, что Позднышев не намерен выслушивать подобные отвлечения, оборвал на полуслове, насулил брови, уперся ладонями в колени и как-то по-петушиному вздернул плечи.

— Как, оборудование со всех установок вывезли? — Позднышев понимал, что труднее всего ему будет вот с такими старыми работниками, как Реушкин, начавшими свой путь на приiske с простого слесаря. Раньше чуть что, они по старой дружбе шли прямо к Латышеву, и тот частенько, даже в ущерб делу, принимал их сторону.

— Все вывезли, Сергей Филиппович, — сказал Реушкин.

— Я вас прошу, Сидор Артемьевич, проверьте еще раз. Посмотрите по всем установкам, чтобы ничего не осталось под снегом. Ни ключа, ни болта.

Реушкин кивнул, но в глазах его читалось: не первый год работаю, можно обойтись и без напоминаний.

— Теперь о ремонте. Тщательно подготовьте документацию на бульдозеры и машины, какие придется отправлять в заводской ремонт. На оставшиеся составьте график, дадите мне на утверждение, ну, скажем, — Сергей полистал настольный календарь, — скажем, послезавтра.

Это были очень жесткие сроки, и Позднышев это понимал, но для пользы дела он не мог дать сверх того ни одного лишнего дня. Ремонт техники на приiske решает все.

Лучше переждать, чем недождать, именно такого принципа с первых дней работы решил придерживаться Позднышев. От него не ускользнуло, что столь сжатые сроки оформления документации пришлось механику не по душе.

Реушкин потер подбородок, осунул плечи, промолчал.

— График ремонта будем неукоснительно выполнять, — сказал Позднышев. — Хочу сразу предупредить: благодушия от меня не ждите.

«Круто, круто берешь, — все более мрачнел Сидор Артемьевич — Смотри, как бы крылья себе не обломал».

— Многих запчастей нет, Сергей Филиппович, — наконец возразил Реушкин. — К примеру, на складе только двубортные катки, однобортных почти нет. Это раз, — он загнул корявый палец, в кожу которого навечно вьелось машинное масло. Он, видимо, собрался наиподробнее образом проинформировать Позднышева, но тот прервал его:

— Сидор Артемьевич, я отлично осведомлен, каких запасных частей у нас нет. Как только станут реки, отправим машины в город. А пока будем исходить из того, что имеется. Кстати, прогуляйтесь к артельщикам, посмотрите, что есть у них. Возможно, сделаем какой-нибудь обмен. В порядке взаимовыручки, Сидор Артемьевич.

— Это приказ, или как вас надо понимать? — сощурил глаза Сидор Артемьевич, подобные сделки с артельщиками были бы противозаконными.

— Совет, Сидор Артемьевич. Но на сегодня все. Не забудьте, послезавтра чтобы график ремонта и остальная документация лежали у меня на столе.

Сидор Артемьевич исподлобья посмотрел на Позднышева, — круто берешь, круто! — шумно вздохнул, шумно поднялся с места, чуть не опрокинув стул, и молчком вышел из кабинета.

Сидор Артемьевич Реушкин был отличным механиком. Хотя он и самоучка, а мог потягаться с любым дипломированным механиком. На расстоянии Сидор Артемьевич мог определить на слух, чем болен тот или другой бульдозер, та или иная автомашина. Знал он себе цену и потому, выйдя от нового директора и давясь от обиды, из конторы побрел по заснеженной площади сам не зная куда. И, только когда пересек площадь, понял, что идет без шапки — шапку он как держал в руке, так и держит.

— Тыфу ты, нечистая сила, — смачно сплюнул Реушкин. — Я механик, но не доставала, — сказал он вслух. Нахлобучил на самые глаза шапку, оглянулся на контору. — Шиш тебе с маслом, Сергей Филиппович!

Добряк Реушкин вдруг решил, что устроит бунт против нового директора — не выйдет на работу. Пусть все огнем горит, а он напишет заявление об уходе, пойдет опять слесарить. И, приняв такое решение, Сидор Артемьевич по-мальчишески возомнил, что теперь ему все нипочем, он вольная птица. И, напустив на себя этакую веселую браваду, он легко зашагал не в сторону ремонтных мастерских, а домой. Шел и даже напевал песенку о том, как зайцы косят трин-траву.

— Ты что не на работе? — поинтересовалась жена Реушкина Василиса Парамоновна. Придвинулась к мужу, потянула носом, — нет, вроде бы не пахнет спиртным, а так ее Сидор будто навеселе.

— Я нынче вольный казак, — стукнул себя кулаком в грудь Сидор Артемьевич.

— Как так? — удивилась Василиса Парамоновна. — Уволили, что ли?

— Сам решил уйти: больно прыток новый директор. Разговаривал со мной как с мальчишкой. Неукоснительно чтоб послезавтра документацию представил! А, пошел он к такой-то матери!

— Ну-ну, — только и сказала Василиса Парамоновна. Она знала своего мужа: как спичка загорается, но и гаснет быстро. А с годами стал, как малое дитя, обидчив. — Есть будешь?

— Нет, лечение голодом устрою: в журнале вычитал.

— Значит, еще и голодовку объявляешь? Давай, давай, может, день — два не поешь — поумнеешь.

— Я и так умный.

— Да уж видно.

Перепиравшись с женой, Сидор Артемьевич в прихожей стянул с себя одежду, переоделся в замасленную спецовку и вышел во двор. Обиды уже как будто и не было, но она перешла в упрямство. Реушкин через калитку, что вела в огород, прошел к сараю-дровянику. Сарай был перегороден на две половины. В одной половине хранились дрова — напиленные и наколотые, в другой же половине было нечто вроде мастерской. Там, сокрытая пока от глаз людских, стояла до поры до времени почти готовая чудо-машина, вездеход-вертолет на некоем подобии лыж. Вычитал Реушкин в столичном журнале, что построена такая машина, которая может передвигаться и над водной поверхностью. Она была как бы гибридом между глиссером и самолетом. Штука эта так понравилась Сидору Артемьевичу, что он потом много ночей не спал, все думал, как бы себе такую штуковину смастерить. Правда, воды великой здесь не было, но ведь машина могла с таким же успехом парить и над ровной поверхностью суши. В нем даже разыгралось профессиональное самолюбие, и он принялся строить чудо-машину людям на удивление. Вот уже почти около года строил. Мотор приспособил от мотоцикла «Урал». Долго не мог раздобыть воздушные лопасти, потом сделал его сам. Сейчас остава-

лось закрепить винт на валу, и можно опробовать машину, хотя бы у себя на огороде. Правда, огород не велик и скорости нужной не наберешь, чтобы машина стала подниматься над землей. Но сперва следовало испробовать ее на пробежке.

Похлопав и погладив детище свое по отполированным и покрытым лаком бокам. Сидор Артемьевич закурил и, пуская кольца дыма, думал: «Попрыгаешь, Сергей Филиппович, без механика. Не сразу найдешь человека на мое место».

«Кажется, обиделся Реушкин», — подумал Сергей, когда механик ушел.

Латышев старался быть добреньким, и этим иные пользовались, работали, не очень утруждая себя заботами. Но сейчас Сергея занимал не столько механик, сколько другое очень скверное дело. Ревизионная съемка показала, что на установках завышен кубаж промытой породы. Об этом Позднышеву сказали парни из маркшейдерской службы комбината. Они только что обработали данные съемки и утверждали, что ошибки с их стороны нет.

Сергей попросил парней пока не докладывать по начальству, позволить им самим разобраться на месте. Не могла же Мотя Сахарова намеренно приписывать кубатуру породы? Впрочем, и эту версию следовало проверить. Завышение было не столь уж большим, но если подойти по букве закона, то дело надо передавать в прокуратуру. Тогда Сахаровой придется выплатить около четырех тысяч рублей. Откладывать на потом это дело было никак нельзя, и Позднышев решил сейчас же поговорить с Вороновым.

Митрофан Наумович сидел у себя, еще более закутанный шарфом.

— Я к вам за советом, Митрофан Наумович, — сказал Позднышев.

— Слушаю вас, Сергей Филиппович.

Позднышев, чувствуя за собой вину, что он так сурово разговаривал с механиком, с Вороновым был наоборот мягок. Сергей Филиппович начал с того, что спросил, если бы, к примеру, маркшейдер намеренно завысил при съемке кубаж, то, как это могло произойти.

Воронов сперва довольно спокойно объяснил, что такое могло быть от неисправности теодолита, от небрежности или неопытности самого маркшейдера. Потом он вдруг заволновался, принялся тереть шарф, сразу осип, точно и впрямь ему перехватило горло и не в состоянии больше терзаться возникшими подозрениями спросил:

— Сергей Филиппович, скажите ради бога, в чем дело? Не стоит со мной играть в кошки-мышки.

Позднышеву пришлось рассказать, в чем было дело. Митрофан Наумович некоторое время сидел молча, морщил лоб. Позднышев не торопил его, ждал. Сейчас одно из двух: или старший маркшейдер полностью свалит вину на Сахарову, как непосредственно производившую съемку, или...

— Я, Сергей Филиппович, почти убежден. Нет, просто убежден, что Сахарова никогда не пойдет на преднамеренную приписку. Поверьте мне. Только бога ради не подумайте, что я защищаю честь фирмы. Нет, Сергей Филиппович! — Воронов приложил руку к груди. — Здесь что-то не то...

— Я присоединяюсь к вашему мнению, Митрофан Наумович: действительно, что-то тут не так. Попробуйте в этом разобраться. Понадобится моя помощь, обращайтесь. Да, как вы думаете, Митрофан Наумович, стоит ли нам сейчас ставить в известность Сахарову?

— По мне, пока не стоит. Зачем раньше времени травмировать человека, — сказал Воронов.

Позднышев согласно кивнул головой.

Сидор Артемьевич вытолкал свое детище из сарая, и с этого момента он уже ни о чем другом не думал, как об испытании вертолета. Он залез в тесную кабину, потрогал рули, вылез и снова обошел машину, глядя и похлопывая ее по отполированной поверхности. Вид у Сидора Артемьевича был важный и неприступный. Сидор Артемьевич из-под руки посмотрел на огород, мысленно наметил трассу пробега — она должна была закончиться у изгороди из жердей, отделявшей реушкинский огород от участка председателя месткома Рыжикова.

«Ну, с богом», — сказал Сидор Артемьевич себе и стал заводить мотор. Мотор завелся без капризов, но без глушителей он ревел так, что было слышно и на другом конце поселка. Однако Сидора Артемьевича такая громогласность ничуть не смущала. Напротив, он как бы заявлял о себе в полный голос, дескать, посмотрите люди, на что способен механик Реушкин, надо — так он и самолет построит. И, отбросив все колебания, Сидор Артемьевич прибавил газу. Машина вздрогнула и заскользила корпусом по снегу. Сидор Артемьевич заорал на всю глотку «ура», прибавил еще газу, но тут же сбросил — изгородь с прогнувшимися жердинами быстро оказалась перед самым носом машины. Нет, для испытаний полигон был явно не подходящий.

Сидор Артемьевич, покружив по огороду, и, неудовлетворенный короткими пробежками, решил на большее. Сбегал в сарай, принес топор, снял один пролет забора, отделявшего огород от проезжей улицы, и выгнал машину «на оперативный простор». Но проезжая улица для крылатой машины оказалась далеко не просторной; бензовоз, ехавший навстречу, вдруг шарахнулся в придорожную канаву, шофер обалдело высунулся из кабины. Он, наверное, вообразил, что на улицу поселка приземлился самолет. Потом, увидев в кабине механика Реушкина, шофер от восторга замахал руками и чуть не побежал за ним следом. Зато за машиной Сидора Артемьевича увязались приисковские мальчишки и собаки. Улица около конторы выходила на площадь. Площадь была большая, и Сидор Артемьевич мог здесь испытать свое детище.

Нацелившись по диагонали туда, где с площади выбегала дорога на третью установку, — дорога шла под уклон, а дальше были старый приисковый поселок и болото с редким кустарником и кочкой. Сидор Артемьевич поддал газу, и его вертолет взревев мотором, ринулся через площадь. Он скользил легко и быстро набирал скорость. Сидор Артемьевич вдруг ощутил, что машина парит. Это было непередаваемое чувство полета и все возрастающей скорости, это была победа.

Опьяненный полетом, Сидор Артемьевич не заметил, как площадь кончилась и его вынесло на дорогу, а машину почему-то упрямо стало тянуть вправо. Вот она уже неслась над болотинкой, подминая крыльями кустарник. И тут Сидор Артемьевич, наконец опомнившись, сбросил газ. Вертолет сразу плюхнулся на брюхо и запрыгал по кочкам так, что у Сидора Артемьевича чуть все внутренности не отбило. Он совсем сбросил газ — и машина остановилась.

Сидор Артемьевич вылез из кабины и оглянулся назад — его довольно далеко унесло от конторы. Но было видно, что около конторы толпятся люди, и Сидору Артемьевичу показалось даже, что среди них

он разглядел и высокую фигуру нового директора... И ему вдруг стало не по себе за его мальчишеский бунт, за это несвоевременное раскатывание на машине на виду у всего поселка. Он виновато завздыхал и теперь растерянно топтался на месте, не зная, что ему предпринять и как выбраться сейчас из этой болотины. Знал твердо одно — обратной дороги через площадь ему нет.

Будь что будет! Сидор Артемьевич решил, пусть машина развалится на кочках, но он поведет ее по болоту с таким расчетом, чтобы к поселку выехать с другой стороны. И сейчас же он отправится в ремонтные мастерские оформлять документацию. Если плотно поработать, то как раз можно успеть к тому сроку, который сегодня определил ему директор.

Люди у конторы, верно, были удивлены, что водитель чудо-машины, газау почем зря, потащился по болоту, объезжая поселок.

3

Собираться на проводы Латышева начали чуть ли не с обеда. В сборах, неторопливых и обстоятельных, была своя прелесть.

— Ты сорочку себе погладь, — распоряжалась Анастасия Поликарповна — жена Воронова. — Да смотри, не сожги. Ах, боже мой, ты не видел мои серьги? В коробке все вверх дном, вечно ты лезешь туда, куда не следует. Запонки, что ли, искал?

Анастасия Поликарповна была женщиной деятельной. Митрофан Наумович звал ее «хетагуровкой». Так оно и было на самом деле: она в числе многих женщин приехала сюда в конце тридцатых годов «осваивать Дальний Восток». Тогда же, почти в одно и то же время, женились и Воронов, и Латышев; что ни день на прииске справляли свадьбы — закреплялись рабочие кадры в этом суровом и недостаточном обжитом крае.

— Настя, — попробовал было увильнуть Митрофан Наумович, — у меня действительно горло болит. Может, мне надеть шерстяную рубашку?

— У тебя все не как у людей, — отозвалась Анастасия Поликарповна. — Соберется приличное общество. Я тебе сказала — надевай сорочку.

— Пуговицы верхней нет.

— А ты что, без рук? Возьми и пришей. С тобой, куда идти — все нервы измотаешь.

Митрофан Наумович присел на стул и долго не мог попасть ниткой в ушко иголки, потом запуталась нитка, пришлось рвать ее и снова вдевать в иголку. А из головы не выходила неприятная история с завышением кубаж. Он ничего не сказал Сахаровой, хотя та и стала своего начальника за проверкой теодолита, которым Мотя пользовалась при съемке. Теодолит оказался в полной исправности. Значит, одна версия отпадала. Он сделал тогда перерасчет, но это ничего не дало. Осталось два варианта: или напутали при ревизионных съемках, или Сахарова все-таки делала приписки. А может, еще какой-то неизвестный фактор... Митрофан Наумович совершенно забыл о включенном утюге, который по рассеянности поставил плашмя на сложенное вдвое покрывало. А по причине простуды он вовремя не уловил запах горелой тряпки. Его учуяла жена. Анастасия Поликарповна выскочила из комнаты и подняла утюг. На покрывале четко отпечатался его след.

— Что же ты наделал, старый дурень?

Митрофан Наумович довольно спокойно произнес:

— Не стоит из-за тряпки портить себе настроение. И, пожалуйста, будь добра, погладь мне сорочку.

Анастасия Поликарповна недоуменно посмотрела на мужа и молча принялась гладить рубашку.

...Потом они шли по поселку, и Анастасия Поликарповна держала под руку мужа.

Для проводов Латышева сняли столовую-кафе, так как в квартире негде было разместить всех приглашенных. А их набралось немало. Анастасия Поликарповна подгадала так, чтобы прийти и не в числе первых, но и не в последних. Этой простой житейской арифметики, видать, придерживались многие, и получилось так, что к столовой-кафе приглашенные сошлись почти одновременно. У крыльца образовалась даже очередь, каждый старался показать себя воспитанным и любезным и говорил: «Пожалуйста, проходите вперед. Ну, что вы, право, пожалуйста, мы уж за вами».

Супарев держал под локоть жену, у Галины из-под приталенного пальто уже довольно заметно выпирал животик. Они, никого не замечая, прошли сквозь толпу, поднялись на крыльцо и скрылись в дверях столовой-кафе.

Столы были расставлены буквой «П». Соединяющая, надо полагать, была для самых почетных гостей, и Митрофан Наумович не успел еще и сообразить, как оказался за этим привилегированным столом рядом с Латышевым. Воротник сорочки Митрофану Наумовичу казался донельзя тесным, он задыхался в этой нейлоновой петле и то и дело засовывал под нее палец. Потом остановил свой взгляд на механике Реушкине: с некоторых пор тот стал тщательно следить за своей внешностью и ежедневно бриться. Может, с тех пор как стал знаменитостью: прослышав об его вертолете, на прииск заехал какой-то шустрый корреспондент, написал о Сидоре Артемьевиче статью и сфотографировал его у своего детища. К нему нагрянули два молодых человека из какого-то дальнего поселка, сняли с машины подробный чертеж и укатали, назвав Сидора Артемьевича светлой головой Главным достоинством машины Реушкина, по их заключению, было то, что при полете над землей она была довольно устойчивой.

Митрофан Наумович даже немного позавидовал Реушкину, неожиданно прославившемуся. А вот он, Митрофан Наумович, дожил до седых волос, а ничего такого не сделал, работал себе и работал, и о нем не было написано ни одной строчки даже в районной газете. Воронов снова отчаянно закрутил головой, пока жена больно не ущипнула его, и тогда старый маркшейдер затих, ожидая начала торжества.

Гостей встречали жена Латышева и заведующая столовой-кафе — монументальная не по годам женщина, крашенная под блондинку.

— Ну, как горло, мой друг? — участливо спросил Латышев. В голосе бывшего директора проскальзывала нетаившаяся грустинка. Митрофан Наумович, догадываясь о настроении Григория Павловича, бодро отвечал, что горло — пустяки и не стоит на него обращать внимания. Он бы сейчас с удовольствием тоже выехал в город и беспрестанно ходил бы там в цирк. Зачем Митрофан Наумович приплел цирк, он сам не знал, верно, это первым пришло на ум. Латышев шумно потянул носом, но разговора о городе не поддержал, а сказал, возвращаясь снова к горлу старого маркшейдера:

— Ничего, сейчас мы твое горло подлечим, — и кивнул на батарею бутылок.

— Ты много не пей и води себя за столом прилично, — наставительно шепнула Анастасия Поликарповна. Хотя предупреждение это было излишним: Воронов и в молодости не увлекался выпивкой, и на любых гулянках он сидел тише мышки, танцевать не умел и не любил.

Митрофан Наумович разыскал глазами Мотю Сахарову. Она сидела рядом с женой Супарева, платье у нее было довольно открытое, виднелись выступавшие ключицы, и Митрофан Наумович подумал, что не стоило Сахаровой надевать такое платье, чтобы продемонстрировать на людях свою худобу. Эта его неожиданная и такая участливая теплота, может, исходила из того, что Митрофан Наумович видел, какие тучи сгущаются у нее над головой. А может, он просто был сегодня влюблен во всех: таких торжественно-принаряженных, немного сконфуженных тем, что волей случая все они оказались вместе за одним столом, что происходило довольно редко.

Тамадой избрали Рыжикова, тот для вида немного покуражился, но потом с присущей ему энергией развил бурную деятельность. Он сам налил Латышеву и его жене и сам же произнес первый тост. Правда, тост у него получился похожим на небольшой доклад, и кто-то на галерке, у входной двери, звонко постучал вилкой по бутылке.

После первой выпитой рюмки закусывали скромно, за приглянувшимся блюдом не тянулись, разговаривали вполголоса и все прилежно ухаживали за своими женами.

Потом тосты произносили Галич, механик Реушкин, и тут Митрофану Наумовичу внутреннее чутье подсказало, что и ему надо сказать пару слов о своем старом товарище. И, когда образовалась пауза, заполненная позвякиванием вилок и ножей, Воронов встал и на удивление всем прочел речитативом:

— А годы летят, наши годы, как птицы летят, и некогда нам оглянуться назад...

Митрофан Наумович сам вдруг почувствовал себя птицей, взлетевшей в самое поднебесье и оттуда взирающей на застолье, на Латышева, грустно опустившего голову, на Реушкина, на свою жену, на всех тех немногих, кто остался на приiske из старой гвардии, и на тех, кто пришел им на смену.

— Но оглядываться назад надо. — Митрофан Наумович перешел почему-то на шепот. Но в зале стояла такая тишина, что его слова были слышны даже в самом конце столов. — Надо оглядываться, чтобы зорче смотрелось вперед. Чтобы те, кто подхватит эстафету нашего поколения, знали, каково пришлось нам в начале этого пути. Здесь, на этой некогда проклятой богом и людьми земле. И пусть металл, что добыт тут, и тот, что еще добудем, всегда зовется благородным металлом...

Митрофану Наумовичу горячо и от души аплодировали. Латышев расчувствовался до слез и, обняв Воронова, троекратно поцеловал его.

Анастасия Поликарповна победно обвела глазами гостей — знай, мол, наших.

— Я влюблюсь в своего шефа, — сказала Мотя. — Никогда не ожидала от него такого красноречия.

— Красивая банальность, — буркнул Супарев. По правую руку от него сидел Реушкин, и он достаточно уже надоел Аркадию, посвящая его в свои планы постройки нового чуть ли не космического аппарата.

— Невозможный характер у твоего мужа: в хорошем ему всегда

хочется увидеть плохое. Вы бы, Супарев, показали класс и сами бы произнесли тост, — задиристо заметила Мотя.

— А я бы на людях и два слова связать не смогла, — сказала Галина. Она давно уже не встречалась с «мамой Мотей» и была сейчас несказанно рада ей. Если бы не сидевший рядом Аркадий, Галка бы сполна излила душу «маме Моте». Ей все более начинало казаться, что Аркадий к ней охладевает, что между ними с каждым днем все более расширяется невидимая глазу трещина. Галка не видит здесь другой причины, как увлечение мужа какой-то другой женщиной. И потому она стала невыносимо ревнивой, раздражительной и придирчивой. И сейчас она поддержала Мотю и сказала:

— Он вообще у меня брюзга. Кроме себя, никого не любит.

Супарев коротко посмотрел на жену, пожал плечами и занялся закуской.

— Давай, Супарев, еще по одной опрокинем, — предложил Решкин. — Нечего в гостях грусть-тоску катать. Бери с меня пример.

— Ну, ты сейчас знаменитость.

Подвыпивший Сидор Артемьевич не уловил иронии и, довольный, расплылся в улыбке.

— А как там Зойка, все страдает? — поинтересовалась Галина.

— Отошла немного. Собирается уезжать. Уедет — переберусь в общежитие. А ты, смотрю, совсем домоседкой стала. Зашла бы как-нибудь.

— Ой, обязательно зайду, так хочется поболтать.

— Тары-бары-растабары, — дурашливо пропел Супарев.

Встал и стал пробираться к выходу.

— Ты куда? — окликнула его Галина.

— Покурю на улице...

— Не накуришься никак.

— А я танцевать хочу, — сказала Мотя.

— Я уже оттанцевалась. — Галина погладила свой живот. — Говорят, по форме живота можно определить, кто родится — мальчик или девочка. У меня, наверно, девочка.

— Ты, Сергей Филиппович, не обижайся на старика, но мой совет тебе такой: не бери круто. — Это говорил Латышев Позднышеву. — Я понимаю: дисциплина и все такое... но мы поставлены руководить живыми людьми, а не механизмами...

Галич, наблюдавший за Сергеем Позднышевым, не мог не заметить, что тому не очень понравилось замечание Латышева.

Заиграл магнитофон. Кто постарше остались за столами, кто помоложе — пошли танцевать.

— Хоть бы мой охламон тебя пригласил. — Галина явно нервничала, что так долго отсутствует ее муж.

«Не все у вас благополучно в семье», — подумала Мотя.

Митрофан Наумович, выпивший несколько рюмок, чего он себе никогда не позволял, непривычно опьянел и, оставив жену, пересел к Позднышеву.

— Н-ничего н-не р-азберу, — выговорил Воронов. — Что к ч-чему?

— Вы о чем, Митрофан Наумович?

— Да все о том же, о д-деле С-сахаровой.

Сергей положил руку на плечо подвыпившего Воронова.

— Прошу вас, Митрофан Наумович, не надо сегодня об этом. Поговорим в понедельник, хорошо?

Но Митрофан Наумович воспринял это, как нежелание нового директора разговаривать с ним. Хмуро насупился. Потом произнес: «Эх, молодо-зелено!» — и полез целоваться к Латышеву.

Сергей покачал головой, посмотрел в ту сторону, где сидела Сахарова: спасибо Воронову, что напомнил. На Латышева он все же обиделся. Нет, черт возьми, он тоже человек, но позвольте ему метод руководства избрать свой, а не прежнего директора. Никаких компромиссов с подчиненными, никаких пустых обещаний. Думая гак, Сергей продолжал наблюдать за Сахаровой: Мотю никто не пригласил танцевать. Сергей видел ее глаза, ощущал, как она вся подалась из-за стола навстречу танцующим, и тогда он встал и подошел к Сахаровой.

— Разрешите?

Мотя широко распахнула глаза.

Они танцевали давно вышедшее из моды танго, верно, специально записанное на пленку для старшего поколения.

— Почему вы так удивились, когда я вас пригласил?

— Еще бы, — улыбнулась Мотя. — Директор соизволил спуститься до низов...

— Ну, уж не такие вы низы. — Сергей правой рукой ощущал острую лопатку Моти; Мотя танцевала, откинувшись назад всем корпусом, смотрела на Сергея чуть прищуренными глазами, а в глазах шаловливые смешинки. А то вдруг глаза ее становились серьезными, всепроникающими, и Сергею становилось даже малость не по себе, точно просвечивали его насквозь, заглядывая в самые потаенные уголки души. «Нет, не могла она намеренно приписать». Это убеждение, пришедшее неожиданно к Сергею, было построено на интуиции, но он в нем уже не сомневался.

— Давай яблочко, — вдруг громогласно потребовал Тихон Баргузин. — Яблочко!

Кто-то выключил магнитофон, такой пляски не предусмотрели.

— Яблочко! — гремел Баргузин.

К нему устремился тамада Рыжиков, с другой стороны — жена. «Налакался, какой позор!» Но Тихон Баргузин уже снял пиджак, бросил его на руки опешившего Рыжикова, поддернул рукава сорочки и под собственный аккомпанемент пошел по залу выделять разные коленца; вскоре Баргузину стали подпевать все и азартно хлопать в ладоши.

Сергей и Мотя тоже заразились общим настроением, тоже хлопали в ладоши.

— А он молодец, вы не находите?

— Искал бы он так золото, как пляшет.

— Желание ваше понятно, но, кажется, не ко времени, — заметила Мотя.

— Простите — действительно.

Тихон Баргузин наконец выдохся, ему аплодировали, а он красный и донельзя довольный собой пошел к столу. И все стали рассказывать на свои места.

— Может, вы к нашему столу? — неуверенно спросил Сергей.

— Нет, благодарю, я уж со своими.

Когда Мотя села на стул, Галина довольно бесцеремонно сказала:

— Ой, а вы просто созданы друг для друга! Оба рослые, высокие... Я с вас глаз не сводила.

— Для маточного развода вполне. — Супарев был уже изрядно выпившим, но вино его не веселило, а делало мрачным и циничным в разговоре.

— Сегодня, Супарев, я вам прощаю хамство. Но учтите, в следующий раз не постесняюсь ответить пощечиной.

— Амазонка, — хмуро засмеялся Супарев.

— Да перестаньте вы! — взмолилась Галина. — Помните, что женщину в положении расстраивать нельзя.

Через несколько столов от них, «на галерке», невесть откуда объявившийся Броевский, всклокоченный и в сильном подпитии, читал молодым геологам стихи Омара Хайяма:

Когда я трезв, нет радости ни в чем.
Когда я пьян, мутится ум вином.
Но между трезвостью и хмелем есть мгновенье,
Которое люблю за то, что жизнь — лишь в нем.

Никита Галич с тоской подумал: «Теперь запьет».

«...пошевеливай вал, молодцу плыть недалече», — тянули Тимоха Баргузин и Артем Мордюков, сидевшие в обнимку.

Словом, вечер дошел до той стадии, когда каждый делал, что ему заблагорассудится. Кое-кто уже потихоньку начал сматывать удочки. Мотя тоже решила, что ей здесь больше делать нечего, немного кружилась голова, и возбуждение сменилось расслабленностью. Страшно захотелось спать. Она едва разыскала свое пальто, а варежку одну кажется потеряла. «Ну и ладно, — с полным равнодушием подумала она. — Важность какая — варежка». Мотя спустилась с крыльца, и тут ее догнал Позднышев. Он не сказал принятой в таких случаях дежурной фразы: «Разрешите вас проводить?» — он шел рядом так, словно им было по пути. Шел и молчал, попыхивая папиросой. И Мотя даже была благодарна ему за это; мысли были вялые, разбросанные, ее немного подташнивало, и она жадно вдыхала свежий морозный воздух... Было уже, наверное, очень поздно — в окнах почти нигде не горел свет. Постепенно голова у Моти прояснилась, и она сказала:

— Вы из породы молчунов?

— Мне казалось, что вам самой хочется помолчать.

— Женщины непостоянны в своих желаниях... Мне стало немного грустно, глядя на Латышева. Даже, может, не за него лично, а вообще. Я хорошо помню, как провожали отца на пенсию. Он плясал, песни пел, разошлись за полночь, а утром отца не стало. Впрочем, зачем я вам это рассказываю. Наша статистика доказывает, что средняя продолжительность жизни у нас семьдесят лет.

— У вас трудное было детство? — Сергей этот вопрос задал не просто так, ему действительно хотелось узнать о Моте больше, чем он знал. А что он, собственно, знал? Да совсем немного: четыре года она работает на прииске маркшейдером, до этого была в изыскательских партиях. Вот, пожалуй, и все.

— Когда отец умер, я уже закончила институт. А мать... мать у меня не родная. Но она очень хороший человек. Совсем не соответствует тому образу мачехи, который создали в литературе. Нет, она не была добренькой, она была просто справедлива.

«Справедлива», — вслед за Мотей мысленно повторил Сергей.

— Бывает, когда обе стороны убеждены в своей справедливости, тогда какая же справедливость — справедливей? — спросил он.

— Та, что справедливей. — И она рассмеялась, точно было сказано нечто смешное.

«Справедливо ли, что я утаиваю от тебя, что по каким-то причинам завышен кубаж породы?» — спросил себя Сергей.

— Ну, вот мой дом, — остановилась Мотя. — Спасибо, что проводили, Сергей Филиппович.

— Может, еще постоим, померзнем?

— Простите, Сергей Филиппович, но я чертовски хочу спать. Пря-

мо с ног валюсь. И, если вы не станете настаивать, это будет справедливо по отношению ко мне.

— В таком случае спокойной ночи, Мотя! — Сергей распрощался, думая, что следующий разговор может состояться у них совсем не такой.

— Я еще с ним поговорю, — петушился Митрофан Наумович. — Он узнает, кто такой Воронов! Он еще под стол пешком ходил, когда я уже на прииске работал...

— Завтра, завтра ему скажешь. — Анастасия Поликарповна впервые за все годы их совместной жизни вела мужа пьяного и такого хорохористого. И она не выговаривала ему за это, напротив, даже была довольна, что ее Митрофан Наумович сейчас такой же, как асе.

4

Вездеход катил по дороге на третью установку, гремя траками. Лихо катил. Сидевший рядом с водителем Тихон Баргузин сказал:

— Смотри, гусеницы потеряешь. Или хочешь парить, как Реушкин на своей машине?

Миша только белозубо улыбался и давил на всю железку.

— Может, дорогу срежем, чего нам кругаля-то давать? — предложил Миша.

— Давай, — неожиданно согласился Баргузин. Но согласился не без умысла. Во-первых, хотел прикинуть, сколько будет по прямой до разведуемых ключей, которые геологи называли Маней-Ваней. Ключ Маня был поменьше и впадал в ключ Ваня; и называли их так потому, что летом на разведке здесь на одном из ключей работала коллектором Маня, а на другом ключе и тоже коллектором был Ваня. Ну, и сработались в конце концов — осенью поженились И вот на Маню* Ваню Тихон Баргузин сейчас возлагал все надежды. Ведь как на геологов иногда смотрят: не нашел золото, значит, плохо искал. Дирекции прииска вынь да положь металл, а где его возьмешь, если нет. Тихон Баргузин ночами не спит, видит этот металл. Но во сне одно, а наяву другое. Словом, если и эти ключи окажутся не золотоносными, то Тихону Баргузину хоть в петлю...

Разведку ключей начали поздно, а тут ранняя осень, дожди, шурфы затопило. Было решено вести разведку зимой. Тяжело, но составляли обстоятельства. Третью установку, там, где она, вообще не следовало больше пускать: какой смысл лопатить пустую породу? А закрыть одну установку, это равносильно тому, чтобы закрыть треть прииска.

Это, во-первых. А, во-вторых, Тихон Баргузин разрешил срезать дорогу потому, что по натуре сам был человек отчаянный и любил эту жилку в других. А на лице у Миши, как на нехитром школьном букваре, очень даже просто читалось: вездеход на то и вездеход, только разрешите, я вам класс покажу! Почище чем Реушкин на своей машине. Что ж, пусть показывает, — решил Баргузин, поудобней устраиваясь на сиденье. В кабине было жарковато, от полика тянуло запахами резины и соляра. Баргузин расстегнул полушубок и успел схватиться рукой за скобу: вездеход, как только съехал с дороги, сразу нырнул в какую-то ямину и, мощно рыча, выскочил из нее.

— Давай, Миша, жми! — разухарился главный геолог. — Где наша не пропадала!

Вездеход пер напропалую по ернику, подминая его под себя замасленным брюхом. Но молодые деревца, особенно березки, Миша жалел: он сбавлял ход до самого малого и осторожно лавировал между ними, даже задеть опасался.

«Надо же», — удивленно посапывал Баргузин.

В одном только месте Миша немного подрастерялся, когда переезжали через ключ Ваня; ключ не промерзал даже в самые лютые морозы и сейчас klokотал черной водой, обросший по берегам наростами льда. Вот на этих наростах и крутануло вездеход, занесло боком в главное русло ключа. Миша поддал газу, двигатель взревел, как раненый медведь, и водитель вместо того, чтобы тотчас развернуть вездеход носом к противоположному берегу, в горячке погнал его по ключу черт знает куда.

— Куда прешь? — тут уж взревел и сам Тихон Баргузин: попадут в яму — нырнут по самые уши и сверх того.

Миша рванул левый рычаг на себя, до упора выжал левую педаль, и машина, взбуровив воду высокой волной, так что она попала и в кабину, как ошарашенная выскочила из ключа на берег.

Миша, остановив вездеход, полез в карман за папиросами, руки у него заметно дрожали.

— Как мы, Тихон Иннокентьевич, дали?

— Как в сказке: чем дальше в лес, тем страшней. В таком духе и продолжай.

Но в таком духе продолжать, собственно, было дальше некуда: через сотню-вторую метров они выскочили к двум передвижным домикам, где жили шурфовщики и геолог Дима Побережный. В первом домике никого, во втором — тоже, хотя печь горит и на печи преспокойно жарится дюралевая кастрюля: вода из нее вся выкипела.

— Тайна покрытая мраком, — таинственным шепотом заметил Миша. — Кастрюля горит, печь дымит, повар исчез. Чтобы в таком случае сказал Шерлок Холмс? — и он поднял вверх указательный палец.

— Это разгильдяйство, домик сожгут к чертовой матери, — проворчал Баргузин. — Да убери кастрюлю, знаменитый сыщик!

Миша поспешно схватил кастрюлю за ушки, вскрикнул, кастрюля загремела на пол. Миша, отчаянно тряся рукой, начал выкидывать замысловатые коленца.

— Думать надо головой, а не задом, — наставительно произнес Баргузин. — Присмотри за печью, только голову в дверцу не сунь. Я пройду к шурфам.

Шурфы хотя и были от домиков не так далеко, но их не видать за густым вербняком. Зато хорошо видны черные смоляные дымы, поднимающиеся столбами белесое небо. Миша в прошлый свой приезд навез шурфовщикам кучу старых покрышек, и теперь ими оттаивали породу: корд горел жарко и долго. Но шурфовщики ходили, как трубочисты и поругивали беззлобно Мишу — удружил, называется.

Снега по-прежнему было мало. Он даже не сумел придавить прошлогоднюю высохшую траву, и сейчас она шелестела поникшими метелками. Тихон Баргузин, словно предчувствуя, что повар неспроста покинул домик, прибавил шаг. Валенки на нем были новые, неразношенные, и совсем не гнулись ни в подъеме, ни в голенище. И потому у Тихона Баргузина была смешная, деревянная походка.

Тотчас за кустарником Тихон Баргузин увидел площадку, где столпились люди. На площадке стояло большое железное корыто, в котором подогревали воду для промывки, в другом таком же корыте — оттаивали породу, взятую для пробы из шурфов.

Баргузин еще прибавил шаг, он уже почти бежал и появился вскоре среди рабочих. Но его будто вовсе и не замечали: все взоры были устремлены на промывальщика, работавшего лотком. Над ним, согнувшись в три погибели, стоял Дима Побережный. У геолога, как и у рабочих, лицо было черное от ветров и от костров. Баргузин ни словом не дал о себе знать и тоже уперся взглядом в лоток, загораясь азартом: а что даст промывка? Тихон был зорек и сразу увидел, как из-под шлихов показались крупные значки золота.

— Опять тараканы, — радостно загомонили рабочие.

Золото приискатели подразделяли в зависимости от величины на «тараканов», «клопов» и «блох» — этих неизменных спутников человеческого очага.

— Тараканы, говорите? — Баргузин даже не поверил, наклонился над лотком: золото крупное, такого нет по тем ключам, которые сейчас разрабатывались прииском. Но будь золотинки и поменьше, но если золото не кочковое, если по всей площади, то получалась солидная цифра на кубометр породы. Тихон Баргузин на миг даже зажмурился. — Димка!

— Я здесь, — живо отозвался Побережный.

— На какой глубине?

— Да почти сразу под торфами, — за геолога наперебой отвечали рабочие.

— Почти что с нулевого, Тихон Иннокентьевич, — наконец мог вставить слово и Дмитрий. — Видимое золото...

— Хоть в шапку собирай.

Тихон Баргузин как-то странно зашвыркал носом, затоптался на месте, потом сказал:

— Фу, черт, дым от костров прямо в глаза...

Баргузин и Миша заночевали на ключах. Они пробыли там весь следующий день. И еще прихватили полдня. Золото на других шурфах, хоть оказалось и не таким богатым, но все-таки приличного содержания.

— Жмем теперь, Миша, в поселок. — Баргузин стал просто невыносимо суетливым. Дай ему сейчас крылья, он бы полетел на прииск. А тут, как назло, вездеход закапризничал, двигатель никак не хотел заводиться. Тихон аж охрип, матюгаясь. Он кричал, что Мише только хвосты лошадям крутить, а не на такой машине ездить. Но, как только двинулись по ранее проложенному следу, Баргузин затих, устало полускрыл глаза и, кажется, задремал, улыбаясь каким-то своим приятным сновидениям... Миша искоса посматривал на него и тоже улыбался: он-то хорошо понимал, что сейчас переживает главный геолог. почему так спешит на прииск.

Вездеход, гремя траками, остановился впритирку с конторским крыльцом; вышедший перед этим на крыльцо заместитель директора по хозяйственной части Денис Давыдович Лайкин, блаженно шурясь от солнца, с перепугу влетел назад в дверь, из которой только что вышел. Потом он снова показался на крыльце.

— У тебя что, глаза на затылке? Чуть крыльцо не снес. Я буду жаловаться Сергею Филипповичу. — Но, увидев вылезшего из кабины и весело посмеивающегося главного геолога, Лайкин попритих, безнадеежно махнул рукой и засеменил через площадь вприпрыжку, точно мазурку танцевал.

— Ты действительно того, поосторожней, — предупредил Мишу Баргузин.

— Это я на радостях чуть своим ходом не заехал в директорский кабинет, — осклабился тот.

— Вот что, Миша, кончай трепаться. Язык пока насчет золота за зубами держи. Ясно?

— Так точно, Тихон Иннокентьевич, — по-военному отковырял водитель вездехода. С тех пор как мнимый директорский шофер после разоблачения Шанько снова вернулся к своим непосредственным занятиям, Латышев уговаривал Мишу вернуться на «газик», но тот наотрез отказался, то ли из-за уязвленного самолюбия, то ли восстановленный собственными руками вездеход очень уж пришелся ему по душе.

А Тихон Баргузин между чем не спеша поднимался по деревянной лестнице на второй этаж. Давненько главный геолог не приносил в контору такие радостные вести. Ноги он переставлял тяжело, будто карманы были набиты драгоценным металлом.

Позднышев видел из окна кабинета, как подъехал вездеход. И, когда вошел Баргузин, сказал с явной издевкой:

— Раскатываешь все?..

Баргузина это «раскатываешь» задело больно. Совсем, надо полагать, из доверия он вышел, — и потому он словно в отместку, решил помуржить директора, не сразу с порога сообщить последние разведывательные данные по ключам Маня-Ваня.

— Третью надо закрывать. — Тихон Баргузин как бы нарочно наступил на большую мозоль директору. — Нечего с ней дальше валандаться.

-- Ты что, Тихон Иннокентьевич, за тем и прикатил, чтобы сообщить мне об этом? — Позднышев нахмурился. — Может, вообще прииск закрыть? — Чувствовалось, что вот-вот Позднышев взорвется. Тихон Баргузин решил больше не искушать судьбу. Он почти что с мальчишеской радостью рассказал, что дали ключи Маня-Ваня. А ведь Никто и не предполагал, что на них может оказаться такое золото, сомневался и Позднышев. «Ближе вы еще не могли разведывать», — как-то сказал он. И потому сейчас засомневался.

— Возможно, на одну-две кочки набрели? — И посмотрел на главного геолога с явным нетерпением.

— Я тоже сперва подумал — кочки. Но мы доразведочку сделали. — И Тихон Баргузин подмигнул, что означало, что он правдами и неправдами, что одному богу известно, расплатился за «лишние» шурфы. Может, из своего кармана, может, еще как, но это уж его дело. Важно: золото на всех площадях по ключам Маня-Ваня.

— Ну, что ж, молодцом, спасибо за службу, как говорят в армии.

И Тихон Баргузин, звавший, что Позднышев скуп на похвалы, обрадовался и его улыбке, и крепкому мужскому рукопожатию. И он во всех деталях расписывал Позднышеву, как прикатил на ключи, как почти бежал к шурфам, даже о злополучной кастрюле упомянул... И Сергей Позднышев, хорошо понимая его, имел терпение выслушать такое многословное излияние своего в общем-то немногословного главного геолога. Но сейчас ему многое было дозволено, и разом списывались в утиль и предавались забвению все ошибки Тихона Баргузина.

— Эх, Сергей Филиппович, — разошелся Баргузин, — взять бы это золото на ключах промприборами, как артельщики. Чего мы боимся ими работать? Дедовская технология? Нам подавай драги, гидроэлеваторы... Солидно, конечно, но не всегда выгодно: на них такие затраты, а отдачи порой вот с гулькин нос.

— Заманчиво, конечно, — согласился Позднышев. Идея взять зо-

лото промприборами ему понравилась, и он тут же решил прибростить это на бумаге. Быстро подсчитал. Довольно откинулся на спинку стула. — А что, есть прямой смысл промприборами. Только как доказать это в комбинате?

— А вы их за жабры, — хохотнул Баргузин.

— За жабры, говоришь? — задумчиво наморщил лоб Поздышев. — Попробуем. Завтра съездим вместе на ключи. Я глазам не верю, пока руками не пощупаю.

5

— «Стерву» сейчас будем снимать, — говорит бульдозерист Санька Чумбарев, один из братьев Татьяны. Он, как и сестра, — крупно костный, низкорослый и, на первый взгляд, кажется увальнем.

— Какую стерву? — недоумевает Валентин. Он приставлен к Саньке в помощники и числится слесарем, хотя в слесарном деле ни тум ни бум. Но от него и не требуется особой профессиональной подготовки, — он, как шутит Андрей, «принеси то, отнеси это».

«Стервой» бульдозеристы именуют сервомеханизм. Санька, довольный, что удивил своего помощника, радостно и благодушно посмеивается.

В боксах под потолком хотя и горят «киловаттки», но работать приходится с переносками. Рядом ремонтирует свой бульдозер Панпадуло, хитрый и крикливый человек. Нос у Панпадулы — как бородавчатая картошка. Характером и повадками он родной брат Тимохи Сошникова. Помощником на ремонте у него Андрей. Они с Панпадуло нет-нет да и схватятся, до хрипоты кричат друг на друга, хватаются за увесистые ключи, потрясают ими, а потом идут в угол, где врыта в землю обрезанная наполовину железная бочка и стоят две лавки — здесь место для перекура.

Санька не курит, у него другое пристрастие — чай. Чайник он специально принес из дома и с первого дня совместной работы с Валентином вменил тому в обязанности готовить чай.

Воду в чайнике Валентин кипятил так, как показал ему Санька — паяльной лампой. Когда вода закипала, он загружал туда полпачки «индийского» чая. Носок чайника затыкал бумажкой, а вместо крышки клал брезентовую рукавицу. Так чай доходил до кондиции.

Болты у «стервы» длинные и тонкие, с мелкой резьбой. Выворачивать их одно наказание.

— Смотри, не потеряй. — предупреждает Санька. — Болты спецзакалки. Дефицит.

Они ремонтировали только ходовую часть бульдозеров, двигатели кран-балкой оттартали в моторное отделение, там над двигателями шаманили опытные мотористы.

Снимая сервомеханизм, порвали прокладку. Санька загорюнился: работать он любил чисто, аккуратно. Прокладку порвали по вине Валентина. Ни бог весть какая вещь — прокладка, но Валентину стыдно, хотя Санька его и не обвинил, только велел приготовить чайку.

Валентин, чтобы загладить свою вину, с особым усердием взялся за приготовление чая. Раскопегарил паяльную лампу, та загудела синим пламенем, как реактивный двигатель.

— Попьем, значит, чайку. — Панпадуло опережает Саньку, он с ужимками, довольно потирает руки. Следом пришел и Андрей.

— Нахлебнички явились, не запылились, — говорит Санька,

— Ай, какая невоспитанность, Александр Лазаревич, — цокает языком Андрей. — Не нахлебники, а товарищи по работе. Коллеги, во!

Санька сегодня не расположен к шуткам.

У каждого из них своя кружка. Кружки хранятся в ящике верстака среди болтов и гаек, там же пачка сахара-рафинада, зацапанная масляными руками. Заварку и сахар каждый день Санька приносит из дому один, чай дуют все. Санька не жадный — пожалуйста. Но Валентин такой круто заваренный чай пьет редко и потому сахаром Санькиным не пользуется, а Андрей и Панпадуло нажимают на сахар вприкуску, точно сами покупали его. Но сегодня Санька не в духе, то ли из-за прокладки, то ли жена наконец возмутилась, что каждый день он расходует по пачке чая и сахара! — и поэтому он говорит:

— Сегодня, Панпадуло, будешь пить вприглядку.

— Подумаешь, сахар. Да я, если хочешь, завтра целый ящик принесу.

— Вот принесешь, тогда и будешь вприкуску. И заварки не забудь прихватить.

— Да целый ящик принесу, — продолжает бахвалиться Панпадуло.

«И что зря трепаться, — думает Валентин. — Ничего ты не принесешь».

Панпадуло папиросы и те покупал раз в год: то у одного попросит, то у другого. Но просил он с умом, на этот счет у него разработанная своя тактика: у кого один раз стрельнул, к тому по второму разу не совался.

Панпадуло вынужден сегодня пить чай без сахара. А чай как круто заварен, что без сахара много не выпьешь. Панпадуло из принципа не расстается с кружкой, зло дует в нее, трубочкой вытягивая губы, прихлебывает чай маленькими глоточками. Андрей, глядя на него, улыбается до ушей.

— Слыхали, братцы, — восклицает Панпадуло, — какое на Маньке-Ваньке золото нашли! Прямо хоть руками собирай.

Молва разнеслась по прииску: разве утаишь от людей открытие нового полигона. Рассказы, как обычно, обросли черт знает какими деталями, и уже выходило на лоток по целому грамму, а то и по два.

— Вот бы попасть на эти ключи! — Панпадуло мечтательно закатил глаза, — Уж я бы там дал: у меня бульдозер, что зверь.

— Зверь? Ох-хо-хо! — Санька тычет в него пальцем. — Пня паршивого взять не можешь. Хрюкалка у тебя, а не бульдозер.

Так и прозвали бульдозер Панпадуло; Панпадуло, лениясь отрегулировать выхлоп, превратил свой бульдозер в объект насмешек: на ходу он издавал почти свинячье хрю-хрю-хрю-хрю!

— Тогда бы точно ящик сахара купил, — подначивает его Андрей.

— А ты будто за так работаешь, — обижается Панпадуло. — Сейчас нет дураков за так вкалывать. Вот он еще будет на голом энтузиазме пуп рвать, — кивает он на Валентина. — Романтик. Тьфу! — сплевывает Панпадуло.

Панпадуло откровенно недолюбливает Валентина, тот ему отвечает взаимностью. Валентин видит, как он хитрит и при случае строит из себя дурачка, любит на чужом горбу в рай въехать. Когда в мастерских объявили аврал — приводили в порядок двор и сами мастерские, — Панпадуло прикинулся больным, у него, видите ли, обострился радикулит.

— Вот скажи мне: зачем ты здесь? — не отстает Панпадуло от Валентина. — Жил бы в городе, в театры ходил, — он нарочно ломает язык. — Ну, какой из тебя толк? Разве и годишься: принеси то, отнеси это.

Андрей и Санька не вмешиваются, заинтересованно посматривают на Валентина: как будет отбрыкиваться от Панпадуло?

— Кому-то надо относить и приносить, — отвечает Валентин. — Писать Панпадуло подальше у него характера не хватает.

— Это может и Ванька-дурачок делать, — шурится Панпадуло. — А ты десять классов закончил, государство тебя учило, столько денег на тебя ухлопало, — а толку?

— Вот я и отработаю государству...

— Юлишь, — посмеивается Панпадуло, чувствуя, что подрастерялся парень.

— Чаи распивают! Развели мне в мастерских чайхану! — бранится на чем свет Сидор Артемьевич.

Будешь браниться: составленный им график ремонта техники, утвержденный директором прииска, трещит по швам, — то одного нет, то другого. Вот и психует Сидор Артемьевич, крутится в мастерских, покрикивая на ремонтников.

Кровать Валентина стоит у большого, чуть ли не во всю стену, окна. Шторы сняли в стирку, и это даже радовало парня. Окно распахивалось на улицу, на зимнее небо со строгими немигающими звездами; Валентин любит подолгу смотреть на них и размышлять о множестве миров, которые есть где-то около этих звезд. До них такие расстояния, что не укладывается в сознании... Но сегодня, глядя на звезды, Валентин задавал себе тот же вопрос, который задал ему Панпадуло: зачем ты здесь? Может, бульдозерист и прав: не стоило кончать десять классов, чтобы быть разнорабочим? И никакой он не романтик. Просто так сложились обстоятельства: ссора с отцом, который после смерти матери привел в дом молодую жену. И, когда она начала по своему усмотрению распоряжаться гардеробом матери, Валентин вспылил, наговорил ей кучу неприятных слов. Отец ударил Валентина по щеке как нашкодившего мальчишку... Валентин убежал из дома с твердым намерением больше не возвращаться к отцу. А тут случайно в парке встретил Андрея Трушина, который проводил отпуск в городе. Разговорились. Валентин по своей душевной простоте обо всем рассказал новому знакомому. Тот был на решения скор: предложил вместе с ним поехать на прииск, взял билеты на самолет, так и оказался здесь Валентин Петушков. Вполне прозаическая история с некоторыми элементами мелодрамы.

Андрей похрапывал на своей кровати и, наверное, видел уже десятый сон. А Валентин все никак не мог уснуть. Броевский вот уже какую ночь не ночевал в общежитии. «Бабу завел», — по своему обыкновению рассудил Андрей. Для него, кажется, в жизни не было ничего такого, над чем бы особенно стоило ломать голову. Если так что-то устроено, значит, так по сему и быть. Может, это и к лучшему — так жить: не городить огород там, где его нет?

На тумбочке мерно отсчитывает секунды будильник, пропуская время через свои немудреные шестеренки. Но завтра он трезвонить не будет, Валентин и Андрей будут спать, сколько им заблагорассудится — завтра выходной.

«Зачем ты здесь? Зачем ты здесь? — спрашивает будильник. — Думаешь, так уж много времени отведено человеку, чтобы его можно

было расшвыривать со щедростью подгулявшего купчика. Нет, брат, секунды бегут быстро, и их уже никакими силами не вернуть назад. То, что не сделал сегодня, уже не сделаешь завтра».

«Зачем ты там?» — это спрашивал отец в последнем письме. Он умолял сына вернуться домой, писал, что снова остался один: молодая жена от него ушла. «А свет далеких звезд нас манит и зовет», — пришла на ум строка из какого-то стихотворения. И верно, что-то волнующе-зовущее было в звездах, точно нарочно созданных природой, чтобы будить мысль, поднимать ее у всех существ, наделенных мозгом и интеллектом.

Когда они ехали сюда, Андрей спросил: а ты, дескать, не сбежишь, не стусишь? Хлипкий ты, мол, какой-то. И Валентин поклялся, что не сбежит. И, возможно, это удерживало здесь паренька, а ведь столько раз становилось неважно, столько раз хотелось плюнуть на все, поступиться какими-то своими принципами и бежать, сесть за учебники, поступить в университет. Валентин вздыхает, мысли путаются, расплываются, и наконец он засыпает. Ему снится бульдозерист Панпадуло, который трясет его за плечи и злоеющим шепотом спрашивает: «Зачем ты здесь?»

— Подъем! Хватит дрыхнуть! — Это будит Валентина Николай из соседней комнаты, заместитель секретаря комсомольской организации прииска. — Ты что, забыл? Сегодня всем комсомольцам на заливку катка... Живо!

— Что орешь? — подает голос Андрей. — Забирай своего комсомольца и уматывай.

— Тебя бы тоже не убило, если бы пошел и помог, — замечает Николай.

— Иди ты! — Андрей демонстративно натягивает на голову одеяло и затихает.

— Несознательный ты элемент, — говорит Валентин.

— Иди, а то мигом схватишь по шее, — грозит из-под одеяла Андрей.

Валентин идет умываться. Там уже моются парни из демобилизованных, голые по пояс. Они привычно растирают груди казенными жесткими полотенцами, на животах кокемитовые ремни с большими медными бляхами, почти все носят еще полинявшие солдатские шаровары и кирзовые сапоги; парни здоровые, любят поозорничать, и уборщица тетя Клава незлобиво ворчит: «Ну, впрямь дети. Куды брызжешь? В бане, что ли? Весь пол залили». Но тетя Клава относится к ним, недавним солдатам, с материнской любовью: у нее самой младший сын в армии. Она часто показывает парням фотографию сына и удивленно говорит: «Дома ни в жизнь галстука не наденет, а там носит. Надо же!» И умиленно смахивает слезу.

Парни до сих пор соблюдают армейскую субординацию, и Николай по привычке нет-нет да кто-нибудь и назовет «Товарищ старший сержант». Николай рослый, с хорошо развитой мускулатурой — на прииске первым делом он приобрел гантели. Характер у него крутоват, так и кажется, что, как только умоются, он зычно крикнет: «Выходи строиться на завтрак».

И они, действительно, чуть ли не строем трусят по снежку к столовой. Николай спрашивает Валентина:

— А ты почему не служишь?

— Врачи порок сердца признали.

— Фьи, — присвистывает Николай. Он как всякий здоровый человек не верит в болезни. — Ты меньше врачам верь. Занимайся спортом — лучшее лекарство.

В столовой парни долго не засиживаются, расправляются с завтраком по-солдатски. Валентин старается не отстать от них. Потом они идут к мастерским, — там, на пустыре, решено залить каток. По пустырю уже юлозит бульдозер, сгребаёт снег на обочины. Валентин и парни вооружаются лопатами, равняют борта. Вскоре к ним присоединяются девчата. Рядом с Валентином оказывается Люба, которую он до сих пор избегает.

— Я в отпуск собираюсь, — тихо говорит она. — А вы никуда не едете?

— Нет, — коротко роняет Валентин.

— А ты с бухгалтерской дочкой дружишь, да? — напрямик спрашивает Люба. — Несерьёзно это, — добавляет она.

«Я не собираюсь жениться», — хочется ответить Валентину. Он немного ошарашен подобной манерой разговора — странная эта девушка Люба. А со Светой Валентин сейчас в ссоре, из-за пустяка поссорились. Она взяла билеты в кино, а Андрей шутки ради перевел часы... Потом Андрей покатывался со смеху, когда Валентин от клуба пришел не солоно хлебавши. Света взбрындила и не стала его ждать... Сейчас Света на другом конце катка, вокруг нее увиваются парни, с которыми Валентин завтракал в столовой. Света не столько работает, сколько смеется.

— Смотри, отобью твою девушку, — снова говорит Люба. — Мордашка у нее ничего, смотрится. А в голове — ветер. Ты не замечаешь? — И смотрит на Валентина серьезными серыми глазами. Валентин только сейчас обращает внимание, какие у Любы длинные ресницы, они заиндевели на морозе и напоминают иглы стланика. Лопату она держит по-мужски и, когда отгребает снег, черенок опирает на правое колено, затянутое синими шерстяными рейтузами.

— Что же ты за свою девушку не постоишь? Я ее, можно сказать, охаиваю, а ты зубы на крючок. Видать, не любишь, — делает заключение Люба и сама вдруг весело смеется, точно невесть как обрадовал ее такой вывод.

«И что она ко мне прицепилась?» — тоскливо думает Валентин. Он пытается уйти от привязчивой Любы, но та ни на шаг не отходит от него.

— Ты что, не научился держать лопату! Тоже мне мужчина!

Подъезжают две красные пожарные машины, круто и лихо разворачиваются, точно на учениях. Из кабины одной из них выскакивает в расстегнутом полушубке Андрей.

— Разбегайся, — кричит. — Сейчас фейерверк устроим.

— Он и верно устроит, — Люба тянет Валентина за рукав подальше от машин. — Отойдем, а то окатит. С него станется. У нас в деревне был такой чудаков, летом ходил с ведром воды, увидит кого, зачерпнет кружку и обольет. Божья роса, говорит. Помешан был на воде.

Андрей и приехавшие пожарники деловито разматывают шланги, для пробы выстреливают вверх струями воды, девчата с визгом рассыпаются в разные стороны.

— Шальной, ну, прямо шальной. Ох, и трудно же будет с ним Клавой, — говорит Люба, будто между Клавой и Андреем уже все решено и завтра они поженятся. «Как же женится Андрей, ждите, — зло думает Валентин. — На Диксон удерет, а не женится». А он-то думал, что Андрей еще дрыхнет.

Над катком образовалась радуга, вода парила.

Валентин побежал к Андрею, — ведь не откажет же, даст подержать пожарный брандспойт.

6

— Сергей Филиппович, я никаких объяснений завышения кубатуры не нашел. — Воронов развел руками, потом покаянно скрестил их на коленях и ждал, что теперь скажет директор прииска. Анастасия Поликарповна шепнула мужу, что видела, как Позднышев в тот вечер провожал Сахарову. «Если у вас роман,— думал Митрофан Наумович,— то в щекотливое положение попал ты, Сергей Филиппович». Но, устыдившись своих мыслей, он стал смотреть мимо Позднышева в окно; стекла сегодня оплыли, ледок сохранился лишь по уголкам: на дворе оттепель, как перед большими снегами.

— Что ж, пригласим Сахарову. Вы, Митрофан Наумович, не уходите, я позвоню ей.

Когда вошла Сахарова, Воронов продолжал смотреть в окно. Позднышев коротко рассказал о случившемся, и лишь тогда Митрофан Наумович взглянул на Мотю. Известие, конечно, не из приятных, и не стоило ожидать от Сахаровой, что она такая уж женщина с железными нервами. Впрочем, Митрофан Наумович, не один год проработавший с ней, удивлялся и по-хорошему завидовал ее характеру: в Моте был заложен какой-то нестигаемый стержень; Воронов был убежден, что в случае любых каких-то жизненных неурядиц, она не пустила бы нюни, не упала духом. Но кто поймет этих женщин, — мудро и осторожно рассудил он, видя, как Мотя нервно теребит борт шерстяного жакета. Он ее полнил и был к лицу. И Митрофан Наумович совсем не ко времени подумал, что Сахарова по-своему красивая, а вот не везет же ей — до сих пор холостячка. А какая дурнушка дурнушкой, а подросла, смотришь, замуж уже выскочила. Митрофану Наумовичу захотелось хоть чем-то, но убажить Сахарову:

— Мы до поры до времени не говорили вам, Мотя. Пытались сами разобраться, но увы — зашли в тупик.

— Спасибо, утешили. — Она посмотрела на Позднышева, потом на своего шефа. Ее оскорбила их ненужная жалостливость. Нечего было играть в прятки, лучше бы сразу поставили ее в известность.

Сергей понял, что в этом случае он, пожалуй, дал промашку. И с досадой подумал о Воронове: «И кто тебя тянул за язык?» Митрофан Наумович тоже чувствовал себя донельзя неловко: ведь они исходили из чисто человеческих побуждений, не хотели травмировать ее раньше времени.

Позднышев закурил.

— Разрешите и мне сигарету? — попросила Мотя. Она неумело прикурила, неумело сделала затяжку; Митрофан Наумович по-отцовски неодобрительно покачал головой. Позднышев, кажется, не обратил внимания или сделал вид, что не обращает.

— Годовой зарплаты хватит, чтобы расплатиться? — спросила она.

— Хватит не хватит, не в этом дело. — Позднышева немного разозлило то, что Мотя сразу заговорила об этом: все хотят показать свой характер, а от директора требуют, чтобы он был как бронзовый Будда, стоически взирающий на свой пуп. — Денежный начет — дело суда. Нам надо разобраться, где кроется причина завышения кубатуры породы. И прошу отнестись к этому с должной серьезностью. — Он говорил, словно нарочно таким казенным и сухим языком подкрепляя им сказанное.

«И что я, действительно, корчу из себя обиженную. — Мотя как бы посмотрела на себя со стороны, и ей стало неловко за свое поведение. — Ведь не они же делали съемку, а я, так будь добра и отве-

чать, и разобраться, в чем здесь дело». — Она потянулась к пепельнице, хотела принять сигарету, но это у нее не получалось. Позднышев, осторожно отведя руку Моти, коробком загасил злополучную сигарету.

— Сергей Филиппович, дайте мне хотя бы неделю, — попросила Мотя.

— Вот это дело, говоришь, — не удержался от восклицания Митрофан Наумович.

— С этого надо было и начинать, — Позднышев тоже не отказал себе в удовольствии высказать то, что думал.

Сахарова и Воронов ушли. Сигарета, которую курила Мотя, продолжала дымить в пепельнице, и Сергей снова придавил ее спичечным коробком.

Он был не доволен собой: Сахарова права, надо было сразу поставить ее в известность. Но, если Воронов не нашел, может случиться, что и она причин не найдет. Ладно, об этом потом.

Сейчас Позднышева всецело занимала проблема будущей разработки ключей, для прииска они оказались прямо-таки божьим даром. Он сам ездил на ключи, при нем брали пробы из многих шурфов, и Сергей лично убедился, что главный геолог не приувеличивал содержание золота. Это окрыляло: теперь, хотя бы на ближайшее время, можно смело смотреть вперед. Богатое месторождение — это все: и новая техника, и деньги, и строительство. Вот только вопрос: каким способом взять золото? Он тщательно прибрисил вариант промывки золотоносных песков промприборами. Это влекло за собой массу подготовительных работ. Гидроэлеваторы на тех площадях не годились. Но каким бы методом ни разрабатывать, а надо строить дорогу. Но ясно и другое, ее не успеть построить до промывочного сезона, значит, людям придется жить там на месте все лето. Потребуется немало передвижных домиков, ларек, столовая, баня, ремонтная база. А вскрыша? Хорошо, если бы с осени был хоть мало-мальский задир. Так нет ничего. Даже примитивной планировки площадей нет. И, конечно, директор комбината спросит: сумеют ли они подготовиться и начать весной промывку золотоносных песков?

Позднышев вышел в приемную и попросил Анну Ивановну заказать телефонный разговор с комбинатом.

Мысли же его снова вернулись к загадочному завышению кубаж промывтой породы. Они отвлекали от главного, вносили какую-то сумятицу. Сергей впервые спросил себя: а тебя в этом деле не волнует ли больше всего сама Сахарова? Будь на ее месте другой маркшейдер, стал бы ты столь близко принимать к сердцу это дело? Чепуха. При чем здесь Сахарова? Просто неприятное дело...

Сумеет ли он, Сергей, доказать директору комбината целесообразность разработки ключей промприборами.

Сергей покружил по кабинету, вышел снова в приемную.

— Галич у себя, Анна Ивановна?

— Да, только что пришел.

— Поздно на работу являемся, Никита Борисович, — пошутил Позднышев.

— Если работа — только кабинет, то да. Заглянул к ремонтникам. Есть жалобы. Нет рукавиц, люди работают голыми руками на морозе. Не смотри на меня так — это не пустяки.

— У меня есть заместитель по хозяйственной части. — Сергей дал понять, что разговор о рукавицах он действительно считает не по адресу. И так он пока и за директора, и за главного инженера.

— Этот Лайкин неуловимый. Его днем с огнем не разыщешь.

— Такая у него должность. Эх, Никита Борисович, пробить бы в комбинате промприборы! Как думаешь, пойдут они в этом нам на встречу?

— Трудно сказать. Я предвижу главный козырь против — большой недомыв. Скажут, что половину золота спустите в эфеля.

— Я думал об этом. Но контрольные съемки у артельщиков опровергают такое мнение.

— Ты правильно заметил: мнение. Если сложилось такое мнение, то прежде надо его сломать. Потребуют факты. Ссылка на артельщиков? Но ты же знаешь, что до сих пор к ним относятся с недоверием... Я лично «за» и со своей стороны всячески помогу.

— Каким образом?

— Прежде всего надо убедить секретаря райкома Мартянова. Вот это я и беру на себя. А потом уж сообща будем убеждать Поливанова. Старик упрям, но любит, чтобы ему доказывали цифрами. Это уж твое дело. Приготовь все расчеты, поговори с председателем старательской артели.

— Это мысль. — Позднышев повеселел.

— Ты что-то еще хотел сказать?

— Да, есть одно неприятное дело. — Сергей рассказал о завышении кубаж промытой породы. — Что можно сделать, чтобы отвести удар от Сахаровой? — напрямик спросил он, выдержав пытливый взгляд секретаря парткома.

— Прежде надо знать причину завышения, а потом уже исходить из нее.

— Да, конечно.

В кабинет заглянула Анна Ивановна.

— Сергей Филиппович, дают город.

— Начинаешь атаку? — спросил Галич.

— Нет, пока обрадую старика. И, может быть, брошу первый пробный шар. Пишу, так сказать, ему для размышлений.

«Совместить нуль лимба вертикального круга», — вот привязались эти строчки из «Маркшейдерского дела». Так между прочим маркшейдеры говорят о своем коллеге, который не отвечает уже профессиональным требованиям. «Да, он уже забыл, как совмещать нуль лимба вертикального круга...» Несколько слов — и коллега уничтожен... Мотя старалась взять себя в руки: она такого определения пока не заслужила. А может, в комбинате думают, что она нарочно приписала? Ведь и такое встречается в маркшейдерской практике: нажмет директор, уговорит немного завесить недостающий до плана кубаж, пообещав в следующем квартале покрыть недостачу. А в следующем квартале опять нехватка. Набегает уже больше, а там и конец сезона, завышение повисает в воздухе, не соответствует реально промытой породе. Так маркшейдер и завязает по уши. Начальство в таких случаях, как правило, выходит из воды сухим, маркшейдер же тонет с головой: думал, что делал, будь добр отвечать.

Митрофан Наумович, сидевший за своим столом, вдруг расчихался.

— Будьте здоровы, — сказала Мотя. С некоторых пор она изменила свое отношение к шефу: старик держится бодро и делает вид, что ничего страшного не произошло. Причину, мол, они обязательно найдут.

— Ап-чхи! — отзывается Митрофан Наумович.

Света, склонившись над калькой, посмеивается; Свете сегодня

поручили переснять на кальку профиля выработанных разрезов. Она старательно и добросовестно чертит тушью. Бутылочка с тушью стоит на краю чертежной доски. Мотя непроизвольно думает, что ее помощница эту бутылочку обязательно опрокинет.

Воронов уже проделал все возможные контрольные проверки и не нашел причины завышения. Что она может еще проверить? Где собака зарыта?

За окном потемнело, крупными хлопьями повалил снег. Света воскликнула: «Ой, как красиво!» — вскочила со стула и опрокинула флакончик с тушью. Тушь большой кляксой разлилась по кальке.

— Ай-яй-яй, — сокрушенно зацокал языком Митрофан Наумович. — Как же вы так неосторожно?

— Ничего, молодая, исправится, — вступается за Свету Мотя.

Хлопья снега за окнами становятся еще гуще. А в кабинете «полная тушмень», — как образно выразился Митрофан Наумович.

— Шеф, отпустите меня сегодня, — просит Мотя. Она действительно сейчас не в состоянии находиться в четырех стенах.

— Идите на улицу, освежите голову. Только прошу вас, не называйте меня больше шефом.

— Договорились. — Мотя надела пальто и уже в дверях неожиданно спросила: — Митрофан Наумович, у кого из вас у первого появилась идея не говорить мне о случившемся?

— Разве это так важно?

— Может быть.

— Во всяком случае не у меня, — признался Митрофан Наумович.

Она уже точно и не помнит, где это было: на сцене стояла новогодняя елка, слегка подсвеченная рампами, а сверху сыпали и сыпали конфетти... И то, что происходило на улице, казалось Моте тоже нереальным: падал и падал снег на притихший и точно вымерший поселок; на улице стояла занесенная снегом машина, как сугроб; крыши домов приоделись в шапки, а сами дома вдруг стали ниже и казались игрушечными. Мотя не шла, а как бы плыла в нереальном этом мире, как большая снежинка. Снег был настолько мягкий, и потому кругом стояла тишина, будто мир только зарождался или умирал в своей спокойной несуетливой значимости.

Для Моти сейчас было куда значимей то, что Позднышев надумил Воронова пока не говорить ей о случившемся, чем то, какие могут быть от этого последствия для нее и мера наказания. Несколько часов назад она кипела обидой, что ее пожалели, а сейчас ей было приятно... И она жалела, что в тот вечер не осталась еще побродить с Сергеем, изобразила из себя старуху, которой, видите ли, очень захотелось спать. А ведь не спала, лежала с открытыми глазами и до мельчайших подробностей вспоминала, как Сергей держал ее, танцуя, как смотрел на нее. Она не желала прислушаться к трезвому рассудку, который говорил ей, что ничего, собственно, не произошло: ему было скучно, отчего не проводить и не поговорить с женщиной — все равно с какой. «Ты, верно, начинаешь стареть, — безжалостно говорил ей трезвый голос, — если пытаешься убежать от себя в нереальный выдуманный тобой мир».

Снежинки, прикасаясь к лицу, таяли на ресницах. Мотя, не стесняясь, плакала во весь голос. И снег глушил ее плач. Отчего ей вспомнился тот случай, который во многом перевернул ее жизнь. Ведь, казалось, их не может разлучить ничто, она так верила в него, так жила им, мотаясь по тайге, ночуя у костров, спускаясь по горно-таежным речкам. И пусть это не прозвучит банально, но трудности геолога-по-

исковика ей не казались такими уж трудностями, когда ее жизнь была заполнена им. А потом случилась довольно будничная история: их разбили на два отряда, они разошлись по разным маршрутам, чтобы потом вновь встретиться в небольшом селе. Отряд, в котором был он, на два дня раньше первым вышел из тайги. А Мотя со своим отрядом выходила из тайги поздним вечером. Как сейчас она помнит это: они, едва переставляя ноги, выбрались на околицу села, где сложены были штабелем какие-то бревна, и тут она наткнулась на парочку и узнала его. Он не вытерпел два дня, чтобы не завести женщину. Сперва она разуверилась в порядочности вообще всех мужчин, потом поняла, что не все такие, но было поздно: она выработала в себе отчужденность, и мужчины стали сторониться ее, видя гордую ее неприступность. Так она стала одинокой.

Таяли на ресницах у Моти снежинки, перемешиваясь со слезами.

Падал и падал снег.

Мотя вспомнила, что в магазине сегодня выходной и, значит, Галина сейчас дома. И ей захотелось посмотреть на чужое счастье, порадоваться или поплакать вместе с Галкой, может быть, найти пусть маленькое, но утешение.

Галина откровенно обрадовалась Моте; ее радость, такая бурная и такая безмерная, могла породить у Моти подозрения о безрадостной семейной жизни. Галина зацеловала Мотю, не зная, куда ее усадить: то предлагала стул и сама садилась напротив, коленки в коленки, гладила ей руки и смотрела в глаза, потом потащила гостью на диван и, взобравшись на него с ногами, наконец уgomонилась. И тогда Мотя напрямик спросила:

— Галка, ты счастлива?

— Не знаю, иногда кажется — да, иногда — нет.

«Я, верно, задала глупый вопрос? — упрекнула себя Мотя. — Ведь счастье для каждого из нас, это как мы его понимаем. Женщина, которую любит муж, которая имеет здоровых детей, не испытывает материальной нужды, конечно же, вправе считать себя счастливой. Но идеальная ли это модель счастья? Ведь, кроме этого, должно быть еще что-то большее, чем и определяется человек».

Галина между тем стала демонстрировать Моте, какое приданое она приготовила будущему малышу. Мотя смотрела, радовалась вместе с Галкой распашонкам, конвертику с нежными кружевами и голубой лентой, снова думала, что возможно не столь уж и важно, любит ли ее Супарев или нет, что счастье быть может в том, чтобы готовиться стать матерью и жить для детей и ради детей. Нет, в семейной жизни не свести все к простой арифметике, где было бы только «да» или только «нет».

— А мой в мастерских все околачивается, — сказала о муже Галина. В его отсутствие она отзывалась о нем немного небрежно, как знающая себе цену жена, как женщина, желающая подчеркнуть перед другой женщиной свою полную власть над мужем. Мотя сразу поняла, что это своего рода игра и она должна была принять ее, или сразу отместить и поставить Галку на место. Но зачем? Если ей так нравится, пусть будет по ее. Но игра во «властную» жену исключала сразу же искренность в отношениях хозяйки и гостя, а Моте хотелось искренности, только тогда она могла бы поведать и о своем несчастье, и о том, что наболело на душе, чисто по-женски, покопаться в своей прошлой жизни и помечтать о будущей.

— Весь мазутом пропах, как тракторист. А я запаха мазута про-

сто не переносу. Будешь, говорю, раздеваться на улице, а спать с Тарзаном. Мужчинам только дай слабинку... А тебя тогда Позднышев провожал? В любви не объяснялся?.. И даже не поцеловал?

— Вот еще, — сказала Мотя. — Я уже вышла из того возраста, когда целуются за углами, — Мотя тоном сказанного как бы обрезала дальнейший разговор на эту тему. И вообще о Позднышеве.

Но Галка не унималась:

— А у него на материке жена и ребенок, ты знаешь? И алименты он платит. Наделают детей, а потом в кусты, — жестко и зло обронила она, и слышалось за этим уже беспокойство о себе.

— Давай не будем о нем. — Мотя поймала себя на мысли, что разговор о жене Позднышева и об алиментах ей не приятен.

Галина понимающе погрозила пальцем.

— Прямо беда: ни одно платье не налезит. Хоть в халате на работу ходи.

— Сшила бы специально, — посоветовала Мотя и удивилась скупости Галки, когда та сказала, что шить и покупать сейчас платья — даром деньги переводить.

— Не все время же я буду такой, — показала она руками. — Ты, знаешь, Мотя, я даже сберкнижку завела. Пусть будут деньги про черный день, правда? И на юг вот не поехали. Я так думаю, что это и к лучшему: проехали бы деньги, а какой толк? Деньги, как вода, раз — и нет их.

Мотя не без удивления слушала Галину. Ту самую Галку, которая еще совсем недавно была страшной транжиркой. Сберкнижка «про черный день»...

— И знает о твоей книжке твой Супарев.

— Только тебе откроюсь — нет. Он вообще о деньгах не спрашивает, сколько я трачу и куда... Мотя, я все хотела тебя спросить: правда, что Аркадия могут снять с должности начальника установки?

— Могут.

— Я этого не перенесу! — Галка заломила руки.

— Тоже мне — она не перенесет. Чего ради? Его же диплома не лишат. Или ты вышла замуж за начальника установки, а не за человека? — Мотя не щадил Галку. — Смотри, Галка, твой Супарев хоть и с душком, но с характером.

— Что ты этим хочешь сказать?

— Не живи только деньгами и тряпками.

— А что в этом плохого? — вызывающе спросила Галка. — Старо: с милым рай в шалаше. Узнаешь, когда сама обзаведешься семьей. Муж придет с работы, ему вкусенькое подавай, он не спрашивает, есть ли деньги, ему подавай. Это первое время на одной воде можно жить... Ой, да что же я тебя одними разговорами кормлю! Сейчас кофе приготовлю. Аркаша очень любит кофе, черный. А я совершенно не выношу его: напьюсь, потом всю ночь ворочаюсь, он ворчит, спать не даешь. Вчера на диван ушел: от тебя, говорит, как от печи пышет...

Моте стало невыносимо скучно. В ней постепенно нарастала глухая неприязнь к Галке, хотя она и старалась заглушить в себе это, старалась смотреть трезво на все: ведь Галка замужем, у нее семья, и в ее положении естественно говорить и о деньгах, и о семейных покупках и, наконец, о своем муже. Чего ты хотела бы, Мотя, все естественно — так было, так и будет. Но пить кофе и засиживаться здесь у нее пропало всякое желание.

— Я, пожалуй, пойду, — встав с дивана, сказала Мотя. — На работу еще надо заглянуть.

И Галина то ли поняла, то ли еще что, но удерживать ее не стала.
На дворе все так же падал снег.

«Сутемень, сутемень», — привязалось это слово к Митрофану Наумовичу. Между тем взгляд его задержался на Светиных зимних сапожках, расписанных замысловатыми узорами. Какая-то смутная догадка промелькнула в голове у старого маркшейдера. Припомнился случай из маркшейдерской практики... Митрофан Наумович вдруг засуетился, достал из шкафа ящик с теодолитом, треногу. Света с любопытством наблюдала за Вороновым.

— А ну, дочка, бери рейку и становись к стене. Делай, как всегда делала, — распорядился он.

Света пожала плечами и с рейкой стала к стене.

Митрофан Наумович склонился над теодолитом, но смотрел не в окуляр, а мимо него на Светины ноги. Вот оно то самое, о чем не могли подумать ни он, ни Сахарова, вот где зарыта собака! Девушка спокойно и несколько картинно держала конец рейки на носке сапога.

— Света, ты всегда так держишь рейку?

— Конечно. А разве не правильно, Митрофан Наумович?

— Всегда вот так на носке?

— Конечно. Рейка всегда чистая.

«Всегда чистая, — повторяет про себя Митрофан Наумович. — Эх, святая простота: это небольшое превышение за сезон даст приличную кубатуру несуществующей породы».

Он устало опустил на стул.

— Беги разыщи Сахарову, и немедленно сюда.

Они некоторое время молча смотрели друг на друга — Позднышев и Супарев, и Аркадий понял: вот и наступила та минута, которую он ждал с того самого часа, как на установке была сделана последняя съемка.

— Будем говорить как мужчина с женщиной, — сказал Позднышев. — С обязанностями начальника установки ты не справился. Понимаешь ли ты это сам или надо доказывать на фактах? — Он решил начать и вести разговор с Супаревым вот так, без лишнего рассусоливания, чувствовал, что тот уже подготовлен к этому, хотя и неизвестно, как он себя поведет. Вспомнил чье-то выражение: «Он как тот козел: не знаешь, какой стороной повернется».

— Не стоит. — Супарева сейчас меньше всего интересовал тот факт, что его снимают с должности начальника установки. К этому он, действительно, был подготовлен. А вот как все это будет преподнесено директором, какие непредусмотренные нюансы возникнут в ходе разговора...

Позднышева обрадовало, что Супарев хотя бы внешне держался молодцом. Сергей только что разговаривал по телефону с директором комбината. Поливанов откровенно обрадовался известию, что найдено новое месторождение золота. Но, когда он сказал насчет промприборов, старик проворчал: «Подожди пороть горячку. Такое с кондачка не решается. Буду на той недели со свитой, тогда и решим. Промприборами. Придумали же! Я думал, они давно ушли в предание? — хохотнул. — Так как ключи называются? Маня-Ваня! Ох-хо-хо!»

В общем, старик осторожничал и по-своему был прав.

И вот сейчас Сергей вдруг начал говорить о новом участке, как он представлялся ему.

Супарев не удержался от иронического замечания:

— Вы так расписываете, будто агитируете меня стать там начальником.

— Начальником — нет, а заместителем начальника участка я бы тебе советовал. Там у заместителя такой объем работ, какого не было у тебя, как у начальника установки. Как ты на это смотришь?

— Курочка еще в гнезде...

— Пусть не промприборами, но разрабатывать ключи мы все равно будем.

— А если я не согласен? Какую должность вы мне еще предложите? — Супарев вопрос задал неспроста: ему хотелось знать мнение дирекции прииска, на что он способен.

— Мастером на любую из установок, — прямо ответил Позднышев.

— Мастером работать, необязательно было институт кончать. — Супарева, кажется, обидело такое предложение.

— Ну, это как сказать. У меня друзья после института мастерами на заводах работают. И ничего зазорного в этом нет. Дело, конечно, твое: хозяин — барин. Но я бы тебе от чистого сердца советовал пойти замом.

— Участок будет создан на базе третьей? — Аркадий чуть не сказал «моей установки». А сказав «третьей», он теперь как бы отмежевался от нее.

— Да, на базе третьей.

Супарев шумно вздохнул. Если так, то работать ему придется с теми же людьми, а это-то больше всего и смущало Аркадия. Лучше, конечно, в подобной ситуации пойти мастером на другую установку или вообще убраться с этого прииска.

Позднышев, наверное, догадался, о чем подумал Супарев.

— Уехать с прииска, значит, расписаться в своей непригодности. И потом, у тебя жена в положении: переезды в такое время противопоказаны. — Сергей как бы сам давал Аркадию тот довод, которым можно легко прикрыться Супареву для очистки собственной совести; я бы, мол, уехал, но сами понимаете — обстоятельства: жене скоро рожать.

И Аркадий с готовностью взял этот довод.

— Сезон еще отработаю, — сказал он. — А там видно будет.

— Только не вздумай удрать в середине сезона.

— Если сами не попросите, не уйду. Только дайте мне подумать: идти ли замом на новый участок, или мастером на установку. Да, а кто будет начальником?

— Вопрос существенный, но пока ничего сказать не могу: это решится в ближайшее время. Возможно, придется приглашать кого-то.

— Я могу идти?

— Да, ты свободен. Зарплату будешь пока получать как начальник установки. И заниматься теми же делами, готовить технику.

Они оба были довольны тем, что так в общем-то благополучно закончился разговор. Аркадий, уже открыв дверь, по-мальчишески сказал:

— А знаете, Сергей Филиппович, трубы тогда полетели не по моей вине.

— Знаю. Только больше рукам волю не давай.

«Ну вот все и обошлось, — говорил он себе. — Не грянул гром, не разверзлась земля. Пойдешь теперь мастером, для перевоспитания,

так сказать. Вспомнились слова отца, который любил повторять: «Прежде чем руководить, надо самому испытать, что значит быть подчиненным». Формулировка устаревшая, но в ней что-то есть.

В мастерские сегодня идти не хотелось, и Аркадий направился домой. Вот купит лыжи и будет ходить далеко-далеко, петли на зайцев ставить... Эта мысль так понравилась Супареву, что он совсем повеселел: мастером так мастером, сезон отработает, а там можно податься и на другой прииск. Или махнуть отсюда на Север, на Чукотку, скажем, на Билибинские прииски.

Пока он шел к дому, снег облепил его густо, струйки воды стекали за ворот. Вообще сейчас работа у Супарева была не бей лежачего; сам он ремонт не производил, ходил по мастерским, большую часть времени просиживал в кабинетике механика. На золоте — сезонность, как у колхозников, зато лето тут сполна брало от человека за все зимние месяцы...

В тесных сенях Супарев долго и старательно сбивал с себя снег и, переступив порог, сказал:

— Знаешь, Галя, лыжи куплю. И на зайцев петли буду ставить. Будем питаться зайчатиной, и ты еще муфту себе сошьешь.

— Муфты сейчас никто не носит. — Галина потянула носом и подозрительно посмотрела на мужа: не выпил ли, несет какую-то ахи-нею о зайцах.

— А ко мне Сахарова приходила. Поболтали немного, — сказала Галина. — И чего она из себя строит? Ей и денег не надо, и тряпок не надо, святым духом хочет жить.

— А мужика ей тоже не надо? — хохотнул Супарев. — А то бы уступила ей своего на время.

— Что за глупости порешь?

— Почему глупости: или я частная собственность? — Супарев сам не понимал, отчего это на него нашло такое игривое настроение, чему, он собственно радуется. Ему не дали по шапке, но все-таки предлагают пойти замом на новый и, по всему виду, крупный участок. — А мне вот, дорогая, по шапке дали, — вдруг сообщил он. — Предлагают мастером на любую установку, или замом на новый участок.

— Я так и знала, — упавшим голосом произнесла Галина. — Достукался. А может, ты шутишь? — Она еще цеплялась за маленькую надежду, что это такая же шутка Супарева, как и его зайчатина. Она вся напряглась и затаила дыхание, не сводя глаз с мужа.

— Хороши шуточки.

— стыдоба-то какая! Бог ты мой! — Она некоторое время сидела неподвижно и отрешенно, потом вдруг кинулась на шею Супареву, заговорила торопливо, захлебываясь: — Давай, милый, уедем отсюда. Тебя здесь не понимают, ты нажил себе врагов, за тебя некому заступиться, Аркаша. Уедем на новое место, ты снова начальником установки будешь...

— Дура! — У Супарева враз пропало игривое настроение. Он грубо отстранил жену. — Ты хоть знаешь, что значит запись в трудовой книжке: уволен по статье сорок семь «в»? Нет уж, где упал, там и подниматься надо.

Собственные слова казались Супареву сейчас донельзя правильными и возвышенными, как знамя, с которым идут в бой. Он немного покрасовался этой своей решимостью показать себя, как и подобает настоящему мужчине.

Галина ревела в голос, говорила, что она уедет к маме в деревню, что там и рожать будет. Кроме ребеночка, ей-то ничего и никого не надо.

7

Выражение директора комбината «Приеду со свитой» Позднышев понял правильно: приедет Поливанов с главным инженером, главным геологом и еще с замами. Если он сумеет доказать, что золото выгоднее брать промприборами, дело завертится. А перед тем как нагрет старик, ему следовало еще раз побывать на ключах, посмотреть хорошенько профили. Они уже засняты на геологическую карту, но карта картой, а убедиться собственными глазами не мешает, чтобы зримо представлять себе будущие полигоны.

Позвонил Сергей в мастерские Реушкину, там ли вездеход. Сказал, чтобы Миша подождал его к конторе, поедут на Маню-Ваню.

— Как бы снова не запуржило, Сергей Филиппович, — предупредил Реушкин. — Так заметет, света белого не будет видно.

— Обойдется. — Позднышев не любил откладывать. А настроился он поехать на ключи еще вчера с вечера. Надо было поспешать: начальство могло нагрнуть в любое время.

Снегопад прекратился, но на дворе по-прежнему было сумрачно и тихо. Сергей подошел к окну. На дороге мальчишки катались на лыжах, после снегопада и оттепели лыжи скользили плохо, мальчишки яростно работали палками. Сергей с грустной тоской подумал о сыне Женьке. Потом повернулся от окна, набрал номер.

— Это маркбюро? Позовите к телефону Сахарову. Мотя? Здравствуйте. Мне нужна ваша помощь. Надо, чтобы вы окинули своим маркшейдерским оком будущие полигоны на ключах Маня-Ваня. Нет, теодолита не надо. Так, визуально. Сейчас же и выедем. На передевание двадцать минут.

Позднышев положил трубку. Помощь Сахаровой, если откровенно, не так уж была нужна. Но он чувствовал, что Моте сейчас нужно встряхнуться: хотя причина завышения кубажа и была найдена, она не снимала вины с Сахаровой. Вина ее — халатность. Сергей посоветовался с Галичем, и тот рекомендовал вынести этот вопрос на общее рабочее собрание.

Сергей снова посмотрел в окно: неужели запуржит?

Мотя сидела между водителем и Позднышевым. Она была одета по-мужски: на голове меховая шапка-ушанка, меховая куртка с замком «молния», синие шерстяные брюки, на ногах унты.

Ехали молча.

Миша хмурился, прислушиваясь к работе двигателя, он улавливал тонкое позванивание: звенел трак или клапан. И чем чаще пробивался, этот звук, тем больше мрачнел Миша. Он верил в свою интуицию: никак ему не хотелось сегодня выезжать. Директору вездеход не вести, ему его не ремонтировать. А смотри, закапризничает снова погода, уже мельтешат снежинки и лепятся на смотровое стекло, точно ночные бабочки-мотыльки. Вскоре пришлось включить «дворники»: иначе не разглядеть дороги.

Миша хотел срезать путь, как в тот раз, когда он ездил с Баргузиным, но Позднышев велел сперва ехать до третьей установки и, от нее уж до ключей. Ему хотелось прикинуть, сколько придется прокладывать дороги до нового участка. Нет, что не говори, а ездить с главным геологом куда интересней: тот и анекдот ввернет, и песню загорланит, а эти сидят, как сычи. Миша сегодня не позавтракал и потому вспоминал о горячих пельменях, которые обещала сегодня

приготовить на обед жена, если он вовремя придет домой. Вот и пришел, теперь наверняка придется крутиться здесь до вечера.

А снежинки уже полетели, и Миша подумал, что напрасно директор затеял поездку сегодня. И все, видимо, подумали о том же, но никто не решался произнести это вслух. Они миновали третью установку, и вездеход пер теперь по бездорожью, по болотине. Здесь в низине и прихватила его пурга; она свалилась враз, выстрелила снежным зарядом в смотровое стекло, а потом разошлась вовсю. «Дворники», сколь не усердствовали, едва справились с липким снегом.

— Назад поехали, — обронил Позднышев, поняв, что поездка не состоится.

Миша развернулся на одной гусенице, послышался резкий металлический звон, и прежде чем заглох двигатель, водитель понял: оборвался клапан.

— Что случилось? — спросил Позднышев.

— Клапан оборвало. Загораем, — Миша хотел выругаться, но вовремя вспомнил, что рядом женщина. Это она всему причиной: баба в машине — быть беде. Миша ругнулся (про себя, конечно) и, откинувшись на спинку сиденья, стал ждать, что решит начальство. Если бы спросили его мнение, он бы ответил, что в замерзшем намертво вездеходе пересидеть пургу, конечно, можно, если она зарядила ненадолго. А если надолго, то хана. Замерзнут они в этом железном гробу, и костра не разложить в такую снежную круговерть. Надо добираться пешими назад до третьей установки, до пустующей раскомандировки, там есть печь, там можно отсидеться. Если никто не догадается прислать помощь, тем же макаром добираться до поселка.

Так же примерно размышлял и Позднышев, поругивая себя за то, что не послушался Реушкина. Он искоса посмотрел на Мотю: та будто бы не проявляла особого беспокойства, сидела все так же прямо, держась рукой в варежке за железную скобу. Миша тоже посмотрел на нее и сказал:

— К сожалению, в дорожных условиях отремонтировать не могу. Вот такие пироги с котятками!

— Тогда я не пойму, чего мы ждем, — сказала Мотя. — В этой железной коробке мы околеем. Надо, пока не замело след, добираться до третьей установки, — быстро сориентировалась она.

«Рубит девка», — одобрительно подумал Миша.

— Идем, — решил Позднышев. — Идите, держась за руки.

Они вывалились из теплой кабины в снежную сутемь. И только сейчас они по-настоящему ощутили, каково было на открытом ветру месте. Ветер неистово крутил снег. Сергей мысленно прикинул, далеко ли они отъехали от третьей установки. Верно, километра полтора. Расстояние не столь уж велико, если идти по хорошей погоде.

— Давайте, Мотя, руку, — сказал Сергей.

Так они двинулись; замыкающим шел Миша, которого тревожит пока одно: не видать ему сегодня пельменей. Эх, ты жизнь водительская!

Хорошо, что ветер дул им в спину, а не в лицо.

След от вездехода еще не замело, и они довольно быстро продвигались по нему. Не было ни ползания по снегу, ни отчаяния, ничего героического, просто они добросовестно брели и брели, подгоняемые в спину ветром. Потом след стал совсем почти невидимым, но еще угадывался; некоторое время они шли вообще наобум и едва не свалились в отработанный разрез, перегородивший им путь. А раз наткнулись на разрез, то проще простого было отыскать раскомандировку

по другую сторону его. Правда, устали порядком и отдышались уже с подветренной стороны избушки; Миша слепо тыкался по сторонам, разыскивая какую-нибудь железяку, чтобы сорвать набитые крест-накрест доски на дверях. Мордюков прибил их на совесть.

— А вы беритесь друг за дружку, как бабка с дедом репку тянули, — смеялась Мотя.

Столько прошагали и хоть бы хны! Шутит еще. А почему бы сейчас и не пошутить: самое страшное осталось позади, они не заблудились, не выбились из сил. Сергей тоже был рад, что отделались легким испугом, могло быть хуже, он особенно боялся за Мотю, но она была совсем молодцом, сказала закладка, полученная в поисковых партиях.

Миша принес кусок рессоры, подважил доску, рванул. Ввалились один за другим в раскомандировку, плотно прикрыли за собой дверь.

— Теперь жить можно, — сказал Миша. — Там навес, доски есть. Сейчас принесу, с дровами будем. — И он вышел из избушки.

— Не обижаетесь на меня? — Сергей чувствовал себя виноватым.

— За что? — Мотя сняла шапку и стряхивала снег.

— За непредвиденную прогулку в пургу.

— Вы же сами говорите — непредвиденную. Какая может быть обида. Все бывает. Вы отряхнитесь, а то вымокнете.

Миша приволок кучу досок. Сбросил с себя полушубок, за дорогу в толстом своем свитере он так вспотел, что мокро было под мышками.

Мотя, пока мужчины занимались дровами, стала разжигать печь. Печь дымила, долго не разгоралась, пока они не догадались постучать по трубе: трубу сверху, видно, забросало снегом. Наконец печь разгорелась. Миша шарил по углам раскомандировочной; с радостным восклицанием он извлек из ящика, который стоял в одном из углов черный закопченный чайник, там же он нашел две кружки и начатую пачку чая.

— Живем! — радовался Миша.

Оказывается, из вездехода он прихватил с собой начатую пачку сахара и кусок черствого хлеба.

Потом они сидели за столом, пили чай и смотрели в забеленное окошко, в которое скреблась пурга. Мотя краешком глаза наблюдала за Позднышевым. Он сидел за столом, немного уставший, и прихлебывал из кружки; ладони у него были широкие, и в них почти пряталась кружка.

Миша тоже поглядывал на Позднышева, сравнивал его с прежним директором. Латышева-то он катал на «козле» не один год, как все «личные» шоферы начальников, знал о нем много такого, чего не могли знать конторские служащие. Латышев был уютным дядькой, любил потравить анекдоты и послушать сам, любил поговорить о женщинах и довериться спутнику. Насчет женщин, может, он и привирал, но привирал складно, со знанием дела. Правда, в Григории Павловиче не нравилась Мише одна его черта: уж очень он боялся вышестоящее начальство, просто на глазах менялся человек. Он даже сам как-то признался: «Вот одни болеют, скажем, манией преследования, другие еще чем-то, а у меня начальствобоязнь». «А этот нахрапистый, — думал Миша о Позднышеве. — Он сам кого хошь за горло возьмет». В мастерских сейчас о новом всякое говорят. Раньше бывало в курилке дым коромыслом, а сейчас после одного случая и курить с оглядкой надо. Прихватил новый как-то всю ремонтную братию за переводом папирос (Латышев-то никогда и не заглядывал сюда). Ну, сидели люди, травили всякое, а новый зашел и сказал-то

только одну фразу: «Курить так много вредно для здоровья». Словечками этими как по голове обухом. «Сидел бы в своем кабинете, а то еще по курилкам лазает», — произнес с досадой кто-то. Словом, не прикипела пока душа к новому, и старый директор сейчас поминался чаще, были забыты обиды на Латышева, он превращался в этакое непогрешимое существо.

— Ну, что вы меня рассматриваете, как прицениваетесь?

Вопрос прозвучал неожиданно и ввел в смущение и Мотю, и водителя Мишу. Миша сглотнул чай так, что огонь прокатился по пищеводу, заселозил задом по лавке, сказал невпопад:

— А моя сегодня обещала на обед пельмени... — И он присвистнул зубом.

— Пельмени — это дело, — согласился Позднышев. — Я на спор сто штук съедал.

И это его признание на Мишу подействовало лучше, чем если бы директор сказал что-нибудь заковыристое; оно как бы спустило Позднышева с «орбиты» на землю, где и начальству все человеческое не чуждо. Миша, осмелев, сказал, что опрокинуть под пельмени рюмку — его мечта. И даже, сложив щепотью пальцы, поднес их к губам и поцеловал. На Мишу горячий чай подействовал так, что он размяк за столом и заговорил уже свободно и раскованно, забыв на какое-то время, что перед ним директор.

— Этот вездестой меня в могилу загонит. Жена вопрос ребром поставила: или он, или она. Я тебя, говорит, только среди ночи и вижу. Ты или раскатываешь на своем драндулете, или ремонтируешь его. Уж каких она ругательных слов вездеходу не придумала, — Миша потянулся, шепнул что-то на ухо Позднышеву и сам же рассмеялся.

— Ничего, потерпи, скоро новые вездеходы получим, — пообещал Позднышев.

— Так нам и дадут, — усомнился Миша.

— Раньше бы не дали, а сейчас дадут, — убежденно заявил Позднышев. — Для нас эти новые ключи — спасение. Под такое золото сейчас нам что хочешь дадут. Только бы момент не упустить.

— А вы не упускайте, — забеспокоился Миша. — Бульдозеров берите побольше, машин.

— Ну, бульдозеры тоже надо с умом брать, — сказал новый. — На каждый бульдозер план. А план не резиновый, надо чтобы он реальным был. Все машины в деле должны быть.

— Оно, конечно, — тут же согласился Миша. — А то такой план накрутят, что, сколько ни старайся, — не выполнить. А план не выполнили — по карману бьет. Потом и шумят: вкалывали, вкалывали, а до плана не дотянули. Он что горизонт: чем ближе подходишь, тем дальше горизонт от тебя отодвигается.

«Вот ведь человеческим языком говорить может, — думала о Сергее Мотя. — А в кабинете напрокат берет язык из газетной передовой». Ее от чая тоже разморило, и только сейчас ощутила, как она все-таки устала. И с грустью, как уже о чем-то несбыточном, подумала, что, пожалуй, для поисковых партий она уже не годна. А ведь думала, как только вскрыется причина завышения кубажа породы, как только станет ясно, какая ей грозит мера наказания, уйдет она снова в поисковики. Пожалуй, никуда ей не уйти теперь, сиди в поселке и делай свое дело, как делают его тысячи людей. «Без всяких выкрутас», — как сказал бы, наверное, Миша. Вон как он разговаривал директора, даже руками оба размахивают. Забыли, где находятся, пурга закрутит на неделю, им тогда пешком не добраться до поселка. Ей

было тепло и хорошо, точно сидят они одной семьей за столом в непогоду. А ведь так хорошо посидеть за столом с близкими людьми, когда за окном надывается ветер. Мотю стало неудержимо клонить в сон, она уже умачивала голову на скрещенных руках, но мужчины наконец догадались предложить ей лежанку-стол. Стол так стол. Она, ничуть не смущаясь, вытянулась на столе и тотчас уснула.

Позднышев и Миша стали примачиваться на лавках.

Миша думал, что новый-то ничего на поверку дядька. Латышев, попади тот в такую ситуацию, измотал бы всю душу нытьем, заявил бы, что он никудышный водитель, только выехал из поселка — и поломка. Этот же ни словом, ни полсловом не упрекнул, понимал, что машина есть машина. Человек, бывает, на ходу спотыкается, а машина и подавно может.

Миша кое-как устроился на лавке — узковата все-таки лежанка. Сейчас бы подвалиться под бок к Тамарке, обнять ее, но это никуда не денется. А небось она сейчас переживает, не спит... И от мысли, что кто-то сейчас думает о нем, волнуется, Мише совсем стало хорошо, и он, повздыхав, тоже провалился в сон. Снилось Мише всякое. Будто Тамарка ставит на стол целую чашку пельменей, густо смазанных сливочным маслом. «Чтоб съел мне сто штук, как новый директор». «Съем на спор все сто двадцать», — отвечает Миша.

— Миша, вставай.

— А? Что? — вскинулся Миша и загремел с лавки на пол. После падения он уже окончательно проснулся, вспомнил, где он находится и что Тамарки его рядом нет, а стоит перед ним и улыбается новый.

— Вставай, кажется, трактор к нам идет.

Теперь и Миша уловил тарактение трактора. Значит, их разыскивают, значит, кончай ночевать.

— А я только пельмень ко рту поднес, даже попробовать не успел...

— Дома попробуешь.

Бульдозер пригнал сам Сидор Артемьевич Реушкин.

— Я и с завязанными глазами сюда дорогу найду, — сказал он — Когда вы из ворот выезжали, я понял по звуку, что далеко не уедете.

— Что же ты, Артемьевич, на своем самолете не прикатил? — спросил Миша. — Сейчас бы по воздуху в самый раз парить.

— Я тебе дам перо, вставь в одно место и пари. Твоя Тамарка кричит, что я тебя на верную смерть в такую погоду выгнал!

Миша грустно присвистнул языком: будут ему дома пельмени!

— Ну что, доволен? — спросил Галича Мартьянов.

Провожали после совещания директора комбината Поливанова и его свиту в общежитие, где для приезжих было отведено две комнаты. Но дорогой их перехватил вездесущий Лайкин, сказал, что желающие могут поужинать в столовой.

— А что, я не против, — сказал Мартьянов. — Как вы, Николай Игнатьевич? — обернулся он к Поливанову.

— У меня в командировках вообще зверский аппетит, — признался тот. — Можно подумать, что жена дома не кормит.

Свернули к столовой. Бывший инструктор райкома Харабарин от них поотстал, но Мартьянов позвал его:

— Ты что же, Данила Романович, засмущался? Идем, идем. Начнешь знакомство с прииском со столовой.

После пурги круто взял мороз, пошла-поехала настоящая зима. По ночной улице мела легкая поземка.

Галич на вопрос секретаря райкома, доволен ли он, что просьбу его удовлетворили, так и не ответил. Он просил партийное собрание дать ему возможность поработать начальником третьей установки, чтобы коллектив ее со временем действительно отвечал высокому званию коллектива коммунистического труда. Мнение коммунистов поначалу разделилось: одни считали, что Галичу не обязательно работать начальником установки, другие, кажется, поняли секретаря парткома и готовы были пойти навстречу Галичу.

— Я — за, — гудел с трибуны Артем Мордюков, косясь на графин, наполовину опорожненный предыдущими выступающими. Хотелось пить, но он никак не решался на виду у всех налить воды в стакан. — Рабочий рабочим, а от начальника многое зависит. Дурная голова ногам покоя не дает, и наоборот. Начальник не хозяйчик какой, ты на народные денежки учился, так будь добр, помни об этом и не зарывайся. Руководи с умом, а не горлом. Я так хотел бы поработать под началом Никиты Борисовича. Пусть на деле и нам и другим покажет, каким должен быть начальник участка. Мы тоже не безгрешные: и сачкануть любим, и анархию развести, и за воротник заложить. Но быть на голову выше, чем мы сегодня есть, быть на голову сознательней, чем сегодня, — это наша цель. И за это я голосую обеими руками, — закончил Мордюков.

Мартьянов, сидевший рядом с директором комбината, что-то сказал тому. Галич не расслышал, что именно, но понял: Мартьянову выступление Мордюкова пришлось по душе.

Слово для выступления потом было предоставлено директору прииска Позднышеву. Тот, ссылаясь на разговор с директором комбината, объявил собранию, что решено на базе третьей установки образовать на ключах Маня-Ваня золотодобывающий участок. По предварительным подсчетам он будет самым крупным участком в районе, по объему добываемого металла равным среднему прииску.

— Только еще не решено окончательно, каким способом вести добычу золота. — Позднышев обернулся и посмотрел на директора комбината. Тот занялся карандашом, вертел его, хмуря нависшие над глазами седые брови. — Дирекция прииска считает целесообразным начать добычу промприборами. Есть прямая экономическая выгода, товарищи.

«Хитер бобер», — подумал Поливанов.

— Если Галич возглавит этот участок, — продолжал Позднышев, — то для него как для коммуниста и руководителя там широкое поле деятельности. Люди будут жить в отрыве от семей, лишённые в первое время бытовых удобств, и нужна будет немалая воспитательная работа.

Этот довод, кажется, окончательно убедил собрание. И Мартьянов согласился с Позднышевым: организация нового и крупного участка в районе — дело серьезное. И здесь нужен не только хороший специалист, но и принципиальный коммунист, пользующийся доверием людей. Райком не возражает, чтобы начальником участка назначили Никиту Галича.

Секретарем парткома прииска «Октябрьский» избрали Харабарина.

— Ну, Никита Борисович, надеюсь на тебя, — говорил Позднышев, когда после ужина они проводили начальство до общежития и

расходились по домам. — Работы, сам понимаешь, непочатый край. Сдавай быстрее свои дела — и засучивай рукава. Ну, потом обговорим все подробно, — и подмигнул Галичу, как сообщнику. — Уломали-таки сообщки старика: как не крутил, а сдался. Только заявил, что сам придет, как начнем промывку. И не посчитает зазорным лотком проверить, много ли золота в эфеля спускать будем.

— За ним не заржавеет. Да, а как с Сахаровой?

— Я советовался с Поливановым. Он согласен вопрос вынести на общее рабочее собрание. Как решат, так и будет. Между прочим ты знаешь, кого я сватаю к тебе в замь? Думаю не очень обрадуешься. Супарева.

— Отчего же? Наносного в нем много, но сработаемся.

— Ты не откладывай в долгий ящик, поговори с ним.

На этом они и расстались.

Мороз к полуночи все набирал силу. На высокой ноте гудели провода, закутываясь мало-помалу в иней, вторя им, отзывалась утробным гулом земля под ногами, промерзая все глубже и глубже.

«А не переоценил ли ты свои силы, Галич? Не самонадеянно ли поступил?» — спросил себя Никита Борисович, оставшись один.

Подойдя к своему дому, он увидел свет на той половине, где жили Супаревы. Если до замужества Галина часто заходила к Ирине, то сейчас этого уже не было. Галич как-то спросил Ирину: «Что это вы с Галиной не по-соседски живете?» — «Ну, вы с Супаревым тоже не ахти какие соседи», — сказала в ответ Ирина.

«А не зайти ли сейчас к ним?» — вдруг подумал Галич. Ему не терпелось узнать, согласится ли Супарев пойти к нему замом.

Тарзан, рыкнувший было на него из конуры, видимо, признал соседа и успокоился.

В темных сенях Галич наткнулся на ворох дров; Супарев, видимо, чтобы не бегать каждый раз за ними в сарай, наносил их в сени.

Супарева он застал за необычным занятием. Тот, сидя около печи на перевернутой табуретке, расплетал моток проволоки. Рядом стояли прислоненные к стене новенькие лыжи с фирменным клеймом на круто загнутых носках. Галина была уже в постели, и, когда вошел Галич, она натянула одеяло до самого подбородка и теперь взирала на позднего гостя удивленными и немного испуганными глазами.

— Здравствуйте, соседи, — сказал Галич.

— Здравствуй, сосед, — в тон ему отвечал Аркадий.

— Вы только посмотрите, Никита Борисович, что мой муженек надумал! — Галина к затее мужа явно относилась отрицательно и сейчас ждала поддержки от Галича. — Петли на зайцев хочет ставить!

— Надо же человеку иметь свое хобби. Ведь так, Никита Борисович?

— Хобби, конечно, хорошо. Но боюсь, Аркадий Григорьевич, что скоро тебе будет не до зайцев.

— Интересно, почему?

— Ты согласен пойти заместителем начальника участка? Я имею в виду новый участок. Директор комбината дал добро. Сейчас только от нас зависит, сумеем ли мы подготовиться к промывочному сезону.

— Это вам директор поручил узнать, согласен ли я?

— И ему, и мне надо знать. Я назначен начальником нового участка.

Галич наблюдал за Супаревым, ожидая, какая реакция последует. Но Супарев как ни в чем не бывало продолжал заниматься своим делом и помалкивал. Галина вздохнула и нетерпеливо сказала:

— Его спрашивают, а он молчит.

— И ты бы помолчала: не твоего ума дело.

— А лыжи там, пожалуй, пригодятся: снега порядком навалило,— Галич это произнес так, будто Супарев уже дал согласие работать на новом участке.

— Интересная получается ситуация, — наконец вымолвил Супарев.— Я буду вашим замом. Сказали бы это несколько месяцев назад, никогда бы не поверил.

— Разве есть в этом что-то странное?

— А вы не находите? — в свою очередь спросил Супарев. — Честно, так я не очень рад, что придется работать под вашим началом. Боюсь, как бы в одно прекрасное время мы не разочаровались друг в друге. Я бы на вашем месте, Никита Борисович, пока не поздно, отказался бы от такого зама.

— Спасибо за откровенность. Я тебя перевоспитывать не собираюсь. И нотации читать не стану. Мне нужен грамотный и деловой помощник. А вот если не сработаемся, будет весьма печально: пострадает дело.

— Аркаша, не наговаривай на себя, — снова подала голос Галина.

— Я же тебя просил помолчать!

— Зачем ты так, Аркадий Григорьевич? Твое дело — дело и жены.

— Вот сразу и начинаете воспитывать. Я бы, Никита Борисович, хотел еще подумать. Ситуация несколько, так сказать, изменилась.

— Ты имеешь в виду, что начальником — я?

— И это. Так даете мне право подумать?

Галич чувствовал, что надо Супарева чем-то взнудать, дать ему понять, что свет клином на нем не сошелся.

— Хорошо, думай ночь. Я тоже подумаю.

— Относительно меня? — Супарев, видимо, не ожидал, что Галич тоже еще не окончательно решил насчет его кандидатуры.

— Ты же имеешь право подумать, почему же мне нельзя? Словом, завтра утром жду в конторе. Решим окончательно. Спокойной ночи!

Выходя из супаревской квартиры Галич действительно засомневался, стоит ли брать замом гонористого Супарева: может так и случиться, что они не сработаются. Да, тоже следовало подумать.

8

Раньше всех вставала теща Мордюкова — Ксения Харитоновна. Артем так и не привык за долгие годы жизни под одной крышей звать ее мамой. Жена попервости обижалась: «Ты не любишь маму!» — но потом свыклась так, что и сама иной раз назовет родную мать Харитоновной.

Харитоновне уже под восемьдесят, но, в отличие от болезненной дочери — жены Артема, ее, как она сама выражалась, «не брала никакая хвороба». Приученная с малых лет к физическому труду, Харитоновна всегда находила чем занять себя.

Обычно встав, Харитоновна лезла в подпол за картошкой, набирала полный таз и сама выволакивала его из подпола. Бабка она была жилистая и сухая, как плеть; Артем доставать картошку вменил сыну: десять классов парень заканчивает, должен же он чем-то по дому заниматься. Но сын всячески увиливал от этого неблагодарного занятия, к тому же и вставать рано ему не хотелось.

Артем вставал немного позже Харитоновны — это зимой, когда

он работал в мастерских. Но сегодня он проснулся рано, опять вспомнил, кто и как выступал на собрании, и свою запальчивую речь повторил мысленно. Сейчас, задним числом, он думал, что мог бы сказать лучше и убедительнее. На примере того же Супарева. Но тут Артем из кухни услышал легкий вскрик. Он прислушался — тихо. Но вскрик он слышал, это точно. И Артем, вскочив с кровати, в кальсонах и босой вышел из спальни. Крышка подпола открыта. Артем заглянул в черное зевоту: там, прямо под лесенкой, согнувшись, сидела Харитоновна. Платок съехал у нее с головы, и была видна шерстяная шапочка, которую теща носила на коротко стриженных седых волосах.

— Ты что, Харитоновна? — спросил Артем. — Худо, что ли?

— Ой-ей-ей, мамочка разбилась! — это над ухом Артема заголосила жена, верно, она тоже слышала вскрик и пришла на кухню следом за мужем.

— Ну, что раскудахтались, — подняла лицо Харитоновна. — Оскользнулась — вот и приземлилась.

— Ой-ей-ей! — продолжала голосить Полина. Попаниковать Полине — раз плюнуть, такая уж у нее натура. Из своей комнаты выбежал сынишка, испуганно воззрился на родителей.

— Да заткни ты ей рот, — грубовато посоветовала из подпола Харитоновна. — Кудачет и кудачет!

— А ты вылазь, чего сидишь, — сказал Артем.

— Дух дай перевести.

— Может, помочь?

— Помоги.

Артем подумал, если уж теща просит помочь, значит, крепко ударились.

— Да штаны надень, чего в кальсонах полез. Перемажешь все, — выговаривала ему Харитоновна. Артем чертыхнулся и пошел надевать штаны. Но пока он одевался, сынишка, чувствуя за собой вину, быстро шмыгнул в подпол и помог бабушке выкарабкаться. Хотели отвести ее в кровать, но Харитоновна воспротивилась и потребовала посадить ее около печи на скамеечку.

— Как же вы так, мама! — сутилась вокруг нее Полина.

— Как же, как же! И на старуху бывает проруха.

Вот так началось в доме Мордюковых это субботнее утро — заполошно и бестолково. Каждый занялся своим делом: Харитоновна сидела на своей скамеечке и чистила картошку; картошку из подпола на этот раз достал-таки внук. Полина убирала постели, Артем, набросив на нательную рубашку полушубок, прихватил ведра и отправился по воду. Колодец был метрах в тридцати от мордюковского дома. Вокруг сруба поналили воды, она замерзла послойно. За такую неаккуратность Артем частенько ругал женщин — колодец был один на весь переулочек, и теперь добираться к срубам надо было с опаской.

Артем бочком по слоенке добрался до сруба, навесил ведро, раскрутил певучий ворот. Прodelывал он все это не спеша, с толком, ведро на борт сруба ставил осторожно, чтобы ни капли не плеснуть под ноги. Таким же манером — бочком, спустился от сруба и пошagal к дому. Несмотря на рань, печи уже топили все, наполняя теплом выставившие за ночь квартиры. Хозяйки, видно, готовились к стирке, Полина тоже набросала посреди комнаты целую гору белья.

— Опять стирку разводишь, недавно же стирала! — не удержался от замечания Артем.

— Поди недавно! Ты в мастерских все рубахи поперепахал. И Володьке вон каждый день белую надо — жених! Чтоб бочку воды мне сегодня наносили.

— У нас сегодня лыжные соревнования, — сказал Володька.

— Посоревнуйся вот пока с батей, кто больше воды наносит.

Володька крутнулся на кухне, сунул босые ноги в валенки, взял-ся за ведро:

— Рукавицы б надел, — вслед сыну прокричала Полина, но того уже и след простыл.

— А ты чего толкешься! — напустилась на мужа Полина. — Ставь ванну на плиту. Да осторожно, медведь, печь развалишь.

Володьки подозрительно долго не было, Артем несколько раз выглядывал в окошко. Но вот зашлепали шаги в сенях, появился Володька с одним ведром.

— Ты что по часу ходишь? — недовольно спросил Артем. — И почему с одним ведром?

— Оно того. Буль-буль, — сказал Володька.

— И он еще смеется! — всплеснула руками Полина. — Где на вас ведер напасешься: в прошлый раз отец ведро утопил, нынче сын. Вот будете одним ведром носить, может, поумнеете.

— Раньше за ведро деда шкуру бы спустил, — сочла нужным заметить Харитоновна. — Больно богатые стали, вещей не берегут. — Харитоновна оседлала любимого конька и теперь завелась надолго.

— Бери ведра и айда, — сказал Артем. Сам прихватил во дворе ломик и тоже пошел следом за Володькой к колодцу, решив сколоть лед вокруг сруба. Не толкаться же в квартире без толку, когда жена стирает.

— Хорошенько цепляй ведро, — предупредил сына Артем.

Покряхтывая, он ломом стал скалывать лед; лед сухо крошился, и крошево выстреливало из-под острия в разные стороны

С другой стороны переулка пришел с ведрами Матвей, старший сын Лазаря Чумбарева. Шапку он носил, никогда не завязывая уши, и они торчали в разные стороны; Матвей был от породы чумбаревской резко отличимым — не было в нем той усадности, что у отца и младшего брата. Матвей был поджар и высок, с маленьким, девичьим личиком. И еще отличали его от всей чумбаревской семьи словоохотливость и такая легкость характера.

— Ты что это, Артем, решил устроить себе коммунистический субботник? — пошутил он.

— Приходится, а то вы такие сознательные, что не дожدهшься. Ведь на заднице от колодца съезжают, нет, чтоб лед сколоть.

— Ты сегодня съехал, вот и за лом взялся, — засмеялся Матвей. — Жена стирку развела, хоть из дому убегай, — тут же пожаловался он. — Артем, это верно, что Галич будет начальником нового участка?

— Верно.

— Вот бы попасть к вам работать. Может, замолвишь за меня словечко?

— Охотников много набирается.

— Я же не за всех, я за себя. Дай-ка мне ломик, тоже немного погреюсь.

Матвей заработал ломом, как старательный дятел клювом: тук-тук-тук. Лед летел густо, но Артем его старание не одобрил: со стороны смотреть, человек будто работает лучше некуда, а на деле Матвей ломиком брал не глубоко Артем в конце концов отобрал у него ломик.

— Мелко пашешь, Митя.

— Это я для согрева. Говорят, в столовке пивом будут торговать. Привезли целую машину.

— Сам придумал, или кто другой? — усомнился Артем. Пиво завозили на прииск очень редко. Летом не выгодно, сюда одна дорога — по воздуху, зимой надо было хорошо утеплять бочки. Но, если уж пиво привозили, для мужиков был настоящий праздник. Шли выпить кружку даже те, кто на материке его и в рот не хотел брать.

— Честное слово, Артем! — поклялся Матвей. — Моей бабе Мишкина Тамарка сказала. Она и будет продавать.

Это уже было похоже на правду. Артем повеселел, будто уже пригубил холодного пива... И от хорошего настроения, Артем пообещал Матвею, что при случае поговорит с Галичем.

— А ты чего к столу не идешь? — спросила Полина мужа. На столе в мисках уже дымился борщ, стояла кастрюля с мятой картошкой, перемешанной с мелко нарезанным мясом. Из миски Артема торчал крупный мосол: ему как главе семьи всегда клали кусок мяса побольше. Володька уже занял свое место, и Харитоновна крошила в борщ хлеб, приминая его время от времени деревянной ложкой.

Металлических ложек она не признавала.

— Я, мать, наверно, погожу с борщом, — сказал Артем. — Я, мать, в столовку пойду: пивом там сегодня торговать будут.

— Я буду стирать, а он пиво дуть!

— Мужичье, — вставила теща. — У них к женскому труду никакого понятия.

Харитоновна глянула на зятя и потому, как он двинул бровью, поняла, что может выйти скандал и поспешила отыграть назад:

— И чо ты мужика держишь? Он свое дело сполнил — воды наносил. Пусть пивком побалуется. Я тожить бы стаканчик выпила. — И Харитоновна даже причмокнула сухими губами.

— Ладно уж, — сдалась Полина. — Только не засиживайся там. Бидон вон за печкой.

Полина ушла в спальню, вернулась с тройкой.

— Маловато, — сказал Артем.

— Хватит, — отрезала Полина. — Вчерась Женьке сорок перевела. (Это старшему сыну, который учился в институте). Володьке вот надо новое пальто справлять.

Артем не прошел и десяти метров, как его на улице догнал Митька тоже с бидоном.

— Вот бабы: она стирает, а ты сиди возле нее. Два рубля только и дала. Но у меня от зарплаты еще пятерка осталась. — Он довольно похлопал себя по карману и подмигнул Артему.

— Ты мне рубль займешь? — спросил Артем. — Моя всего трояк дала.

— Хоть два. Сейчас надо.?

— Да там, на месте. Может, пива и нет, один свист.

Но, еще не доходя столовой, они поняли, что пиво есть: со всех сторон сюда спешили приискатели, кто с бидонами, а кто — даже с ведрами.

— Я приударю, — сказал Митька. — И на тебя очередь займу.

В столовой и, верно, уже было предостаточно народу, очередь вытянулась до дверей. Тамара с ярко накрашенными губами, в коротком не по росту халате, переругивалась с мужиками.

Артем встал в очередь впереди Митьки, потом уж огляделся. Счастливики уже сидели за столами, заставленными пивными кружками.

— Эй, Артем, иди к нам! — это звал его Егор Дзюба, помахивая

длинной своей ручищей. С ним за столиком сидели Миша — водитель вездехода, Андрей Трушин и Панпадуло.

Артем подошел, Егор сунул ему полную кружку. Панпадуло придвинул свободный стул.

— Причастись, — сказал Егор. — А то, пока достойшься... Нас вот Миша выручил.

— Ты, Миша, расскажи, как директора в пургу прокатил, — посмеивались за столом. — Может, нарочно поломку подстроил, а? Чтоб попугать нового?

— Его испугаешь.

Артем потягивал пиво, улыбался шуткам товарищей.

— Так, значит, Галич теперь будет у нас начальником?

— Это что, — сказал Миша. — Как стало известно из официальных источников, — голосом комментатора продолжал он, — вам еще придется испытать на себе железную волю вашего бывшего начальника Супарева.

— Трави?

— Точно. Его метят в замы — к Галичу.

— Дела-а, — протянул Дзюба. — Уж больно разные люди.

Продолжение следует.

КРАСНАЯ РЫБА

ПОВЕСТЬ¹

Солнце уже поднялось, ужались тени, но роса еще посверкивала на траве, на листьях и на ступеньках, наполовину накрытых тенью, и из сада тянуло свежестью утра и увядающими травами. Домрачев постоял неподвижно, вдыхая в себя горьковатые запахи, различая их, полюбовался на дальний с темными елями распадок: путался там меж ветвей, таял от солнца серебристо-синий туман. Мирная тишина вокруг, мирная и светлая. И лежал внизу озаренный солнцем Амур. Да ему избытку нет! И не будет, только по-людски бы нам, по-хозяйски да добром с ним. А ему вон — конца нет! На всех хватит вдосталь.

Спать Домрачев отправился на сеновал, а прежде на приступке крыльца выкурил сигарету.

Лейтенант лег в горнице на тахте, и Катерина, боясь потревожить его сон, по кухне шныряла бесшумно, будто летала по воздуху.

Домрачев усмехнулся своей мысли про душевное Катерино обращение к людям, почувствовал, как теплом взялось при этой мысли сердце, и зашагал косолапо, вперевалку через двор к стойке. Но, взбравшись на сеновал, он снова вспомнил жену — постель была чистая, аккуратно застелена, подушка взбита, а одеяло отогнуто, хотя с вечера оставил он постель смятой. Заглянула, знать, баба... Постель приятно-прохладная, и он некоторое время лежал, блаженно вытянувшись, вдыхая всей грудью запах свежего сена, накошенного им на Партизанской косе, — доброе сенцо. Катерина сгребала... И нашло на него, накатило. И не удержался, кликнул:

— Катя...

— Ты меня? — услышал он рядом, внизу, будто ждали там его оклика.

— Подь сюда на минуту...

Скрипнула лестница — Катерина голова показалась над верхним связом.

— Что, Сень?

— Подь сюда...

Она, удивленная, присела рядышком, тугая еще, словно и мужа у нее не было, и не рожала она их, Сеньку младшего да Катеньку, не кормила их грудью. Он крепко схватил ее плечи, привлек к себе. Она ворохнулась слабо:

— Светло же, Сеня...

А у него свой резон:

— Наскучился я, Катенька...

...Катерина ушла, а он долго лежал один, глядел в крепко связанные стропила, крутые дощатые скаты, янтарные от времени с каплями, подтеками смолы, местами треснутыми от натяжения, с кру-

¹ Окончание. См.: «Дальний Восток», 1975, № 9.

жочками шоколадно-коричневых сучков, и прислушивался к тишине. Нет, тишины не было. Где-то под самым ухом вгрызлся в дерево древоточец, трещали кузнечики в огороде, под навесом стайки спорили воробьи, вздыхал на крыльце Темка и громко бил хвостом по доскам, когда приближались легкие шаги Катерины. Далеко на картофельном поле гудел трактор.

Легкое мозжение охватило тело Домрачева. Привиделось ему, будто он сеть раскладывает на корме, к заплыву готовится. Утро солнечное, солнце только из-за гор вышло, и свет его яркий, тугой; тихо, похлопывает о борт лодки мелкая волна, черной скорлупкой идет сплавом чья-то лодка по тоне, редко взблескивают, вспархивая, весла. И с тоской подумал Домрачев: «Один разочек бы сплавать да снасть выбрать — кровь ублажить!»

Только и думать об этом нечего: какой тогда из него рыбоинспектор, если он решится на такое? Что тогда люди скажут? Вздор, все вздор. И думать об этом не могли даже!.. Вот беда-то, беда.

...Степке-то, Лукьянову можно бы одну-две тони сделать, все ж таки дома у него семеро по лавкам. Артюхе Жилину тож разок бы сплавать, много ли получает сторож-то в колхозе, а семья у Артюхи немалая. Шаталаеву бы еще... Старик сызмальства на кету ходил... Как ему без кеты?.. Вот как выходит-то, лейтенант ты мой кудрявый, во как! И крути не крути, нам с тобой к единому согласию прийти требуется, к пониманию, без скандалу решить незаконный этот вопрос. А как придвинуться к тебе с этим-то? Может, напрямки? Парень ты образованный, понять должен. Не пристало мне с тобой играть в кошки-мышки, а то так бы сделал, что и не почувал бы ты ничего — вона сколько на Амуре-то проток... Только хочу я по справедливости с тобой.

Так лежал он и думал, и от дум этих курить захотелось. Пришлось подняться, сигареты в избе оставил. А встал, то уж и ложиться некогда — время сна кончилось.

Лейтенант Кудрявцев тоже глаз не сомкнул — ждал, когда выйдет из своей комнаты Катенька. Пока Катерина возилась на кухне, лейтенант делал вид, что спит — даже всхрапывал время от времени, а как только вышла, приподнялся с тахты, наострил ухо. Что делает там Катенька?..

Еще в день своего приезда в Мунгуму после ужина как бы между прочим вышел лейтенант на крыльцо. Из темного двора выбежал Темка, обнюхивая ноги лейтенанта, завилял хвостом. Лейтенант, присев на корточки, погладил пса рукой, ощущая приятную шелковистость шерсти.

— Что, по ласке соскучился, Темка? Ух ты, псина, рад небось. Рад?..

И осекся лейтенант: по ту сторону штaketника скользила фигурка в белом. Медленно скользила, будто ждала чего-то, будто оклика его ждала. Значит, не в кино пошла Катенька, как родителям было сказано...

Бросился лейтенант К калитке, но пока отыскал щеколду, белое платье растворилось в темноте. Огорошенный, непривычно растерянный, вернулся лейтенант в дом рыбоинспектора.

Утром явилась Катенька к столу — розовая от холодной воды в умывальнике, волосы влажные, в них, посверкивая, дрожат росинки. Лейтенант Кудрявцев глянул на нее, покраснел, замельтешил руками над столом бестолково — и не дозавтракал, поднялся. Места себе найти не мог, сам не замечая того, что тянется-тянется его взгляд к Катеньке.

Стал он еще придирчивее к своему внешнему виду: в дом не зайдет, чтобы перед тем не осмотреть себя с головы до ног. Преследовали лейтенанта мысли о Катеньке: то представлял он себе ее комнату с окном в сад и что окно, остается на ночь распахнутым, то как лежит Катенька долгими вечерами без сна и слушает ночь, ждет его. А он все не решается.

А решусь вот!..

И поднялся лейтенант, и сделал шаг к Катенькиной комнате, к занавеске рукой потянулся, а большего не посмел — послышалось за занавеской дыхание затаенное.

Быстрее быстрого лейтенант лег на тахту и замер, вслушиваясь. Но все тихо в доме. Почудилось, видно, ему. Лейтенант провел языком по пересохшим губам: чего испугался? Но повторять попытку не решился больше, лежал и ловил каждый шорох в доме — сейчас, сейчас выйдет Катенька...

А потом вошел Домрачев.

За «Елочку» Домрачев не беспокоился: только местные рыбаки знали прихоти этой тони — богатой, но короткой. Всего десять минут сплавом идти, лодку при этом несет у самого берега. Тоню знать нужно досконально, иначе не только без рыбы будешь, но и снасти лишишься. На «Елочке» ориентиры знать нужно: где бросить сеть, а где выбрать — глаз да глаз нужен. А при нынешних условиях, когда жди, что вот-вот нагрянет он, рыбоинспектор Домрачев, ничего, естественно, не выйдет из рыбалки.

И лейтенанту он так все объяснил, когда решил изменить выработанный и ставший уже привычным маршрут. Круто, не сбавляя скорости, Домрачев развернул лодку против течения.

— Но наезжать туда нужно, — все же сказал лейтенант.

И Домрачев понял намек: костерок он тот вспомнил. Вот дался ему костерок! Что ж, пусть смотрит.

За поворотом выплыли из-за сопки крыши Элги. Домрачев прижал лодку к берегу. Неохотно прижал. Элга — восемь ссутуленных домишек на взгорке — блестит окнами от прямого солнца. У лодок на берегу старик Андрей Шаталаев, закатав штанины, носит ведром воду в бочку. Завидев катер рыбоинспектора, он выпрямился, замер в ожидании. В ожидании же застыл на крыльце своего дома Бато Киле. Казался он еще меньше и суше обычного.

Домрачев вклинился между веслушек, расколыхал их. Отвальная волна окатила ноги деда Андрея. Несмело Домрачев шел к нему, и в голосе его не было твердости.

— Как жизнь, Андрей Осипович?

— Живем, хлеб жуем, Сема, — ласково отозвался дед Андрей.

Домрачев бочку оглядел. В щелки между клепок кое-где сочилась вода.

— Рассохлась?

— Ничего, выправим. Под капусту пойдет.

— Пойдет, куда денется. Только клепка воду возьмет. Обручи надо подбить.

Свет от воды резал глаза, старик держал руку козырьком и из-под козырька смотрел на Домрачева.

— Вижу: мотаешься ты?

— А что делать?

— И я так думаю: не мед у тебя служба, Сема, а нужная.

Тут и лейтенант подошел. Бодренький шаг у него, скорый, пружинистый.

— А что за костер утром горел здесь, дедушка?

— Да мало ли ездют. Я и то думал: не на тонь ли? Погода по-смотрел — нет их уже, ушли куда-то.

— А что ж не спросили?

— Кого? Их? Кто же скажет, сынок! Куды ж мне старику совать свой нос?

Лейтенант задумчиво протянул:

— Да-а.

И на Домрачева скопился: а что я говорил, сразу бы!

Домрачев спокойно глянул в его глаза.

— Ушли, стало быть и разговоров об них нет. — На старика по-смотрел и не стал таиться от лейтенанта: — А ты, Андрей Осипович, тонь одну-другую сделай все ж... Снасть имеется, думаю.

— Дак запрет же, Сема. А конец найду — имеется.

До лейтенанта дошло. Лоб сморщил гармошкой, с ноги на ногу переступил в смятении. Домрачев, примечая белую рубашку Бато Киле на крыльце, досказал уже тверже:

— Бато возьмешь в напарники. Тоже небось рыба нужна.

Сказал и, крепко ступая, пошел к катеру. Лейтенант — следом.

Гальку ширяет сапогами. Сопит.

Понял он или нет, в чем дело? Может, лучше было обговорить этот вопрос с ним раньше — на воде. Конечно, лучше бы так, да вот сказано. Вылетело — не поймашь.

Да и не шибко горевал Домрачев от этих неожиданных своих слов. Шевельнулась мысль и затихла, и больше другое занимало его в этот момент.

Когда проходили мимо Мунгуму, заметил Домрачев копошение у лодок на берегу, и хоть далеко было, признал Степку Лукьянова, его угловатость.

«Рыбалить собрался Степка, — подумал Домрачев. — И темна не ждет, язва. Вроде как вызов дает, дурак».

Домрачев вздохнул: знать бы, куда Степан наладился, какую тоню выбрал. Можно бы и уйти от неприятностей, потому как не сможет он наложить штраф на Степку, сетки его последней лишит.

Домрачев на солнце посмотрел — высоко, часа два до заката болтаться еще будет между небом и землей, не торопится. Домрачев ругнулся матерно, как давно уже с ним не бывало: и чего Степка на рожон-то прет, чего?

А тут лейтенант с вопросом:

— Этот дед, Семен Никитович, кто вам будет? Родня?

— Какой дед?

Домрачев непонимающе смотрел на лейтенанта.

— Вы ему сплав разрешили...

Вон оно что! Вона как ты все понял!.. Родня, значит... Пришил уже. Осудил.

Домрачев прищурился и, пригнувшись, подался вперед.

— Считай, родня.

Как обрезал. А сердце тоска охватила, такая тоска, что хоть плачь. Да что ж это такое?!

В расстройстве Домрачев не заметил, как пропустили они Партизанскую косу, как проплыли мимо ее травянистые берега с тальниковой чащобой, с аккуратными копешками в глубине, с золотистым песком вдоль плесов и с опрокинутыми в них осенними сопками с богатой палитрой чистых и ярких красок. И, только когда вылетела лодка на простор и медным отсветом ударил Амур по глазам отраженным

лучом солнца, рыбоинспектор оглянулся. И увидел яростную рыже-красную текучую воду и отодвинутые рукой разноцветные, словно вывернутые наизнанку горы, и стайку уток на взлете и плоское, словно отдраенный медный таз, солнце на уровне глаз.

Чтобы уберечься от блеска воды, он пониже надвинул козырек фуражки и набычил голову, на мгновение отпустив штурвал. Достал сигареты и спички, жадно вдохнув сигаретный дым. Лейтенант каменно сидел в своем кресле, оглядывая Амур, и лицо у него спокойное, и дум на нем никаких.

А впереди виднелись уже Орловские острова, и там огненным колесом катилось по зелени солнце, румяно вспыхивала вода проток и озерцов, по-вечернему сникали тальники, и сильно свежо веяло травой. Запах был чистый, незамутненный, и сколько не внюхивался Домрачев, признаков дыма не было.

Орловские острова — сенокосные угодья мунгумуйцев, и люди здесь бывают только в сенокосную страду. Сюда выезжают рыбаки-любители, у кого лодки понадежнее, половить карасей, отдохнуть на свежем воздухе. Зимой же на острова приходят охотники на зайцев и лис, махальщики.

Домрачев с известного времени избегал эти острова. И сейчас, глядя на приближающуюся землю, он чувствовал, как знобая дрожь охватила его тело от затылка до пяток, и в мозгу высветилось имя его брата — Алексея.

Здесь по глухой Берендинской протоке неизвестные люди почти в упор застрелили рыбоинспектора Алексея Домрачева. Из-за рыбы расправа и вышла. Алексей браконьеров прихватил на месте преступления, когда рыба, оглушенная взрывом тола, брюхом вверх плавала по всей проточке.

Насуrowил брови Домрачев, сигарету новую задымил. Засосало тягуче сердце, вздохнуть больно. Лешка, какой парень был! В нем жизни было больше, чем в любом другом. И его порешили... в мирное-то время. Двадцать пять неполных годочков отсчитал, сына и то нарождать не успел. Пять лет без роздыху по реке мотался, смерти искал, что ли. «Я, — говорил Лешка, — под корень браконьеров выведу!» Под корень... Чтoб порядок на реке и в лесах наладить, нужно каждого в понятие ввести, что разве небо только бездонное. А как втолковать-то? Как?.. Вот то-то и оно!

Алексей по-другому не мог, действовал законом отпущенной ему властью...

С трудом отогнал Домрачев невеселые воспоминания. Шли между островами, Домрачев думал засветло их осмотреть со вниманием и потому особо зорко всматривался в глубину проток. Всматривался и углядел-таки. Углядел.

От дальности и речного блеска засочились слезы из глаз — за солнцем плохо видать, слепит. Кто же там?

Силился разглядеть — напрасно. Бинобль — висит на шее лейтенанта. Лейтенант шурится от невидного Домрачеву тихого света Ка-тюшиных глаз, и от улыбки, которая рождается в нем, начинают подрагивать, уголки его губ, и лицо высвечивается. Только улыбки не случилось — пресек ее Домрачев в самом корне:

— Глянь-кась в бинобль, Виталий Петрович. Под островок вправо... Видишь, никак плавают...

— Вижу. Двое в лодке.

— Дай-кась бинобль, разберусь...

Так и есть: идут сплавом. Домрачев ясно видел конец, струнно убегающий через борт в воду, и в метрах двадцати от лодки — гребок.

В лодке мунгумуйские мужики: Кашкин Константин да Дровников Паха.

И знал Домрачев, что сейчас сделает. И далее не раздумывал, хотя ясно понимал, что за этим последует. По-другому поступать ему не надо на этой путине.

— Держись, Виталий Петрович, работа есть.

И дал полный газ, аж лодка из воды чуть не выскочила, рискнула, понеслась, раскраивая Амур надвое. Скосив глаза увидел, как лейтенант кобуру с пистолетом поудобнее пристроил, вытянулся весь, и лицо у него белым стало. Поглядим-поглядим, как под страхом ходить будете...

А в лодке уже их приметили и принялись сеть из воды выдергивать. Половины еще не выбрали, а насчитал Домрачев двенадцать кетин, переваленных через борт. Губы больно прикусил, когда один из браконьеров — Кашкин, бросив сеть, рванулся к двигателю. Уйдут! Уйдут же...

— Стреляй вверх! Стреляй, дурень, уйдут!

Лейтенант грохнул над самым ухом рыбоинспектора, дал сразу два выстрела, и ногу на борт поставил, как бы для прыжка.

— Назад! Сядь, говорю! — заорал на него Домрачев и за ногу ухватил, потому как хотел на крутом вираже к гребку подойти и сцапать сеть с другого конца. Вылететь на развороте мог лейтенант из лодки почище пули.

Усадил лейтенанта, но момент упустил. Пришлось снова положить лодку в вираж, и, когда подходили к гребку, двигатель выключил, бросил штурвал и, через борт перегнувшись, выхватил из воды гребок.

— Тьфу, дьявол тебя заberi. Теперь не уйдут, голубчики. Пистолет-то не прячь пока — для испугу держи. Во. Только не балуй особо, чтобы без... жертв.

И тут увидел топор в руках Кашкина, который сеть держал. Помня упреждение! — пожили-то рядом с Домрачевым не один годочек, уверились, что слов он на ветер не бросает!

Успел Домрачев пожать: «Эх, сеть-то хорошую жаль, загубит!»

Топор сине сверкнул отточенным лезвием над в жгут скрученной сетью, и тут же рыкнул двигатель, за кормой лодки бело взбаламутилась вода — наострили мужики лыжи!

Грохнуло над ухом Домрачева. Лейтенант потрясал вздетым вверх пистолетом, он взблескивал расплавленно на солнце воронью.

Лодка уходила. Уходили мужики без снасти, но с добычей — десятком кетин, запутанных в дели.

Домрачев на полную отдал газ, двигатель взревел дико, веер брызг полоснул по ветровому стеклу. Катер рывком очутился на кильватерной струе, попер. Фигура Домрачева изогнулась хищно, заматерела — догонит он мужиков, и мысли другой у него не было.

И нагнал-таки. Катер и лодка теперь мчались рядышком — нос в нос.

— Глуши! — крикнул Домрачев, осиливая голосом сдвоенный рокот двигателей.

Кашкин на крик осклабился озверело:

— Отвали подобру, гад одноглазый!

— Веслом ево! — заорал Пашка Дровников.

Жилы вздувались на руках, бычьей шее: ударит с дури веслом — напополам перерубит.

Домрачев газ до отказа выжал и медленно отрываться стал от лодки. Потом дал прямоком и скруглил, поставил катер поперек хода лодки.

Мужики в лодке перекошились от страха. Кашкин чудом вывернул руль, катер и лодка бортами шаркнулись крепенько, лейтенант чуть в воду не сковырнулся, успел все же за ветровое стекло ухватиться — вылетел бы. А Домрачев, времени не теряя, забагрил лодку.

— Все, шабаш, мужики!

— Чего пристал-то? — пришел в себя Кашкин. — Жить, что ли, надоело?

— Это смотря кому, — Домрачев посмурил брови, обыденно, по-домашнему как-то сказал: — Рыбу перекладывайте.

— А это не хошь? — взревел Кашкин, выворачивая фигу. — Попробуй токо. Не твоя рыба и не трожь. И багор прими. Прймай, говорю, подобру! Паша, дай-кась веслом ему по рукам.

— Стой! Положи на место! — заорал лейтенант на Дровникова, потянувшегося к веслу. — Стрелять буду.

— Стреляй! Стреляй, мать твою разэдак! — но, видно, усек Дровников в глазах лейтенанта решимость, осел голосом: — Стреляй, сопляк!

— Хватит, — сказал Домрачев. — Возьми-ка багор, лейтенант. — И переступил борта, мимо остолбеневших мужиков пробрался на корму, перебросал остатки сети и рыбу в корму катера, выпрямился — на голову выше мужиков: — Ишшо где есть?

— Раз-то и сплавали... вся, — вяло сказал Кашкин. На Домрачева он смотрел отрешенно, ручищи свесил безвольно. — Хошь, смотри сам.

Лейтенант оформлял документ на арест рыбы, планшетку на коленях пристроив. Отписал, протянул листки мужикам:

— Здесь и здесь распишитесь.

— По науке все, — съязвил Дровников и, вытерев влажные руки о нечесанные волосы, свесил мясистый нос над листком, коряво нацарапав фамилию печатно. И Кашкин Константин роспись поставил. Недобро глянув на Домрачева, спросил:

— Уезжать-то из деревни не думаешь, чай?

— Нет, — спокойненько ответил Домрачев.

— Встретимся.

— Знамо — встретимся.

— Покеда.

И они остались одни.

Домрачев хмурился; лейтенант, наоборот, планшетку захлопнул звонко, улыбаясь посмотрел на рыбоинспектора:

— Лиха беда — начало! А вы, должен вам сказать, не ожидал я даже...

Домрачев не поддержал разговора, никак не отозвался, но лейтенант и не заметил его хмурой молчаливости. Без остановки, упоенно, радостно посверкивая по-мальчишески чистыми гляделками, он говорил:

— Я думал, уйдут! И не достать их — полегли на дно, а лодка не хуже нашей! Уйдут, думаю, уйдут! И шарахнул вверх для остратки. Вы полный газ дали...

Балаболит лейтенант, смаковал первую удачу. Бедолага.

Домрачев, как увидел на плаву мужиков, пока гнался за ними да акт составляли — ни разу не засомневался. А вот когда дело было сделано, почувствовал в груди щемящую боль, горечь какую-то. Казалось ему, что зря он так с мужиками поступил круто. Казнился.

Знал, что пойдут мужики на тону, что воевать с ними придется. Или понукал его кто остаться в инспекции?

Небось разнесут по деревне, как Домрачев арестовал пойманную рыбу и снастей их лишил. По всем избам будут языки чесать: такой, мол, расякой Домрачев без стыда и совести, с сердцем каменным. Вздохнул Домрачев, вздох невольно вырвался, и горек был он. Не поймут ведь, как надо все. Неужто он, Домрачев, для себя охраняет кету? Но вот он должен быть жестоким, охраняя. Бессердечным. Из-за этого товарищей-друзей, соседей добрых должен лишиться... И лишиться-то ради них же самих... Ради них, товарищей-друзей, соседей добрых, должен крепко до конца вести он свою линию.

Подумалось вскользь о лейтенанте: и впрямь смелый парень. Слишком, можно сказать, смелый, теряет от смелости голову — могут побаловаться головой. Запросто.

Лейтенант Кудрявцев не сразу вспомнил про кету, что лежала в корме катера. Домрачев, чтобы на ветру не смягла рыба, накрыл ее влажной делью, и, когда лейтенант поднял краешек дели, блеснуло живой кольчугой, брызнуло серебряным светом. Плавники рыбин подрагивали еще... Припал лейтенант к уху рыбоинспектора:

— Ее можно выпустить?

— Кого?

— Рыбу!

Домрачев сбросил газ, посмотрел на лейтенанта, насупился.

— Она живая еще... — начал было лейтенант и замолк. Понял по глазам Домрачева: не то что-то сказал, смутился.

— Воздуху она нахваталась, — пояснил Домрачев, — не очухается. Большая рыба, сильная, а крепости нет. Чутьхватила воздуха — и скапустилась. Может, так и лучше — сразу...

Метровые красавцы-лососи лежали у ног лейтенанта, вытянув перламутровые свои тела с великолепной откованной из серебряных пластин головой, с прозрачными неумирающими глазами.

— А красивая рыба, — сказал лейтенант.

— Красивая, — согласился Домрачев и оборвал разговор.

Так с грузом они еще часа два пластали Амур. А потом Домрачев заглушил мотор и завел речь про кету.

— Кета — рыба особая. У меня к ней уважение полное, — говорил он, поглядывая на реку... — через все моря она к дому тыщи километров идет. Ну морем пока идет, еще прихватит поесть, а как в речную воду вошла — живет внутренним запасом. А речной путь трудный. До нас ей дойти — считай, полтыщи верст, а это нет и четверти всего пути. На нерест она идет в горные речки, в самый исток. А реки те, сам небось знаешь, какие. Течение — на ногах не устоишь, перекаты, залом на заломе. А кета все идет и приходит на то самое место, где народилась сама.

— А вам приходилось там бывать? — спросил лейтенант.

— Был раз на Амгуни в нерест, нагляделся. Она там, Виталий Петрович, сама на себя не походит, черная вся, в стружьях — по камням бока-то за дорогу набила. Иная без плавников или полхвоста где-то оставила, у другой — полбока нет, чудом жива.

— А как же она плывет?

— Да вот так и плывет. Самцы тоже — кожа да кости, нижняя губа вот таким крюком закрючилась, зубья торчат колючие... В чем лишь душа держится? Вот пришли они, место себе облюбовали — они давно уже спарились — и ну ямку под икру долбить. Булыжины только в сторону отлетают. А вокруг уже мелочь хищная шастает — икру дожидается. Самец гоняет её. Сделали ямку — самка пошла кругами, икру мечет. Икра с горошину величиной. А самец икру молокой обливает. И все это, заметь, на последних силах.

Нехитро Домрачев рассказывал о кете, а лейтенант слушал.

— Видел я, — продолжал Домрачев, — как на Амгуни кета через порог сигала. Вода прозрачная, не чета амурской — песчинку можно угледеть. Так вот. подойдет кета к порогу вплотную — видит: каменная стенка. Примеривается. Отойдет и поперла буром, аж вода за ней свивается. Сиганет, и что твоя стрела — летит по воздуху и плюхается по ту сторону стенки. Бывает не раз прыгает, пока не будет за приступком. Упористая. Через то и уважение у меня к ней. А что там, Виталий Петрович, на Амгуни-то делается! Глухомань, казалось бы, в отдельные места разве только зимник, а народа набирается. Сети ставят, неводом бродят, и все только из-за икры.

— А кто?

— Разный народ. И с экспедиций геологических, и леспромхозовский народ. Ученые тоже ловят, дескать, для науки. При всем честном народе пластают кету, икру в тузлук и в бочата...

— И сейчас так?

— Дак это где как? Счас красная рыба в особой цене... Не пойму я, Виталий Петрович, как это получается у людей. Ну, нужда бы — ладно уж! Раньше-то плохо жили, а счас в магазинах, что душа желает. На работу человек оденется — на праздник так не ходил. И все ж вот — браконьерствует. А?.. — Он недоумевающе пожал плечами.

Лодка покачивалась на течении, блики стреляли в глаза коротко и остро. По плесам ухал ненароком сазан, ухал крупно, густо. Над побережьем кружил одиноко коршун, добычу выглядывая.

Лейтенант оглянулся на корму, на поелы: «Посмотрим, кто кого!», — подумал отчаянно и напряжился весь, ястребинно оглядывая окрестности.

— Заметил чего? — спросил Домрачев.

— Нет пока.

— Вскорости будут. Дай токо стемнеть. — Домрачев посмотрел на лейтенанта. — Я так думаю, что ночью этой нам делов будет много, Виталий Петрович.

А лейтенант, что-то прикинув в уме, спросил:

— А с этой рыбой как поступим?

— Колхозу в счет кормовой сдадим.

— А то с таким грузом больно-то не разгонишься, — сказал лейтенант и рукой поправил брезентуху, сползшую с плечей Домрачева.

Рудникова отыскиали в складе, рыбаки отбирали сети для лова. Снимали их с шестов, несли к свету, щупали, отмеряли, гомонили между собой:

— Легковата, огрузить надо.

— Эх ты — ячея-то мала... Глянь-ка там еще с такой делью.

— А конец бы подлинше надо — короткий.

— Да вон цельная бухта — возьми.

За разговором не сразу заметили приход рыбоинспектора. Домрачев постоял в сторонке, слушая разговоры, отметил, что серьезных мужиков на добычу взял Рудников. Все ж меньше хулиганства на реке будет, и, не таясь уже, подошел к Рудникову.

— Ну, много браконьеров поймал? — вместо приветствия спросил председатель.

Не знает, видимо, о Кашкине — улыбается, жмет руку Домрачева. И Домрачев не стал омрачать настроение председателя, сказал только, что привез конфискованную рыбу.

— Взял бы ты в ледник. Куда мне ее девать? Акт о приеме напишем.

— Сколько?

— Центр — не меньше. Двенадцать хвостов.

Оставив свои заботы, рыбаки обступили Домрачева, навестили уши.

— Не наши умудрились? — спросил председатель, и глаза прилепил к лицу Домрачева.

— Городские.

— Культура прет, — загалдели мужики. — Во кого за жабы брать, Семен!

— Уж будьте покойны, и своего не упустит, — просипел Артюха Жилин и отошел к шесткам со связками дели. Знает Артюха, у кого рыба конфискована, пошел уже слушок, видать.

За Артюхой и другие подались к оставленным работам, попри-молкли.

А председатель сочувственно смотрел на Домрачева.

Да, шишки-то все на него, Семена Домрачева, валятся...

— Что, примешь рыбу? — сказал Домрачев, будто Рудников стоял по другую сторону черты, и, круто повернувшись, вышел из помещения. Председатель еле послеваля за ним.

У рыбобазы их ждал лейтенант. За время пока Домрачев искал председателя, лейтенант раздобыл где-то носилки, рыбу в них покидал, катер тросиком к ломику, вбитому в землю, привязал. Честь отдал, приложив руку к виску, начал рапорт:

— Повлияли бы, товарищ председатель...

Но наткнулся на запрещающий взгляд Домрачева и смолк.

— На кого повлиять? — спросил хмуро председатель.

— Да вот...

Домрачев прервал разговор:

— Открывай ворота, Михалыч.

Он с одной стороны за носилки взялся, лейтенант с другой. Председатель затрусил вперед, позвякивая ключами. Улучив минуту, лейтенант буркнул:

— Что же вы не предупредили меня?

Знал бы Домрачев сам, что так сложится, разве бы не предупредил. И не виноват вовсе лейтенант.

— Не по нотам играем мы, Виталий Петрович...

— Понятно, — сказал лейтенант и, как только взвесили рыбу да на лед поставили, вышмыгнул из склада. Домрачев с председателем одни остались. Акт на прием рыбы оформляли.

Рудников момента не стал упускать, насел на Домрачева:

— Городских, говоришь, застучал? Вижу, не так это, Семен. Кто был, говори...

— Я их своей властью накажу, Михалыч. А два раза за одно не наказывают.

— Значит, не хочешь говорить... — Председатель топорщил кустики бровей, глядел на руки Домрачева. Вдруг улыбнулся: — Знаешь, что вспомнил я, Семен? Как мы с тобой первый раз на тонь ездили. Я на гребях, ты сеть выпускал... А как стал выбирать, рыбы много да крупная, ты тянешь дель, а силенок не хватает. Поскольку нам было тогда? По восемь или больше годов, забыл?

— Лет по восемь было. И что вспомнилось?

— Да вот вспомнилось. Старею, что ли — все старое вспоминаю. То, как с отцом травяной сеткой рыбалили, то, как в войну бабам помогали неводить... До сих пор в глазах штабеля мороженой рыбы по Амуру. Сколько рыбы было!.. — Глянул на Домрачева: — Не спешишь?

— Да терпит время.

— Хочу твой совет услышать, — сказал председатель. — Районные руководители нас, рыбаков, к земле склоняют: корчуйте, дескать, тайгу, поднимайте целину, коров, чушек заводите и заживете. А мы вот на море нацелились. Сейнеров хотим купить. Рыбаки мы, так ведь? Что с коровами да поросенком делать будем? А если сейнеров купим!..

Домрачев качнул головой, не удержался:

— Не высоко ли хватил, Михалыч? Сейнер небось денег стоит.

— Справлялся. Новый отстроить — семьдесят тысяч вынь да положь!.. Можно и старые купить — дешевле выйдет, но надежда на них какая? Купишь, да и рад не будешь. В трубу вылетишь.

— Это точно. Выходит: куда не кинь — всюду клин.

— Клин-то клин, а лазейка имеется. Уговариваю я колхоз «Коминтерн» соединиться с нами. У них немножко денежек, у нас — вот и сейнер. — Председатель закурил папироску. — Без рыбы нам не прожить! На рыбе выросли.

— Согласие дал «Коминтерн»?

— А куда они денутся? Каждому понятно: объединиться необходимо. В Амуре нам пока делать особенно нечего, а в море выходить одному колхозу не под силу. Вместе же наскребем на один, на другой сейнер, да у государства ссуду возьмем. С заводом я уже договорился о постройке судна. Если все ладом пойдет, через два года в море выйдем, сайру, навагу, сельдь ловить будем. А там, глядишь, и Амур войдет в силу. Станем на ноги.

— Через три года рыбы здесь непроворот будет. Нынче кеты много идет, густо. Отнерестилась бы удачно, — сказал Домрачев, и забытая было тревога напомнила о себе.

Домрачев предпочел бы провести сентябрь без помощника, каким был лейтенант Кудрявцев, но это было не в его власти. Кудрявцев ему не подчинялся, но именно он, Домрачев, отвечал за жизнь Кудрявцева.

— Семен, — сказал Рудников, — ты не стесняйся, если тебе нужна помощь.

— У тебя своих дел по горло.

— И это тоже наше дело.

«Нет, председатель, это мое дело, и я отвечаю за него головой. А твоя голова тут ни при чем, — подумал Домрачев. — Твое дело — колхоз сохранить».

— Помощника тебе прислали резвого, — сказал Рудников. — Придерживай ты его, Семен.

— Его придержишь. Толком не ест, не спит — ждет, когда дело начнется. В каждом человеке браконьера видит и желает с ним мигом разделаться, да чтобы браконьер при этом свое нутро показал.

— Молодость. Небось сам сюда напросился.

— Ясное дело, не силком.

Лейтенант как вышел из ледника, чуть ли не вприпрыжку приударил к дому рыбоинспектора. Думал, может, куда ушла Катерина и Катенька одна в доме. И шагал лейтенант вначале берегом, потом улочкой. Какая-то баба босая, в платке клинышком глянула на него от калитки и тут же отвернулась равнодушно. Лейтенанту бросились в глаза ее широкие ступни и икры с синими узлами вздутых вен.

Ни разу не обернувшись, она исчезла в темных сенях. И тут на крыльцо вышел мужик, тоже босой, рубаха выпростана, кудлатый, зашурлил на солнце. Прогудел через плечо в сенцы:

— Где углядела-то?

В другом дворе бородатый дед сидел на чурбаке, покуривая трубку. Белая его рубашка светилась на солнце, блестел и гладкий череп. В глубине двора длинноногая девчонка дразнила пса, тыкая в него хворостиной. А в крайнем окне дернулась занавеска, и там мелькнуло чье-то лицо.

Залаяла вывернувшись откуда ни возмись собачонка, закружила перед лейтенантом, отрезая ему дорогу.

— Дамка, Дамка, — попытался утихомирить ее лейтенант. Но собака еще больше озверела, залаяла чаще, заливестее.

Дед поднялся с чурбака, прошаркал к забору:

— Цыц, негодная! — и пыхнул дымом, лейтенанта оглядывая.

— Спасибо, — сказал лейтенант.

Старик ничего не ответил, все дымил трубкой да глядел из-под седых бровей.

Лейтенант, пройдя несколько шагов, оглянулся: держа трубку во рту, старик по-прежнему смотрел ему вслед.

Что ему надо? И кто был за занавеской? Попробуй, разберись...

Лейтенант шел уже не так скоро. Показалось ему вдруг, что идет он по неведомой ему до сих пор земле, будто попал он в другой век.

Дома здесь сложены из слегка окантованного кругляка чуть ли не в обхват, окна с овальными вверху рамами, с резными наличниками. Бревна в черных трещинах, давние... Тонкая кружевная резьба также по-за стрехам. Рядом с домом в каждом дворе бревенчатая стайка. За заборами стелется по земле жухлая картофельная ботва, огуречные плети, круглятся тугие кочаны капусты, красно светятся помидоры. С огородов веет горькой увядшей зеленью, винным смородиновым духом, нагретым навозом.

— Эй, товарищ милиционер, пистолетик-то обронили чего?

Обернулся: парни в цветастых рубашках загоготали, когда он за бок себя лапнул. Лейтенант увеличил шаг, уставясь себе под ноги.

Во дворе встретила его Катерина, глянула обрадованно.

— Приехали?

И Темка бросился к нему, заюлил вокруг, норовя лизнуть руку.

Лейтенант быстрым взглядом obeжал двор — нет, не видно Катеньки. Только Семушка еще дома. Выкатился он из сеней на крыльцо, пропрыгал по ступенькам и — к лейтенанту.

— Чего я знаю...

— Чего ты знаешь, Семушка?

Он скосил глаза на мать, потянулся к уху лейтенанта:

— Мужики говорили...

— Какие мужики?

— Обыкновенные... рыбаки.

— А что говорили?

— А про то только я папке скажу.

А Домрачева все не было. Лейтенант сел на крыльцо и в ожидании принялся чистить пистолет, снял пороховой налет. Заглядывал в зеркальный ствол, с любовью прилаживая части, отмечая, как приятно тяжелит руку пистолет. Пояснял Семушке:

— Это курок, а это — боек. Он по капсюлю тюк — и выстрел.

— А это?

— Обойма.

Он шелкнул, вогнав обойму в рукоять пистолета.

— Вот и все.

Поставил пистолет на предохранитель. Семушка смотрел на него заворуженно:

— Стрельнуть бы...

— Нельзя, Семушка.

Тут калитка скрипнула, пришел Домрачев.

Пить молоко устроились на теплом от солнца крыльце. Пили не торопясь. Домрачев чмокал губами, прищуривая свой единственный зеленый глаз, доглядывал за сынишкой, который вертелся около лейтенантского пояса с пистолетом и все норовил потрогать ручонками желтую кобуру. Того и гляди стянет. Какие же игрушки с оружием?

А лейтенант посмеивается над Сенькой:

— Нравится?

— Нравится.

— Вот бы тебе, да?

Сенька скребет ноготком кобуру, подбирается исподволь к застегжке, сопит. А на отца глазом покашивает, глаз зеленый, сторожкий — отцов глаз.

— А, не баловал бы ты, Сенька. Пистолет — какая тебе игрушка? Умылся бы, — сказал Домрачев, поймал сынишку за рубашку. — Утром-то хоть мылся, скажи?

— И с мылом даже.

— Уж!?

— А то нет? Пап...

— Чего хотел?

— Возьмешь с собой на тоню? Помогать стану.

Лейтенант улыбается:

— Браконьеров ловить, Семен?

— А кого ж? Побьют вас...

Лейтенант засмеялся:

— Нас, Сенька? Кто ж это?

Домрачев спросил:

— Слыхал где, что ли?

— А то нет, что ли?

— Ну? — Домрачев притянул к себе сына, ладонь распылил, положил на белую головку: — Кто говорил-то?

— Кашкин да Дровников, кто больше... И еще с городу были.

Так... Значит, грозят.

— Матери говорил небось? — спросил он тише, чтобы не дошло до Катерины: зачем бабу зря пугать?

— Не...е. А они — бить палками будут?

— Шутят они, Сенька, а ты и уши развесил, — сказал и ладони вперед поставил: — А ну-ка, Сенька, давай-ка поладоним. Давай: раз! Лады-лады-лады, где были? — У бабы...

Из огорода двором шла с миской красных помидоров Катерина. Оделила мужиков. Домрачев послал Сеньку в дом за солью. Лейтенант не стал ждать: впился зубами в сладкую мякоть. Зубы, что у молодого коня. Чамкает помидор, поглядывает на Домрачева, в глазах смешинки прыгают. А веселого-то мало. Что веселого в том, что мужики грозятся? А ну как и вправду вздумают? Рыбаки — народ отчаянный, отдубасят, долгонько чухаться будешь. Драка не бокс, между прочим. Ухнуть не успеешь — сомнут.

Но не о себе Домрачев думал сейчас. И даже не о лейтенанте. О мужиках, соседях своих. Ведь если расправу учинят сдуру, дело-то хорошим для них не пахнет. Потому как и сам Домрачев, и помощник его — лейтенант милиции — при службе находятся.

А Катерина-то, Катерина мельтешит-мельтешит. Может, знает что? И тут она к столу их кликнула:

— Мужички, обед на столе! Давайте-ка, пока горяченький.

Домрачев спросил, хотя прежде никогда не спрашивал:

— А что на столе-то, мать?

— Картошки с помидорками да с лучком.

— И только? Ну-к, Сенька, неси-ка нож мой.

Пальцем большим провел по лезвию, пробуя остроту, крикнул довольно. И пошел к лабазу. В лабазе оставалась на шестках кета прошлогоднего копчения. Домрачев выбрал брюшко побольше, на свет посмотрел — просвечивает рубиново, обрезал ребро: это не помидоры! Брюшко отдавало горьковатым дымком.

Лейтенант засверкал глазами, заерзал на скамейке, завидев тешу на столе.

— Вот это закусон! М-эх! Аромат какой...

— На осиновом дымке коптил. Потому запах — чуешь? — чистый. Ну-ка, отведай-ка.

Лейтенант взял кусочек из-под ножа, надкусил рубиновую мякоть, сощурился:

— Как в лучших домах Филадельфии!

— А как ты думал? И не запрет если б, показал я тебе, что твоя Филадельфия и во сне не видела. Провез бы по таборам... Ставь картошки, мать!

— Может, и по стопочке? — неуверенно предложила Катерина. Домрачев глянул на лейтенанта: тот поморщился, будто не водочки ему предлагали, а бог знает что.

— Оставь, обойдемся пока, — с сожалением сказал Домрачев, перебарывая соблазн.

Катерина принесла картошки в общей миске. Картошки целые, как любил Домрачев, сахарно-рассыпчатые, задымили парком, нагоняя аппетит.

— А рыбка,— не покривил душой лейтенант, — и вправду объединение. Так и тает во рту.

Катерина спросила:

— Еще принести?

— Еще, — говорит Семушка, а у самого уже вся мордашка блестит от жира.

Ах ты, рыбная душа, поприжаться теперь придется. Не скоро рыбка вдоволь поешь, не скоро.

— Неси, мать. От окна возьми, пожирнее. Глянь-ка, Семушка-то как уплетает! Обоешься ведь, Сенька! Воды в Амуре не хватит.

— Не-е!

И снова Домрачев резал кусками тешу, обрезая ребрышки, а Катерина картошек парных еще подбросила в миску — разъелись мужички!

Лейтенант крутит горячие картошки. Улыбаясь, Домрачев посматривал на него и вдруг спросил:

— Что, не дается?

— Горячо.

— Дуй, дураче, — поймал тебя на слове таки!

Смеется лейтенант. Сенька залился тоненько. Катерина улыбнулась мужу тепло. Ах ты, елки-палки, хорошо-то как — вроде и заботушки нет боле за плечами.

Лейтенант отвалился от миски с картошками.

— Сыт.

— Лопай-лопай...

— Сеня... — Катерина смотрит на мужа укоризненно, губы однако вздрагивают в улыбке. — При ребенке-то.

— Это у отца моего присловка была такая... Выдь-ка, Сенька,—

дождался, пока тот ушел, на Катерину глянул: — Отец все любил приговаривать: «Лопай-лопай, мол, а не жадничай, ровняй морду с задницей!»

— Как-как? — не понял лейтенант, потому что зашелся в смехе Домрачев на последних словах.

— А вот так! Знай наших!

Теперь и лейтенант хохочет — дошло.

Катерина в смущении, на лице проявились красные пятна.

— Ох и бесстыдный же ты у нас, отец!

— Фольклор, — защищает Домрачева лейтенант. — Фольклор, Екатерина Самойловна.

— Не фольклор — бесстыдство.

— Сенька, выходи! — крикнул Домрачев. Устроил сына на коленях, покачал, подбрасывая, похватал ручищами за плечи, ножонки. — Говоришь, тебя взять на тони? Слышь, мать! С нами просится. Покататься. Парень, кажись, вызрел. Глянь, какой вымахал — мужчина! А, Виталий Петрович?

— И не вздумай — с собой-то. Чего не хватало.

Знает, выходит. Все знает баба... Ишь глаза шальные сделались. А молчит и слова про то не сказала.

— Вот так, Сенька, выходит, в другой раз возьмем тебя. Мать, слыхал, не согласна. — На Катерину зыкнул: — Чайку бы, мать.

Катерина тихо ушла к печи, зашебуршала там. Нелегко ей.

Домрачев спустил Сеньку с колен, поднадал легонечко под задок:

— Бегай, сын!

Вздохнул, но тут же гыкнул, вроде как поперхнулся чем. Еще гыкнул, но потише, горло прочистил.

— А мы двинем, однако, Виталий Петрович.

— Пора.

— Чайку вот выпьем на дорожку.

Полдня ухлопал Степан на лодку, и вот, осмоленная, она, что арбузная корочка. Полубовался Степан своей работой и вблизи и издали, похлопал по гулкому корпусу, порадовался — хоть невесту катать!

На воду лодку столкнул играючи, закачалась она перышком, под веслами ходко пошла, легко и сухой осталась. Степан на радостях вверх прошелся, вниз, круголя дал, налегая на весла. Послушно ходит.

На берегу наблюдал за Степановыми маневрами бич Сашка Сергин. Осклабился Сашка, Степана наблюдая: ишь разыгрался ровно дитя. У самого Сашки бутылка красного фруктового вина в кармане штанов оттопыривается. В бутылке лишь половина плескается — Сашка успел приложиться и утереться забыл, присохло винцо красной подковкой с уголков губ.

— Кончай, Степка! Гони суды, дела есть. И что за народ! — шатко корячит Сашка ноги, колесит, но в воду не забредает, галечку шибает битыми кирзовыми сапогами. Пока Степка к берегу лодку ладит, Сашка сам с собой говорит: «Бывало, плавни, они, брат ты мой, ого-го. Не дай бог кому отведать такое...» — Бессвязна у Сашки речь.

В Мунгуму привыкли к Сашке. Сашка чумной, выпьет маленечко и уже пьян вдрызг, а тогда и до слез недалеко.

Степану Лукьянову Сашка был нужен.

— Напарником пойдешь на тоню со мной?

— Неспособный я, — признался Сашка.

— А може, одноглазого спужался?

— Не-е... Неспособный я.

— Греб и вся делов-то. На греб и сядешь, — уговаривал Степан, но Сашка заупрямился захмелевшей своей головой:

— Не-е... Другое что, это я могу. А закон есть закон... не суди меня.

— Черт с тобой, сам управлюсь, — отступился от него Степан. — Давай, выпьем тогда хоть?

— Погоришь, Степан, — моргая выцветшими ресницами, сказал Сашка.

— Не вой только, — попросил Степан, видя, как завлажнели Сашкины глаза.

— Народ любить надо, — все ж таки всхлипнул разок Сашка и тронул Степана за руку. Еще сказать что-то хотел, но тут от горячих камней устрашающе прогудел шершень. Сашка забыл, что сказать хотел, и только икнул испуганно.

Бич Серьгин, оставив Степана одного, убрался от греха подальше. Но не совсем ушел, а тропочкой поднялся за вершинку скального срыва, откуда Амур виден был до синих гор, и смотрел оттуда, как внизу муравьем копошился у лодки Степан. А вокруг него вся его детвора хороводилась. Любопытно им небось — отец-то на добычу снаряжается.

Степан взялся лодку толкать на глубь, малыши облепили борта.

«Ах ты, господи, боже мой, помощнички отцовы», — подумал Сашка слезливо.

Степан меж тем за весла сел, погреб, весла завзблескивали от солнца. Ребятня столпилась у воды, Аполлинария на террасе — выглядывает Степушку своего.

Амур чистый, только Степанова лодка и ведет легкую бороздку — тянет на тоню. Сашкины глаза по речной блескучей глади скользят беспокойно. Остановились вдруг, и губы задрожали — из-за мыса от островов объявился катер.

Следил Сашка за катером, шею вытянув, и хотел крикнуть Степану, дружку своему, сильно крикнуть о беде, да не мог. И подняться на ноги Сашка не мог, хоть и силился.

Упал он на траву навзничь, с глаз исчезли и мал-мала, и Степан, и катер инспектора. Только окоем гор да небо видел Сашка. Нехорошее небо. По-над горами стояли тучи ухабисто, будто кулаками туго замешенные. Туго и черно.

И солнце вскоре село. Свет зари еще во всей своей силе лежал на реке, словно отсвет пламенеющих сопок. А в распадке под темными елями курился туман, свинцовый и знобкий. И далеко впереди, кажется, сомкнулись в кольцо посиневшие горы...

Степан Лукьянов греб медленно, словно не видел катера рыбоинспектора, вылетевший из протоки и устремившийся на него. Хотел он, как появился катер, налечь на весла, но передумал: далеко до берега. И потому греб уже безразличный ко всему, что его ожидало, и даже на катер не смотрел, чувствуя слабость, разлитую по всему телу. «Поели рыбки-то, поели... поели пельменей, ушицы похлебали...»

Сеть он выбирал спешно — «веревкой» — бросал тут же, под ноги, вместе с запутавшейся в нее рыбой. Сеть была тяжелой — хлоп-

чатобумажная нить напиталась водой, да и десять кетин что-то вешили. Степан, когда выбирал ее, тяжести этой не чувствовал, как не чувствовал углости своей лодчонки, выплясывающей под его ногами. Но сейчас и лодка, и легкие весла казались неимоверно тяжелыми, вода была густой и липкой, как смола, а сам Степан — здоровенный мужчина — видел себя маленьким, слабым и беззащитным. Стыдно ему было. На катер он смотрел короткими урывками, кося глазом, и видел только милиционера, вставшего во весь рост у широкого ветрового стекла. Хотелось Степану сейчас одного: провалиться сквозь дно. От стыда провалиться.

И прежде чем настиг его шум двигателя рыбоинспекторского катера, с берега донеслось до него тоненькое:

— Батяня!

Степан стиснул зубы с такой силой, что ощутил, как посыпались они мелкой крошкой. Уже не помня себя, выхватил из колка весло, на ноги вскочил, готовый крушить все, что встанет на его пути.

— Греби к берегу, Степан,— услышал он спокойный голос Домрачева,— и брось дурью маяться.

Катер развернулся и на малых оборотах пошел к берегу. Степан с ненавистью посмотрел вслед.

«Нет, не отдам я им так просто рыбу!» — подумал он и, осененный какой-то мыслью, лихорадочно вставил весла в колки и рывками загреб к берегу. Он пристал чуть пониже рыбоинспекторского катера, лодка еще и берега не ткнулась, пацанье облепило ее борта. Степан схватил конец и принялся быстро распутывать сетное полотно, освобождая рыбу, ее тут же хватили маленькие ручонки. Когда милиционер с рыбоинспектором, увязая в песке, подошли к лодке, там уже все было сделано: в корме лежала мокрая сеть и две кетины. Они лежали у ног Степана, он стоял прямой, как аршин проглотил, и на лице стыла идиотская улыбка. Рукавом пестрой байковой рубахи он вытер пот, стекающий по лицу, стер и свою ухмылку.

— Чего стоите!? Забирайте!

Домрачев повернулся и зашагал назад к катеру. За ним, оставаясь на песке борозды спешил лейтенант Кудрявцев. Тяжелая кобура шлепала его по ягодице. Потом рев двигателя распорол тишину. Катер ушел в подоспевшие вкрадчиво сумерки.

Степану отказали ноги. Он опустился прямо на склизкие от крови доски, сотрясаясь от мелкого беззвучного смеха.

Домрачев с разворота дал полный газ, и катер, только пяткой касаясь воды, при всех огнях, с треском прыгал на каждую следующую волну, выметывая из-под себя веер брызг, не плыл — летел.

Домрачев, обхватив штурвал, всматривался в глубину круто взывших сумерек.

Проскочили Элгу, «Елочку», и тут Домрачев почувствовал на своем плече руку лейтенанта. Понял: просит сбросить скорость. Сбросил: ну что еще тебе?..

— Разрешите сигаретку?

Вон оно что...

Заглушил двигатель, закурили. Лейтенант закашлялся, но сигарету не бросил. Затяжки стал делать мелкие. Пообвык, спросил:

— Деревенский?..

— Наш, Лукьянов Степан.

— Все дети его?

— Его. Восемь душ, как не прикидывай. У нас его восьмеркой

навеличивают. Надо полагать, Полина девятым ходит. Прибавка будет.

— Не пойму я этого: зачем нищету-то плодить?

— Нищету, говоришь? — с оттяжкой спросил Домрачев и замолчал, замкнулся, внутри же все кипело.

И лейтенант молчал, курил сигарету. Задумался, видать.

Домрачев спросил незлобиво, лейтенанта жалея:

— Вот скажи мне, Виталий Петрович, кто ты есть по роду занятий в нашей жизни?

Лейтенант поднял глаза на него, но смолчал.

— Милиционер, — ответил за него Домрачев. — Надо понимать, блюститель порядка. Так?.. И выходит, что ты должен был по службе сработать опись пойманной рыбы и штрафом обложить этого Степана Лукьянова. Так я говорю?

— В принципе, да.

— Во — в принципе. А по-человечески — отпустили его с богом.

Домрачев последнюю затяжку сделал неторопливо, окурок за борт бросил.

— И против закона, я полагаю, мы не поступили. Одно дело — букву видеть, и другое выходит, когда доподлинное нутро за буквой этой имеется.

Вот он и выложил свою думку лейтенанту. И полегче стало, даже горечь в горле и першение, что появились от встречи со Степкой Лукьяновым, прошли. И теперь дело было за малым, что ответит на его слова лейтенант.

А лейтенант молчал, светлые брови примкнуты, но лицо уже не дергается, хотя серость еще не прошла. И глаза у него какие-то затуманенные. Домрачев не настаивал на немедленном ответе — время терпит. Повернул ключ зажигания, двигатель заревел: катер дернул носом, вытянулся и взял курс на низкие огни Мунгуму.

На берег только успели сойти да катер зачалить, из темноты Гошка Чальцев нарисовался: то ли ждал неподалеку, то ли случайно оказался здесь, но подоспел вовремя.

— Ох, и работка у вас, Семен Никитович, с товарищем милиционером, не дай бог!

Домрачев хотел мимо пройти, но Чальцев удержал его за рукав.

— Слыхал, что мужики удумали?

Домрачев махнул рукой лейтенанту: иди, мол. Спросил погоду:

— Какие мужики?

— Пашка да Костька — сети у них ты изъял и рыбу... Побить тебя с милиционером грозят: житья-де не даете.

— Пьяные они?

— Они? Пашка-то?

— Ну хоть Пашка.

— Пашка, тот не очень. Ему бочонок подавай бормотухи. А Костька зараз спьянел. За ружье хватался, силком забрали.

— Врешь все!

— Сдохнуть мне на этом месте, Никитович!..

— Ладно, — Домрачев повернулся, Хотел уйти, но Чальцев еще не договорил свое:

— Никитович... — Голос у него стал особо жалостливый, и разомкнулось что-то внутри Домрачева, жаром охватило все тело.

— Нет! — прогремел он. — И не моги даже, не моги.

И, крупно шагая, пошел от берега, ширяя бахилами гальку. Но

не к себе домой направился Домрачев — свой дом прошел, даже не посмотрел в его сторону.

Пашка Дровников чуть ли не в конце поселка отстроился. Место там темное, нелюдное, и потому здесь особенно было тихо и далеко слышно, как бьют в деревянный тротуар бахилы Домрачева.

Пашкина жена метнулась от дверей к Пашке, сникшему за столом, завизжала:

— Чего прицепился-то? Что он сделал тебе? Да проснись ты наконец!

Пашка раскрыл глаза, брови поднял:

— А-а, начальство пожаловало! — На ноги встал, наливаясь яростью, сгробастал в кулак клеенку на столе. — Чего надо-то? Чего еще возьмешь? На вот — бери!

— Бери, гад одноглазый! — с визгом подхватила Пашкина жена.

— Заткнись, баба! — Пашка бросил ей под ноги измятую клеенку. — Без тебя разберемся... — И к Домрачеву: — Заарестуешь? Ну, давай, попробуй... — Пашка вытянул вперед руки, пригнулся, ноги расставил шире, упористее. — Может, повезет мне — выбью тебе второй глаз.

Домрачев, недвижно в дверях стоя, сказал тихо:

— Сядь-ка, Пашка, чтоб без греха. Сядь, говорю.

— Чего надо тебе?

— Сядь.

Пашка сел, но глазами зло жег Домрачева.

— Глаз-то я тебе выдрал тогда, Сенька. Помнишь? За Катюху... Во свалка была, а?! Что ж, сегодня твоя пора — будем квиты.

— Пятеро на одного из-за угла, — лицо Домрачева перекосилось, сделалось страшным, качнулся он от дверей, но удержался. Вспомнил: не старые счета сводить пришел он сюда.

Пашка хохотнул, но хохоток не веселым вышел: с Домрачевым единоборствовать — дохлое дело. Сказал, вытянув табуретку из-под стола:

— И ты садись, чего ноги мять.

Баба его, уловив перемену в настроении, закудаhtала:

— Садись, садись, Семен... Чайку, может, поставить?

— Чаи некогда пить, пару слов сказать всего Павлу надо.

— Выйди, — сказал Пашка жене. — Да не под двери, — переждал, повернулся, хмурясь, к Домрачеву: — Чего хотел?

— Чтоб вы бросили игры свои играть.

— А мы играть не думали.

— Чтоб на тоне не видел, вот тебе мое слово.

— Как нам без рыбы теперь обходиться? Не пойму я тебя что-то, Семен. Али нас ты не знаешь? Мы, может, и живем тута потому, что для нас места более нигде нет.

— Знаю, но запрет вышел. Значит — точка, терпи. Для нашей же пользы, — сказал Домрачев.

— Вот сидишь ты, мозолишь глаза мои, и у меня видеть тебя терпеж кончается.

— Ну что ж, — поднимаясь, сказал Домрачев.

Погано было у него на душе: две правды столкнулись лоб в лоб — его правда и правда Пашки Дровникова.

А Пашка на крик перешел и кричал так, будто заставили его искать пятый угол.

— Куда мне счас прикажешь уйти? Куда? Куда ты меня из дому гонишь?

— Да причем я здесь, Паша?!

— А кто же у меня сеть-то умыкал? Ты. И вот что скажу я тебе, одноглазый ты хрен, слушай: враг теперь ты мой самый первый!

Ушел Домрачев от Пашки, и голова кругом шла от дум черных без конца и края.

Да что это сегодня приключилось с людьми?!

Значит, так... Когда убили прежнего мунгумуйского рыбоинспектора Домрачева Алексея, на собрании все в голос просили, чтоб на его место заступил Семен. А кто другой со службой такой справится? Ну-ка? И шесть лет он был нужен всем, величали его именем-отчеством, ни одного праздника без его присутствия не праздновали — почетным гостем звали. А теперь вона что... Теперь враг он первый!..

Тяжесть плитой чугунной легла на душу рыбоинспектора. Домой пришел он хмурый. Катерина, не дожидаясь слов, спроворила на стол, села напротив, подперла под щеку кулак, попробовала разговор завязать:

— Отощал ты, Семен.

— То ли еще будет, — с невеселой усмешкой ответил он, — месяц только начался. Не забыл пока, толкни меня без четверти одиннадцать.

— Опять ночь блукать будете?

Он промолчал, дохлебывая варенец. Остатки выпил через край, облизал ложку. А жена все смотрела на него.

— Это моя работа, — наконец сказал он, разрезая мясо на одинаковые ломтики и отправляя их в рот.

— Перестреляют вас...

Он уставился в нее, словно первый раз увидел. И она почти выкрикнула:

— Как это сделали с твоим братом! Но у него не было детей.

Он посмотрел и сказал жестко:

— Хватит! Поговорили и хватит.

— Не думаешь о себе, подумай о детях!

Он вытер полотенцем губы и подбородок, а руки обмыл у рукомойника на крыльце.

Алексея Домрачева, мунгумуйского рыбоинспектора, убили шесть лет назад в Берендинской протоке. Снова — Берендинская протока! Выстрелили из тальников. Неуправляемую лодку поймали у Мунгуму, ее борта были обрызганы кровью. Руки Алексея сжимали штурвал, а вся левая половина лица была изуродована крупной дробью. Врачи констатировали почти мгновенную смерть.

«Хорошо, хоть не мучился», — подумал сейчас Домрачев, и лицо его исказила горестная гримаса. Пригнувшись в дверях, он вошел в дом.

Жена убирала со стола.

— Разбудишь, как всегда, — сказал Домрачев.

Катерина ничего не ответила. Он положил руку ей на спину, спина ее дрогнула.

— Я могу проспать, — сказал он.

И снова она ничего не ответила. А он еще сильнее почувствовал, как устал за эти дни, и перед глазами его все еще продолжали взблескивать ослепительные рябинки расколотого в воде солнца. Руки были тяжелые и бессильные, он попытался свести пальцы в кулак. Пальцы дрожали и не подчинялись. Он посмотрел на свои руки.

«Не думаешь о себе, подумай о детях». И о ком же он думает, как не о них. Сенька — маленькой, Катенька и Катерина.

— Дети спят? — спросил он.

— А что же им делать?

Она ушла на кухню. Он сел на табуретку и стянул один сапог,

затем другой, отвалился к стене. Раструбы коснулись друг друга, сломались, мягко шлепнули об пол. Большой черный кот осторожно подкрался к ним, тщательно обнюхал, собравшись в комок, прыгнул на колени хозяйина, устроился там поудобнее, сомкнул узкие щелки глаз и замурлыкал.

Минут через пяток выглянула Катерина из кухни и оторопела: спит Семен. Всплеснула руками, тихо окликнула:

— Сеня!..

Он вздрогнул, просыпаясь. Она метнулась к нему:

— Это я, Сеня... Чо ж ты сидя-то? На тахту бы... ложись, Сеня,— запричитала, как над младенцем, обхватив плечи. — Ложись.

А тут и лейтенант вошел.

— А я вас искал, Семен Никитович. К катеру ходил — глядел, по берегу прошелся — нет вас.

— Разминулись, видать.

— Наверное... — лейтенант посмотрел внимательно на Домрачева. — Вы плохо себя чувствуете, Семен Никитович?

— Спать хочу. Давай-ка поспим чуток, Виталий Петрович, — и прихватив полушубок, Домрачев ушел на сеновал.

А Кудрявцев лег на тахту в горнице.

Катерина заботливо прибрала его форменную рубашку, пояс с пистолетом через спинку стула перевесила, сапоги поставила носок к носку и открыла створки окна — пусть дышит чистым воздухом. Свет в горнице погасила, чтобы не беспокоил он лейтенанта. Сама, ступая на цыпочки, ушла в другую комнату.

А лейтенант не спал. Только Катерина ушла, он открыл глаза.

В раскрытое окно втекал звездный вечер, доносил до лейтенанта запах реки и мокрых тальников. Откуда-то плыла песня тихая, забытая, будоражила лейтенанта:

Да-агора-ай, гори-и, моя лу-учи-ина,
Да-агорю-у с тобо-ой и я!

Где слышал он эту песню? Когда слышал ее — в детстве? Странно... Ворохнулся лейтенант и притих, прислушиваясь к себе.

Привиделось ему уж и вовсе небывалое. Будто когда-то давным-давно лежал он вот так же, заложив руки за голову, под звездами посреди нескошенного луга, а краем луга шла девушка в белом. Шла, низко опустив голову, и пела, а он слушал, замерев, боясь спугнуть девушку и ее песню, полнясь радостью, светлой и щемящей. Да нет, не было с ним такого! Не было... Другим путем шла его жизнь, и не было до сих пор в ней никаких звезд и луга некошенного. И Катеньки не было...

Легкие шаги раздались под окном. Тоненько пропела калитка, и снова шаги — на крыльце. Что-то стукнуло в сенцах, прошелестело платье...

Лейтенант поднялся порывисто, взмахнув руками:

— Это вы... Катя? — вдруг сразу осевшим голосом проговорил он.

А ее голос еще тише:

— А вы еще не спите?

— Нет...

— А вы очень хотите спать? — Теперь она была совсем близко от него, он даже слышал запах ее духов, до нее можно было дотронуться рукой: — Только тише говорите, мама, наверное, еще не спит.

— Я совсем не хочу спать, — он протянул ей руку.

Все было как во сне: пахло сеном, спелыми сливами; наплывал

откуда-то из глубины сада туман и обтекал, окутывая серебристой тишиной.

Катенька не выпускает руку лейтенанта, ведет его за собой.

— Хорошо у нас?

Он посмотрел на перепутанные в лунном свете ветви слив, на звездное небо, луну, на бегущие прозрачные облачка, подумал, что первый раз видит такое небо и такую вольную луну:

— Хорошо.

— Я же говорила вам, — она остановилась вдруг, придержала лейтенанта: — Слышите?

Лейтенант застыл на месте, прислушался.

— Слышите? — тихим шепотом спросила Катенька. — Вот опять... Слыхали?

Рядом упало что-то в траву, поймал лейтенант глухой округлый стук.

— Что это?

— Сливы переспелые. Вот опять. Слыхали?

— Они что, ночью зреют?

— И ночью. А, знаете, я каждый вечер хожу в сад. У меня здесь скамеечка есть, вон там — подальше чуть-чуть. Сяду, и слушаю, и смотрю. Интересно. Когда луна — сад сказочным кажется. Вот посмотрите.

Смотрел лейтенант, и казалось ему: невидимый волшебник творит свои таинства. Утром он уйдет, а на траве и листьях останутся радужные бусины росы и сладкие сливы, полно янтарно-спелых слив. Сливы соберет Катенька, а Катерина поставит на стол.

— Хорошо здесь, — вырвалось у лейтенанта невольно.

А Катенька сказала, не оставляя его руки:

— Вам идти надо.

Он остановился резко: не понял, что ли?

— Пора вам, — сказала она.

— А вы?

— Я еще посижу здесь. Отсюда хорошо видно, до самой излучины, как вы идете на катере. — Она помолчала. — Я каждый раз смотрю.

Лейтенант сжал ее руку.

— Идите, — сказала она и пошла под сливами в глубь сада.

— Катенька, — позвал он. — Катя!

А ее уже и не видно. Да и была ли она около него, может, показалось ему все, привиделось?

Во дворе лейтенанта встретил Домрачев:

— Загостился гдей-то, Виталий Петрович? За лодкой бдил, чо ли?

А в доме при свете глянул прямо в лейтенантовы глаза, словно насквозь его хотел увидеть.

— С Катей был, — сказал лейтенант и не отвел взгляда, не опустил глаз, и кончился на этом их разговор о ночном лейтенантовом бдении.

Сон не уменьшил усталости, как рассчитывал Домрачев; тело по-прежнему было тяжелым, ныл каждый мускул, свербил в пояснице. Уж не захворал ли он часом? Только этого сейчас не хватало!

Домрачев помял руками мышцы ног, предплечья, сильно захватывая пальцами, потер поясницу — все напрасно. Оставалось еще одно средство, запретное сейчас.

Лейтенант затягивался в ремни и не обращал на него внимания.

Домрачев прошел в кухню, бесшумно распахнул холодильник. Буылка в его руках сразу запотела. Он налил в стакан и всыпал туда, не примериваясь, перца.

Лейтенант за перегородкой скрипел сапогами. Подумав, Домрачев налил повторную. Опротал, утерся рукавом брезентухи, чувствуя, как пошло, потекло по телу тепло, не удержался, крикнул. Добре так-то! Как рукой снимет теперь его хворобушку. Твердо ступая, вышел из кухни.

— Двинем, Виталий Петрович?

Глаза лейтенанта моргнули в ответ из-под козырька фуражки согласно и преданно. Но чего-то не хватало в лейтенанте, и Домрачев, напрягши глаза, оглядел его внимательно.

— А пистоль-то где?

Улыбнулся лейтенант:

— Да надоел он мне — весь бок отбил.

— Ну ваше дело... Ваше дело, Виталий Петрович.

А у самого сердце почему-то сжалось: человек ты мой хороший! Кудрявый ты мой лейтенант!..

Лейтенант во дворе замешкался — высматривал в темноте сада белое платьишко. А оно выплыло от сеновала, как только хлопнула за Домрачевым калитка.

— Виталий Петрович!..

Он шагнул быстро навстречу:

— Пошли мы.

Поймал ее руку, сжал, и на мгновение его коснулось крепкое и горячее ее тело. Всего на одно мгновение, он даже не успел сообразить, что же это такое, — она отпрянула от него.

— До утра!

— До утра...

Домрачев уже столкнул катер на глубь, придерживая его за борт, дожидаясь лейтенанта, поглядывал на берег: не появился? Догадывался Домрачев, что задерживает его напарника во дворе.

Да, все решилось у них легко и просто. А ему драться пришлось... Дикая была свалка. Из-за угла навалились парни на него, когда шел он от своей Катеньки, хмельной от ее ласк, скрутить хотели, но он-то не куль с мякиной... Думал, что она не захочет и видеть его после этого — одноглазого, потому как даже сам он боялся увидеть свое лицо в зеркале: пугала пустая глазница с красными, вывороченными веками. А поди ж ты... Видно, здорово любила его Катюха, даром что стал он одноглазым — и в следующее же свидание сказала, что хочет стать его женой, не откладывая. На всю жизнь запомнился Домрачеву тот вечер. Вот и выходит, что через глаз да помятые ребра досталась ему Катерина, Катюшка его, самое дорогое и прекрасное, чем он владеет.

Припомнились Пашкины слова: выходит до сего дня Пашка жалкует за Катерину. Знамо, есть за что?!

С косогора застучали спешные шаги — лейтенант летит, аж камня из-под ног выворачиваются. Подбежал — грудь ходуном ходит, цепляясь за борт катера, пробормотал что-то извинительное.

— Успеем, — сказал Домрачев на его тревогу и вдруг подумал, что несет сейчас от него перегаром водочным на три версты. Скособочился, скрывая лицо от лейтенанта, завел двигатель, полный газ дал.

Лодка рыскнула было в одну-другую сторону, но он тут же крепко взял штурвал, поставил лодку на курс. В лицо туго ударил встречный ветер.

Домрачев решил перевалить Амур, левым берегом пройти и проточками выйти к «Елочке» с тылу. С лейтенантом поделился своей мыслью. Лейтенант согласно кивнул головой. Домрачев прикинул время и подумал, если хорошо обойдется на «Елочке», то как раз к вос-

ходу солнца успеют они на Орловские острова. В аккурат к солнцу.

Вспомнил Домрачев Орловские острова, и знобая дрожь прошла по спине: брата вспомнил, второй раз за вечер вспомнил. Вот далось-то, навязалось!

А лейтенант улыбался. Далеко он был от дум и мыслей Домрачева, далеко был от него — на берегу был, с Катенькой был, в укромном месте — на лавочке под старой сливой. Сливы спело падали в траву, всегда неожиданно, вдруг, а в звуке этом было что-то счастливое, законченное, сладкое. И сладко туманилась голова лейтенанта, со сладкой болью екало, заходило, плыло, плыло куда-то сердце лейтенанта от звука падающих слив, от слов Катенькиных.

Куда-то запропастилась луна, стало темно, в слабом звездном свете не различить берега, и ветерок подул, задирая волну. Дальше — круче. На траверсе мыса катер подхватило, понесло вдруг вниз, резко бросило вверх на излом волны так, что охнуло днище, а Домрачева окатило с головы до ног, ударило по глазам плотным зарядом брызг. И снова катер заскользил стремительно вниз, разворачиваясь бортом на волну под ее удар, пошел вверх под гребень.

Лейтенант ахнул коротко, увидев неотвратно надвигающийся накат, вжался в кресло, а Домрачев, выворачивая штурвал, поднялся в рост — через залитое стекло не больно-то что увидишь. Поставил катер форштевнем на волну, крикнул лейтенанту, чтоб достал плащ из рундука, сбросил газ. Огляделся.

— Под берег надо, там потише.

И уже не садился, крутил штурвал, чутьем угадывая в темноте берег.

Скоро волна стала меньше, положе, катер уже не швыряло, и можно было перевести дыхание, утереться.

— Прополоскало-то, дай бог!

Ко времени плащ для лейтенанта оказался — промок насквозь, ишь укутался — только нос и торчит. Но не жалуется — терпеливый, не смотря, что городской... И Домрачев спросил заботливо:

— Чего загрустил, Виталий Петрович?

— Что? — не расслышал лейтенант. — Что вы сказали?

— Загрустил что?

— Думаю, волны совсем как на море.

— На море были когда?

— Не... в кино видел.

В кино видел... А другой бы непременно завернул: был, мол, как же! А он — нет. И про Катеньку сказал все, как было... Чистый парень, без червоточки. А то, может, и выйдет на то — на свадьбу. Катенька, кажется, наложила глазок на лейтенанта, интересен он ей. Добить бы им ладом путину, порядочком. Склеилось бы все по-хорошему...

Домрачев вел катер вслепую — вокруг чернота сплошная, - надеялся, что берег скажет о себе теплом. Изредка смотрел повыше, в сторону берега и угадал крыши Элги.

«Вот кому без рыбы немогуту! — пришло ему на ум. — Вот кто по рыбаловке-то истосковался!»

На нижних тонях тихо и пусто было. Стрежняком шел снизу сухогруз — бортовые огни вровень с водой. У него свое дело, и больше ни души, сколько ни поглядывал Домрачев. Хотел к берегу приткнуться, ноги размять, но раздумал: берег в этом месте каменистый.

Развернул катер против течения.

- Вверх пойдем, Виталий Петрович?
- Конечно!
- Может, на берег вам надо или еще что.
- Да нет... как хотите.
- Тогда на Орловские острова глянем.
- Давайте на Орловские.

Лейтенанту ни о чем не сказали слова «Орловские острова», и ему все равно было, куда повернет Домрачев: на эти ли острова, на «Елочку» ли. Чуть навалившись боком на борт, он подставил встречному ветру и водяной пыли лицо и сидел так, к себе прислушиваясь. Что-то творилось с ним. Что? Он и сам не знал. Ему все равно было, куда правит Домрачев, но нужно было это быстрое движение с ветром и влагой, бьющими в лицо, была нужна истекающая ночь, невидимые, но явно ощутимые близкие горы. Нужен был Домрачев — спокойный, уверенный в своей правоте, нужности, непреклонный Домрачев.

— Ночь какая, — сказал лейтенант, придвинувшись к Домрачеву. — Тишина...

- Это здесь... На излуче небось покачает.
- А я люблю шторм. Чтоб дух захватывало.
- Понравилось, значит?
- Понравилось.
- Вода у нас тяжелая.
- А вы тонули?
- Было дело.

Всякое бывало. Было и так, что уж и не чаял добраться до твердого дна. Поспорил с кем-то, уж и забыть забыл, с кем тот спор вышел, что перемахнет Амур без роздыху. И пошел... Очнулся—лежа на песке, а ноги в воде. Не один раз смерть обходила его стороной. Для особого случая, что ли, бережет? А такой случай запросто может представиться. Убить не убьют сразу — ранят смертельно, и будешь крутиться, загинаясь до смертного часа... А вечер и вправду теплый. И звезды проглянули. Ветерок угнал тучки. А лейтенант-то, лейтенант, входит в нашу жизнь потихохоньку. Ишь шторм ему полюбился.

- В городе без отца-матери живете, Виталий Петрович?
- В общежитии, — живо отозвался лейтенант.
- Своего угла нет, выходит, — подбил Домрачев.
- Давали, да я отказался: в общежитии веселее.
- А вдруг семьей доведется обзавестись? В городе-то не больно с квартирами.

— Придумают что-нибудь. Жилье не проблема!
Ну что ж, и это точно... С милым и в шалаше рай! Само собой. И не удержался:

- Невеста есть?

Лейтенант, как девочка, опустил ресницы.

— Я когда ехал сюда, думал все не так будет, — вздохнул. — Все по-другому вышло.

— Не жалея, Виталий Петрович, — разумея свое, сказал Домрачев.

Показалось ему, что не доволен лейтенант своим нынешним положением. Спал и видел поди лихие денечки со стрельбой и погоней. Ан не вышло. И казнится.

— А я не жалею, — улыбнулся лейтенант. — Наоборот! — И доверительно сообщил: — Даже и не думал, что так бывает!

Он откинулся на спинку сиденья, глянул далеко, сколько позволял сумрак.

— Хорошо как!

Странной была та ночь, непохожая на все остальные, прожитые лейтенантом. Смотрел лейтенант вокруг, на оловянно просвечивающий разлив Амура, на молочно-белые чистые косы, на проступающее в рассветных сумраках мигающее звездами небо, на горы, уходящие в бесконечность гряда за грядой — на самых дальних с резкими изломами лежит снег, — и чудилось ему: высветлился мир, сместилось время, осень весной обернулась. И первый раз за неделю мытарств по Амуру попросил лейтенант рыбоинспектора остановить катер посреди реки. Сбросил с себя милицмейскую форму, встал на острый, качнувшийся борт. Ветер отбросил назад, расплескал по голове лейтенанта волосы, — и лейтенант, захлебнувшись от радости, оттолкнулся и ушел под воду. Понесло его течением, вынырнул — голова с поплавок.

— Возвращайся, — кричал Домрачев. — Возвращайся, утопнешь, глубь тут!

А в лейтенанта будто бес вселился — лейтенант нырял, кувыркался в воде, уходил от катера далеко, плыл то брассом, то кролем, то на спину ложился, и мир виделся ему голубым, в радужном сверкании брызг.

А по горизонту, по дальним сопочкам небо серым взялось, и недалеко уже было до рассвета.

Гошка в намеченную протоку пришел до света. Приткнулся к берегу, огляделся, прислушался — тишь округ, даже птиц не слышно; слышно только, как тараторит собственное сердце и то глухо, как в тумане, да где-то на берегу в траве шебаршит то ли птица какая, то ли мышь. Глухо. Гошка достал из носового кубрика мешок с сетью, бережно перенес на корму, чувствуя, как во всем теле нарождается сладкий зуд нетерпения, сдерживая его, опростал мешок, положил сеть, смочил из котелка, чтобы отяжелела, но прежде чем оттолкнуться от берега и на весла сесть, выкурил папироску. Рыбу ловить — не дрова рубить, курить времени не останется.

А еще хорошо было Гошке, он и не спешил. Он знал, что возьмет много рыбы, власть поработает, потягует упористую от рыбы сеть, власть порадует, глядя на круглых в теле, метровых лососей, на их тугую упругость и серебряность.

Размечтался, не заметил, как докурил папироску и хватил полный дых бумажного дыма от затлевающего мундштука. Выбросил окурочок на берег, снова прислушивался, и тогда уж сел на весла и загреб в глубь протоки.

И как бросил сеть, бросил в струночку — и поглядеть-то любо, — и забыть забыл, что против запрета решился, что поймать его могут и что есть на свете рыбоинспектор Семен Домрачев. Один он, Гошка Чальцев, был сейчас на весь белый свет. Он со своей сетью и кетой, что шла протокой в его сеть. Иногда он бросал весла, осторожно брался за отгон, прислушивался и от толчков, которые доходили до него по веревке, сердце его, будто наплавок в потяжке, сладостно уходило вниз.

Есть, есть рыбка! Ах ты, мать честная-пречестная!.. Еще! Еще! Боже ж ты мой, боже ж ты мой... Через эти толчки видел он сквозь мутную толщу воды, как с ходу ударяется в сеть кета, путается в делю, накручивая ее на себя — все, матушка, отбегалась!..

Его это рыба, его, и никому он не отдаст ее. Пусть только попробуют...

— Душу вышибу! Бог видит: вышибу!

Неохотно шла из воды сеть. Гошка на первых метрах взопрел. И в первую же минуту мокрым стал от брызг, которые поднимала запутанная в сети рыба, заблестела серебринками чешуи — кета билась в ногах, оглушенная воздухом.

Скоро рыбы стало столько, что верхние лососи грозились перевалить за борт, и некогда было ему оглушить их — сеть тянуть нужно. И Гошка тянул, не разгинаясь, и спина, и руки болели, но боль была приятна Гошке — сладкая эта боль, и радостная.

«Вот тебе и поуменьшилось кеты, вот тебе и запрет, а ее вон скоко — тьма темная!» — думал Гошка и пожалел, что пока переберет сеть да выпутает рыбу, под поелы ее уложит — времени много упустит. Не хотелось Гошке спешить, хотелось поплавать в спокойствии, еще и еще раз пройтись по тоне.

Он, управляя двумя веслами, круто поставил лодку к берегу, едва сеть выбрал.

Светлело. По косе кусточки тальников поотделились друг от друга, птицы проснулись, засвиристели. И солнце вот-вот прорежется.

Гошка спешил. Руки его летали над сетью, без единой ошибочки дело свое делая. И как только сеть чистой делью легла на поелы в корме, прыгнул в лодку, погнал опять в голову тони. И сигаретку выкурить себе не позволил. Одно им владело в сей миг — сеть расстелить за кормой, еще раз за отгон рукой взяться, толчки услышать, натяжку ощутить, струнность.

И сплав снова был удачным—лодка огрузла, непослушной стала, неповоротливой. Прикинул Гошка: бочонок будет от двух этих сплавов. Часть на колодку разделаю, часть пластом пушу. А другой улов — на семушный посол. С ледком!

Все распланировал Гошка, даже вспомнил, что нож для разделки положил и что наточил его — бриться можно.

И в этот миг далекий токоток двигателя различил. Весла как погрузил в воду, так и оставил там. Замер.

Так и есть, будь ты неладна, идет кто-то под островами!

У Гошки лоб взмок, взялся крупным бисером: вдруг их в протоку черти понесут? Тогда одно спасение: быстрехонько, без шума под берег, под тальники и замри!

Налег на весла.

Неужто не проскочат мимо: увидят его, обложат, как волка, лишат улова? С них станется! Дали волю им — проходу нет! Как же — хозяева!

Пока ругался Гошка да греб, в жгут скручиваясь, шум двигателя поприших. Пошли, по всей видимости, главным руслом.

А скоро и вовсе смолк рокоток. Гошка послушал-послушал, да снова за гребни взялся. Решил вывести лодку поближе к горлу протоки, затаиться там и оглядеться, прежде чем полоснуть через Амур, из двигателя все возможности выжав. Скорость только и выручит. На скорость надежда. И главное — от островов оторваться, от тоней, дотянуть до холостого, нерыбного в этих местах правого берега. А гам Гошка найдет что сказать, если насчитит вдруг Домрачев.

Подгребая к берегу под купу свислых тальников, вспомнил Гошка про ружье-двустволку. Вспомнил и присвистнул аж:

— Тю! Мы уток зорюем!..

Увязая в песке, он подтянул лодку поплотнее к берегу, чтобы не снесло течением, расстегнул ремни чехла и вынул ружье. Тяжело обхватился, застегнул на поясе патронташ. В правую сторону, где еще оставались свободные гнезда, вставил жаканы в латунных гильзах,

туго запыхавшихся. Взял ружье, подбросил его, цепко поймал, железно обхватив цевье, сузил в гневе глаза:

«Ну, Сенька, попадись на мушку, глазом бы не моргнул. Враз бы котелок продырявил».

Шел тихий ранний час, и скоро должно было взойти солнце.

Гошка вышел из тальников и оказался на чисто скошенной пойме, уставленной стогами, ровно залитой солнечным светом. Солнце било ему прямо в глаза, и он, ослепленный, прикрылся от него рукой, и в это мгновение заметил, как от земли оторвалась и низко потянулась над далекой полоской воды, вытягиваясь в цепочку, стайка уток. Не раздумывая, Гошка почти бегом пустился по хрустящей стерне и уже никуда не смотрел, только вперед, где узким жалом охотничьего ножа блестела под солнцем протока.

Когда он уже был на половине пути, вторая стайка поднялась в воздух. Он ускорил шаги, бежал, предвкушая удачу, легко, будто высушенный тренировками стайер. Но к тому времени, когда он достиг места, откуда наметил скрытно подойти к протоке, от воды, взбаламутив ее, с шумом, как-то слишком поспешно, сорвалась еще одна стая и почти в тот же момент он увидел серебристый катер, вынырнувший из-за излучины, увидел двоих в катере, узнал их, и, прежде чем успел о чем-нибудь подумать, упал на берегу в подвернувшуюся впадину и прижался к нежной отаве крепко. Почему-то с ужасом он подумал, что все-таки лежит как на ладошке, не защищенный от глаз тех двоих в катере. Катер медленно шел протокой, словно прощупывал невидимыми щупальцами каждый метр пространства вокруг себя. Гошка почти физически ощущал на себе тяжесть их взглядов и все крепче прижимался к земле, локтями вдавливая в нее нежно-зеленые листочки травы, все отчетливее понимая, зачем он должен остаться незамеченным. Он осторожно поднял голову ровно настолько, чтобы увидеть катер и нет ли еще кого поблизости, кто бы мог стать нежелательным свидетелем. Нет, вокруг было пустынно, и с катера, кажется, его не заметили, в его сторону даже не смотрят.

«Протоками шныряют», — подумалось Гошке. Стало жарко.

Солнце палило. Он расстегнул две верхние пуговицы на куртке, ворот свитера был мокрый от пота. Он чувствовал, как весь — и грудь, и живот в одно мгновение — покрылись потом, и волосы на голове стали мокрые, и прядь прилипла ко лбу, когда он провел рукой по лицу. И рука стала влажной, и Гошка вытер ее о полу куртки, а затем из последнего гнезда патронташа вынул патрон с латунной гильзой и, перехватив его пальцами, сломал в затворе ружье и зацепил ногтем за бортик патрона, сидевшего в стволе, вытащил его, а на его место дослал латунный. То же он сделал со вторым стволом, потом удобно устроил ружье перед собой так, что приклад уперся ему в плечо, а правый глаз по стволу лег в ту точку на воде, где, по его расчету, должен появиться катер. Ненавистный катер с ненавистными людьми.

Звук работающего мотора молотил безмятежный девственный воздух островов, но еще сильнее било по нему Гошкино сердце. Он следил, как оба звука сливались, отрабатывая синхронность своих ударов, слились — и тогда раздался взрыв.

Потом Гошка никогда не мог объяснить, как это случилось, словно подчинялся он какой-то неведомой силе, исходящей от слияния этих двух звуков. Он нажал на курок вначале правого ствола, а потом левого. Он видел, что попал, видел, как тот, в которого пришелся

первый выстрел, вскочил на ноги, нелепо вскинув над головой руки с судорожно растопыренными пальцами, и тут же рухнул на сиденье, сломавшись в спине. Он видел, как после второго выстрела тот, в которого был послан жакан из левого ствола, с искаженным от боли или от ярости лицом, направил лодку к берегу, и что это было лицо рыбоинспектора.

Он снова поймал на мушку одноглазое лицо Домрачева и, когда тот перевалился через борт в воду, потянул курок, но выстрела не произошло. Он забыл перезарядить ружье. Понял это и все же продолжал жать на курок, совершенно не сознавая, что делает, а ненавистное, устрашающее лицо приближалось. Инспектор бежал гигантскими шагами, неестественно прямо, не прячась, не увиливая от направленного на него черного дула, правая рука сжата в кулак, а левая маятником болтается из стороны в сторону.

В наступившей тишине было отчетливо слышно, как он бежит — земля содрогалась под его ногами. Он все ближе, его уже ничем не удержать, не остановить, ничем от него не защититься, и пуля его не возьмет. Пуля не возьмет! Не возьмет!

Животный страх поднял Гошку на ноги. Еще мгновение, как загипнотизированный, он смотрел на неуклонно наваливающегося на него в беге рыбоинспектора, потом смешно подпрыгнул, крутнулся вокруг собственной оси и, взвизгнув, побежал к спасительным тальникам. К тальникам! Туда! Успеть — и я спасен! Я буду жить! Я хочу жить! Почему он не стреляет? В меня? Нет-нет! Нужно бежать зигзагами, так в меня труднее попасть. В меня... попасть! Вон тальники, близко, сто метров не больше — и ты спасен!

Он начал метаться из стороны в сторону, пригибаться, не решаясь оглянуться назад, на своего преследователя, страхась увидеть нацеленный на него пистолет. Еще несколько стремительных скачков, и он пулей врезался в тальники, и они его поглотили, закрыли его спину. Какое-то время он еще бежал, подминая тонкие деревья, но вот с бега он перешел на шаг, остановился, быстро перезарядил ружье, круто повернулся на шум раздвигаемых тальников и стал ждать.

Домрачев задыхался. Погоня, в которую он бросился, не помня себя от ярости, затянулась, и дыхание начало изменять ему, и ноги отяжелели, и страшно болела левая рука, на которую он старался не смотреть. Он и без того знал, что с ней плохо, но заняться ею, значило потерять время и упустить зверя. Этого он позволить себе не мог. И все бежал. Бежал, задыхаясь, не видя ничего перед собой, кроме широкой спины, — все остальное было подернуто каким-то красноватым туманом. Спина зверя виднелась четко — каждая складочка желтой кожи, обтягивающей ее. Недосягаемая спина! Если бы он мог бежать хоть немного быстрее! Он догадывался, что Чальцев (Домрачев признал его сразу) не просто бежит к тальникам — там у него стоит лодка, спасительная лодка и что он бежит к ней, и если не догнать его сейчас, то потом ловить будет некого. Чальцев уйдет. Вот он достиг тальниковых зарослей.

Домрачев остановился. В груди хрипело, с хрипом вырывалось из рта дыхание, в голове, словно в тесной кузнице, молотом стучала кровь.

— Так, — прохрипел он, стараясь оценить обстановку и выработать план действий. — Мне его не догнать. Здорово бегают, собака. В тальниках и вовсе не догнать, — размышлял он. — Прет, как сохатый. А там у него лодка. А моя лодка далеко, и ворочаться к ней —

пустое дело. Выходит, на берегу его только и можно прижучить. Пустыми руками прижучить вооруженного.

Где-то в глубине сознания мелькнула мысль, что его самого могут прижучить, как брата, как его брата Алексея пять лет назад здесь же в тальниках прижучили полным зарядом — крупной дробью саданули в голову из обоих стволов.

«И меня так могут. Могут, очень просто могут. И не спросят, хочу я жить или нет. И детей моих не спросят. От страха и злости нажмут на курок — и все», — невесело подумал он.

Эти мысли прошли вторым планом, но именно они решили исход преследования. Домрачев решил не лезть на рожон: так не за понюшку табаку он не даст продырявить свою голову. Решил он идти напрямую через тальники к протоке, надеясь, что Чальцев дольше его проплутает по зарослям. Встретить его там, где он меньше всего его ожидает — на берегу, и, если сложится удачно, захватить лодку.

Он так решил и медлить уже было нельзя. Не было времени ждать, когда успокоится дыхание, и сердце перестанет биться оглашенно. Но одно он сделал для себя — расстегнул поясной ремень, петель накинул на шею и в петлю осторожно, помогая здоровой рукой, сунул левую искаленную руку. Бежать стало легче.

И он побежал, с трудом перемеживая ноги, спотыкаясь о кочки, отступаясь, и торопил себя, раздвигал здоровой рукой неподатливые пути тальников, морщился от боли, задевая о ветки больную руку, ударялся головой, плечами; хлесткие ветки били его по лицу, но он продирался сквозь них и бежал, если это можно было назвать бегом, и не падал — не давали падать деревья, и вдруг вывалился на чистый берег — под ногами сыпучий песок, впереди — голубая протока, лодка, Гошкина лодка.

Домрачев выкрутил у двигателя свечи и положил их себе в карман, весла взвалил на плечо и отнес в тальники. А Чальцев еще не появился, и не было слышно его шагов.

Домрачев вернулся, набрал полную пригоршню воды, ополоснул лицо и пошел, загребая сапогами песок, к тальникам. Теперь он будет спокойно ждать появления Чальцева. Теперь пусть он приходит. А он придет сюда, потому что еще не знает, что жестоко просчитался. Но ему уже пора бы прийти. Откуда он грянет? Из тальников или пришкандыбает берегом?

Давай пошевеливайся, мне некогда тебя выжидать. Мне везти труп лейтенанта в город. Сволочь ты, зверем тебя и то не назовешь, потому как ты хуже самого звериного зверя. Человека загубил хорошего. Жить бы ему и жить, а ты, ты убил его. И за что, боже ты мой?!

Он так мысленно говорил с собой и прислушивался, стараясь уловить шорох раздвигаемых ветвей, хруст сломанной неосторожной ногой ветки, шелест песка, легкий свист, хоть какой-нибудь звук, но пока все было тихо, лишь гудение комаров, тучей облепивших его, нарушало безмолвие.

Домрачев сидел, привалившись спиной к стволу дерева, и поглядывал по сторонам, гладил здоровой рукой взявшуюся кровяной коркой левую руку. Иногда он ее подергивал, и резкая боль в плече пронзала тело, обжигала голову. Домрачев отгонял наваливающийся на него сон.

Приближающийся шум, еще едва слышимый, достиг его и, словно ток, прошел его тело, ожег сознание. Тело его напряглось, а уши ловили малейший звук, и место, откуда он исходит, и глаза впились в чашу тальников, отыскивая виновника тревоги. На какое-то мгновение

воцарилась прежняя тишина, и он подумал, что ослышался, собрался снова откинуться к стволу тальника, но слух уловил шорох приближающихся шагов.

Кто-то шел по высокой нескошенной траве широкими спешными шагами, тяжелыми и одновременно неуверенными, будто этот кто-то очень встревожен, напуган и то и дело озирается по сторонам.

И Домрачев перестал сомневаться, лег и стал почти не виден со стороны, откуда на него надвигался шум. Зато ему в ту сторону открывался хороший обзор, и песчаный берег был, как протянутая ладонь,— и на ней лодка и дальше сверкающая под солнцем протока. Белая как хромированная сталь. Словно сама она была источником света. Какое оно сегодня яркое, солнце! Непостижимо яркое и негреющее, каким может быть оно только в сентябре.

И уже все желто — и тальники, и сопка в берегах стала желтая.оборотисто взялась за свое осень, все иссушила, и солнце светит вроде бы вовсю, и тепла нет и уже не будет. И листья облетают, желтые-желтые, как старая кость.

Чальцев шел долго, но все-таки приближался и настал момент, когда в просветах тальниковых стволов Домрачев наконец усмотрел его, его желтую куртку признал. Теперь он опасался только одного, чтобы Гошка не унюхал его раньше должного часа. Ничем не выдать себя, не спугнуть зверя, пускай он сам затянет петлю на своей шее. Ну иди же, иди, не стой, не хватайся за соломинку, твоя песенка спета. Ага, крутишься, кишка тонка на поверку. Правда лейтенанта, выходит. Бедняга лейтенант. Зарядку делал, самбу тренировал, а ничего не пригодились, и ничто не уберегло от смерти внезапной и неслепой.

Солнце поднялось уже высоко, половину пути прошло до зенита и светило теперь в левый глаз рыбоинспектора, и этот свет мешал ему.

«Не могло ты уйти чуть повыше? — подумал он. — Самую малость уйти повыше и не мешать мне?» Но тут же он начал думать о другом, не выпуская из вида желтую куртку, скользящую между стволов к берегу.

«Если он не подчинится моему приказу, — подумал он, — и пальнет из обоих стволов? Что будешь делать тогда? Он пальнет не в меня, а на звук и как пить дать промажет. Он столкнет лодку. Нет, он столкнуть ее не успеет — она прочно присосалась к берегу, так прочно, что когда придется ее сталкивать — попотеешь, Я команду: «Руки вверх, сволочь!» — как только он окажется ко мне спиной. Потом я прикажу ему бросить ружье. У него возможно есть нож. И нож он выбросит. Потом тебе нужно будет связать ему руки. Подойду к нему и свяжу. А если он нападает на тебя в этот момент? Пусть нападает, если посмеет. Но к тому моменту у него в штанах будет много неприятностей. Это убьет его морально, и он даже не подумает о сопротивлении».

Чальцев вышел на песок. Наконец-то. Приготовься, Семен. Ну и положение, как в кино про шпионов или в книгах. Семен-младший такими книгами зачитывается. В них стреляют не в тебя, и потому интересно. Побежал! Приготовься, Семен.

Домрачев встал на колени, поднялся на ноги, прижался к тальнику.

Чальцев с разбегу ударил в скулу лодки плечом, увяз в песке, надрывно выдохнул, что-то хотел крикнуть, но его опередил голос, не голос, а хрястнуло по спине промеж лопаток:

— Руки вверх, сволочь!

И дальше пошло все так, как и мыслил рыбоинспектор, и уже неловко, одной рукой повязывая тонкой капроновой бечевкой лапасты Гошкины руки, он сказал, как не думал сказать, сказал спокойно:

— Вот и все. Лодку поведу я, — и с трудом подавил яростное желание пустить в ход кулаки.

Он сразу дал полный газ. К лейтенанту. К лейтенанту.

Лодка, вспарывая зеркало протоки, почти задевая сникшие тальники, с воем неслась вперед, и мутный бурун за кормой недолго, как нервный росчерк симпатическими чернилами, жил на воде. Постепенно, прижимаясь к берегам, усмирённый ими, выпрямился и затих.

Лейтенанта Домрачев сам, скрюча раненую руку, прикусив губы, уложил на корму своей лодки и накрыл куском брезента от солнца, края под негибкое тело подоткнул, чтобы ветром встречным не сдуло.

Вот как вышло-то, лейтенант ты мой кудрявый, горюшко ты мое! Чуяло мое сердце, не кончится наша общая служба добром. Не кончится... Лежи, хороший ты мой человек, спокойно, а мне дело делать. Извини уж меня, если что не так, что не уберег тебя... Вот в жизни-то как, мать честная, получается!..

Лежи...

Большой своей рукой Домрачев провел по телу лейтенанта, укрытому брезентом, выпрямился, Амур оглядел.

Солнце уже всю жарило, не солнце — Ярило, и река от того белой сталью текла, и горы казались дальше и ниже, а ближний ряд их лежал на воде, словно невиданных размеров судно в дрейфе. Дрейфовали в небе редкие прозрачные облачка, их призрачные тени струились в воде. И далеко вокруг лежала вода, и конца ей края не было. И вечность, необоримость сквозили в ней.

И нагнулся Домрачев над телом лейтенанта, откинул с лица его край брезента, встревожив белые пряди волос. Упали они на чистый без морщин лоб, на поелы, расплескались будто под ветром.

— Гляди!

В последний раз свой гляди, жить бы тебе — радоваться. В доме моем гостем бы был первым и большим. Самым большим, дорогим гостем приезжал бы ко мне...

Домрачев вел катер осторожно, на малой скорости, будто потревожить сон лейтенанта опасался, потому как лежал он в корме с закрытыми глазами, совсем как живой. Спал будто. Проплывали мимо, оставались за кормой большие и малые острова с никлыми тальниками, крутые со скалами и осыпями бока гор отступали, уходили назад, давая место другим.

Но ничего Домрачев сейчас не видел. Вздернув подбородок, он не сводил глаз с Амура, и штурвал сколько сил было здоровой рукой держал. Держал так крепко, что занемели пальцы и разжать их он уже не мог — прикипели. И голову опустить не мог, в глазах стеклянно слезы стояли, и казалось ему, чуть нагни он голову — прольются слезы и увидят все, что плачет он.

Он плакал. Плакал беззвучно, зажав горло, чтобы не прошел ни один звук, ни один стон. И от этого напряжения что-то рвалось тягуче у Домрачева в груди. Что-то живое с болью обрывалось и не могло оборваться, и боль оттого была непереносимой, боль распирала грудь, грудь трещала под ее напором, ходила ходуном, и скоро он понял, что это болит, давит распирает грудь — сердце. Ему бы разжать зубы, отпустить горло, но он не умел плакать.

У Мунгуму катер повернул к берегу. К стоянке от дома бежала

Катерина. Чужало, видно, беду бабье сердце. И лодка не ткнулась еще в берег, на бегу испустила Катерина вопль, заметив белый брезент на корме катера, лодку и Чальцева, связанного в ней, и Семена своего с подвешенной рукой, рубаху его поржавевшую. Остановилась, как вкопанная, руками всплеснула:

— Господи!.. Господи!.. Сенечка...

Домрачев с трудом ноги через борт перекинул, привалился к борту обессиленный и уж не чувствовал, как потекли слезы ручьем, заструились по щекам.

А от домов бежали встревоженные Катерининым вскриком мунгумуйцы. Степан Лукьянов, по пояс в воде, чертыхаясь, тянул лодку Чальцева к берегу, сверкал глазами, пулеметом слова самые последние выдавал. Расталкивая столпившихся, добрался к Домрачеву Рудников:

— Семен?..

— Не уберег, Михалыч... Не уберег... — И уронил голову на плечо подоспевшего председателя, и затрясся, заколотился на плече, скрежеща зубами. — На смерть... на смерть порешил.

Четверо мужиков несли на растянутом брезенте к дому рыбоинспектора тело лейтенанта, а бабы смотрели вслед мокрыми глазами.

— Молодой-то ишшо совсем, ой-ёё-ёо!

— Самойловна говорила: неженатый.

— Красивенький какой, господи, как же это?

— Семен наш ранетый, весь в крове...

— У-у, фашист проклятый! Ирод!

Поддерживаемый с боков Катериной и председателем, прошел на нетвердых ногах к дому Домрачев.

— И за что так, Михалыч? Скажи, за что? Разве плохое что, а?

Когда утром Бато проснулся, солнце было высоко, а тучи, что устилали небо, исчезали бесследно, будто их и не было вовсе. Но они были. Это Бато помнил и помнил, как прошлой ночью он пересилил себя и не пошел на тоню. Это была приятная мысль, и он улыбнулся.

Звонкий голос внучки с улицы резко изменил ход мыслей Бато. Он вспомнил, что вчера вечером обещал ей нарезать фигурок, подумал, что лучше всего это сделать из молодого тальника, что растет в устье Мунгуму, и снял со стены отточенный рыбацкий нож в деревянных ножнах.

Утро было прохладное и сырое от росы, оставленной ночным туманом. Ступеньки крыльца были темные, но там, где лег солнечный свет, роса сошла, обнажив выбеленную солнцем и временем плоть кедровых плах. Старик положил руку на перильца из корявого, жилистого дуба и стал спускаться вниз. В это время со стороны солнца появилось белое сигарообразное тело «Ракеты». Оно стремительно летело, почти не касаясь поверхности воды, образуя за кормой седой шлейф взбаламученной волны. У створ «Ракета» резко свернула и устремилась дальше, и вскоре стала едва заметной черной точкой на горизонте, которая быстро исчезла, словно растворилась.

Чтобы срезать тальник подходящей толщины, старику пришлось поднять раструбы сапог и войти в воду. Нож легко рассек ствол тальника — белый, с коричневой ниткой сердцевины и зеленым кольцом коры. Кору он снимать не будет, по ней можно пустить узоры. На берегу старик сел на нагретую солнцем гальку и принялся вырезать фигурки. Он увлекся работой и не заметил, как подошел Шаталаев, и, только когда его тень упала на колени Бато, старик поднял голову.

— Бот, — сказал он, и лезвие ножа коснулось готовых фигурок. Улыбка тронула его сухие губы. — Внучка, — сказал он и продолжал вырезать своих бурханов.

Шаталаев, опираясь о палку, с минуту стоял так, потом, даже не глянув на Бато, побрел вдоль берега, пощелкивая гравием. Ушел в поселок.

Скоро поднялся и Бато.

Девочка сидела на крыльце и ждала деда. Он издали улыбнулся ей, а подойдя, вытащил из карманов фигурки и разместил их на ладони. С улыбкой наблюдал за девочкой, как та взяла фигурки, как округлились ее глаза — два горящих уголька в узких прорезях — и взялись румянцем смуглые щеки.

За ее спиной солнечными бликами играл Амур, отраженные блески вспыхивали, словно звезды.

Потом она прижала фигурки к груди и убежала в дом.

Бато снял тяжелые нагретые солнцем рыбацкие сапоги и босой постоял еще с минуту на воле.

В доме было светло и тихо. На сверкающем чистотой подоконнике лежало солнце; разбитое на квадраты, оно лежало и на яично-желтых покрашенных кедровых половицах. Их тепло приятно передалось Бато, и он с минуту стоял неподвижно, согревая ступни и наблюдая за девочкой, расставляющей в комнате деревянные фигурки.



Юрий КОЗЛОВ



И кажется уже,
Все пройдены дороги,

Смиряются в душе,
Волненья и тревоги.

Но радуюсь, грущу,
Хоть это и не ново,
И с трепетом ищу
Несказанное слово.

■ ■ ■

Геннадий ЛЫСЕНКО



ХУДОЖНИК

В конце апреля нас смешит
сентиментальность,
но не очень.
Художник вечным дорожит,
а повседневным — озабочен.
Меня же запахи цветов
потянут,
словно взяв под локоть,
в обитель праведных трудов —
пощупать краски,
холст потрогать.

Художник рыж и коренаст,
прикрыта шея бородою,
похожей издали на пласт
земли —
с железною рудою.
Радушен,
весел,
белозуб,
как море возле Шикотана,
художник — жадный жизнелюб.
Необязательно и странно
он заселил самым собой
завод,
прибрежье,
мотоботы.

И волны,
в поисках работы,
толкутся перед ним гурьбой.

Как в раковине,
в мастерской
сквозь шум привычный,
городской
услышу море.
Это — память.

Художник молод и влюблен.
Весна.
— Все в норме, — скажет он. —

Лишь денег нет,
чтоб свадьбу справить.

* * *

Снова шиферный снег утвердился на
крышах
и под солнцем оттаявший гулок бетон.
Приближается лето.
Веснушки у рыжих
перекрыло загаром —
коричневей он.

Скоро выйдем на пляж мы,
как древние греки,
в окруженье смеющихся нагих подруг.
Приближается лето.
Все женственной реки,
Одичавшие за зиму.
И без потуг
отделяется цвет от наплывов оттенка,
проступает рисунок сквозь вешний развал,
будто целую вечность читал Евтушенко,
а сегодня Твардовского перечитал.
И совпала пора неподдельных раздумий
с изначальной порой кучевых облаков...

Скоро ткани осенние вывесят в ГУМе.
Приближается лето —
пора отпусков.

Стану рыбу ловить,
размышляя о доле,
или, пену пивную сдувая с губы,
буду самозабвенно свистеть на футболе,
потому, что и я — человек из толпы.

* * *

Грохнусь навзничь, как убитый.
Травы вышепчут: беда,
И кукушка деловито
обкорнает мне года.

Вспомню:
поле Куликово —
дело сотни тысяч рук.
Но вначале было Слово
о полку...

Теперь и вдруг
не найти реки Каялы, —
может — эта,
может — та.
ибо время не стояло,

суть прошла —
и суета.

Только опыт поражений
четок в памяти моей,
словно дырочки в мишени,
Лишь огромней и больней.

Через них бежали шведы,
Выход был всегда один.
Через них несли победу
На Париж и на Берлин.

Так же музы не молчали,
Так же — скорбное ку-ку.
Было дело.
Но вначале
было Слово о полку.

* * *

Это было
или снится
достоверно так в ночи?
Дождь — ливня,
а не напиться, —
замутило все ручьи.
Позавязло в неполадках
все снаружи
и внутри.
Мы валяемся в палатках.
На исходе сухари.

Это место — без пометки.
Можно — пехом,
Можно — вплавь.
Я в геологоразведке
смыслю мало.

Ты представь:
полночь,
рев, —
в соседней роще
бьются дикие козлы.
Вспоминать об этом проще,
чем развязывать узлы.
Потому что отболело,
поослабло,
как назло;
потому что наше дело —
все-таки не ремесло.

И такое может случиться,
только ты не прекословь:
тридцать ей,

тебе семнадцать, —
слишком чистая любовь.
Но по воле —
так совпало —
из компании хмельной
уведет ее бывалый,
крепкотелый,
озорной.

И за ними не угнаться, —
вдрызг — бахилы,
ноги — в кровь...
Тридцать мне,
тебе семнадцать,
так что ты не прекословь.
Ибо случай этот — редкий
но и не из ряда вон.
А к геологоразведке
навсегда приписан он.

ЭЙ, НА БАРЖЕ!

Какое море за бортом!

Вокруг луны белком яичным
сгустилась дымка.
На былом
я пойман за руку,
с поличным...

А было так:
под шорох льдин
над берегом
в хрустальной вазе
стоял октябрь.
Листва осин
держалась на энтузиазме.

Клонила катер на волне
стихии ласковая сила.
Клонило женщину ко мне,
меня к плечу ее клонило.

Эй, на барже!

Туман в душе
рассеялся, —
я поумнею,
но старой накипи уже
не выбрать ложкою моею.
Она горчит, как молочай.

За тридцать мне —
еще мечтаю.

А на барже согрели чай,
уху сварили из минтая.
Сейчас по мискам разольют
а кое-что — и по стаканам.

Над палубою,
как салют,
проглянут звезды...

Я не стану
искать убежища у той,
люблю которую безбольно.
За тридцать мне.
Исход простой:
поговорили — и довольно.
И хватит с нас
того, что мы —
среди поющего народа,
что грусть не требует ухода,
а ищет выхода из тьмы.

* * *

Сибирь.
Скуластые откосы
угрюмых рек.
Размах картин.
Тайга тайгою,
но березы
стройны, как ноги балерин,
и нет лишь музыки...

Халтурил
Транзистор чей-то у реки.
Наш провожатый брови хмурил.
Мы тоже не весельчаки.
А он лесничий.
Он — при деле,
понесшем явственный урон.

Не с нами ль чайки прилетели?

На нас плащи черней ворон.
Для нас и жизнь — стихотворенье.
Однако
думалось легко
о том, что это вот мгновенье
уйдет под воду, как Садко,
и не вернется,

что увенчан
обычным днем привычный труд
Но будет море
там, где нынче
жарки беспечные цветут.

* * *

Мимолетным дождик был.
Но уже — светлей и проще,
будто Чехов посетил
перед нами эту рощу.
И, как взгляд из-под стекла,
засветилась в капле каждой
мысль, которая могла
и ко мне прийти однажды,
и к тебе.

А сколько нас?

Эта узенькая тропка
для беседы — в самый раз:
можно прямо и негромко
говорить о нелюбви,
вопрошать о необиде.

В этой роще воробы
Обитают в чистом виде:
ловят мошек,
гнезда вьют
и высиживают деток.

Получается уют
для таких, как мы.
А где-то
тот же дождик голубой
подступает к той же цели,
оставляя за собой
голубые акварели.

ИДУ ПО ФЕСКО

ПУТЕВЫЕ ЗАМЕТКИ

23 ноября 1974 года Владивосток принимал прибывших сюда для переговоров Генерального секретаря ЦК КПСС Л. И. Брежнева и Президента Соединенных Штатов Америки Дж. Форда. Итоги этой встречи на высшем уровне одобрила вся прогрессивная мировая общественность. Все яснее вырисовываются перспективы дальнейшего улучшения отношений между двумя странами.

В эти дни у причала Владивостокского порта на пассажирском лайнере «Приамурье» проводилась пресс-конференция начальника Дальневосточного ордена Ленина морского пароходства В. П. Бянкина. Начальник пароходства говорил, что моряки-дальневосточники вносили и готовы внести свой достойный вклад в развитие советско-американских отношений.

Сейчас мореплавание между нашими странами осуществляется в соответствии с соглашением, подписанным в Вашингтоне осенью 1972 года. Как известно, этот документ, наряду с другими межправительственными соглашениями, явился итогом переговоров на высшем уровне во время визита в Москву президента США. В прошлом году наши суда заходили в 24 американских порта. В январе 1973 года открылась регулярная линия Ленинград — восточное побережье США (Нью-Йорк, Филадельфия), действует также линия Ленинград — Новый Орлеан — порты Центральной Америки.

Соглашение закрепляет право участия судов одной стороны в перевозках грузов между портами другой стороны и третьими странами. Осенью 1972 года была открыта линия контейнерных перевозок между портами США, Японии и Гонконгом, обслуживаемая дальневосточными морями. Еще одна линия ФЕСКО — ПАСИФИК-СТРЕИТС открылась в 1974 году, соединяя порты Малайзии, Индонезию, Сингапур, Таиланд, Филиппины с портами Калифорнии и Канады.

С работой всех этих линий мне представилась счастливая возможность познакомиться, когда я совершал рейсы на судах Дальневосточного пароходства. О людях, с которыми я плавал, об их работе и жизни, о встречах за рубежом рассказывают эти заметки.

ЗДРАВСТВУЙ, МОРЕ!

Толстые капроновые канаты притянули двадцатидвухтысячетонную тушу теплохода «Ованес Туманян» к нефтяному пирсу Находкинского торгового порта. Полтора десятка междудонных танков уже заполнилось, приняв целый железнодорожный состав топлива. Тринадцать тысяч лошадей, впряженные в восьми цилиндрах главного дизеля, тянут по океану стальную машину со скоростью двадцать узлов, поглощая при этом до сорока тонн топлива каждые сутки.

На судне предотходная суэта. Баскет-большого роста парень — вахтенный штурман Юрий Воробьев — показывает мне каюту и тотчас уходит, простучав тяжелыми ботинками по трапам, — некогда. В каюте капитана передача дел: прежний руководитель экипажа не может выйти в рейс по семейным обстоятельствам, новый — сухощавый молодой еще человек с белесым ежиком волос и узким лицом — только что отозван из отпуска, чтобы подменить товарища. Того, кто уходит, я знаю еще по учебе в Высшем инженерно-морском училище Владивостока. Новый капитан — Владимир Иосифович Глушак — выпускник того же училища, кажется, 1957 года.

Забегая вперед скажу, что весь командный состав нашего судна, исключая радиоспециалистов, — птенцы одного и того же «гнезда»: со дня своего основания в военном 1944 году владивостокская «Вышка», как называют училище его воспитанники, насытила специалистами многие суда, заводы, порты, береговые учреждения.

Впрочем, выпускников ДВВИМУ можно встретить и на должностях, не имеющих прямого отношения к флоту. Среди них — партийные, советские, профсоюзные и комсомольские работники, руководители крупных строительных трестов, совхозов, золотодобывающих предприятий и даже литераторы. Подавляющее большинство инженеров с дипломами Высшей мореходки не разочаровывали товарищей по работе, куда бы ни забросила их переменчивая человеческая судьба.

Ясное и холодное декабрьское утро застает нас на рейде залива Америка. Сизый морозный туман стелется над прозрачно-синей водой, оседая изморосью на бортах судов, стоящих на якоре. Голубоватыми пирамидами Хеопса возвышаются над вод-

ным простором пики Клыкова, или, как их зовут здесь, сопки Брат, Сестра и Племянник, они — словно богатырская застава, загораживающая туманам и морским ветрам проход в плодородную Партизанскую долину. Над Братом с утра клубятся коричневые дымки — строители рвут сопку, добывая известняк. По крутым склонам, съедая густую растительность, растекаются серые мертвые осыпи.

Окончены последние формальности, судно готово к выходу в дальний рейс.

— Вира якорь!

Глухо постукивает барабан электрического брашпиля, мокро блестя, звено за звеном выходит из глубины якорь-цепь. Задрожал корпус — машине дали ход. Судно, медленно разворачиваясь, движется на выход из залива. Проплывают мимо современные лесные причалы на мысе Астафьева; приветственно задрали хоботы контейнерные перегружатели на недавно выстроенном терминале, вытянувшись в струнку; провожает нас торчащим у самой воды последний маячок; избегают по бурой лощине вверх, словно стараются рассмотреть подальше море, серебристые баки нефтебазы. В синей воде залива зыбко отражаются белые облачка и летящие навстречу судну чайки, голубоватая дымка окутывает удаляющиеся сопки и разбросанный по берегу залива город.

Ближе к выходу из залива порывистый ветер заполоскал красным флагом; судно подхватила свободная, не стесненная берегами морская волна. Впереди расстилась бескрайняя холмистая равнина моря и клубящееся облаками небо. Рейс начался.

КУРС — НА ЮГ

Впервые я шел этим путем в начале февраля 1943 года. Во Владивостоке в тот военный год стояла необычно суровая зима — залив Золотой Рог промерз почти до самого выхода, загороженного противолодочными бонами. Теплоход «Владимир Маяковский» отправился в рейс в пасмурный день, море встретило зыбью и снегопадом. Помню, я до темноты убирал снег с палубы, а он все валил и валил, и не было видно конца этой безнадежной работе.

А на следующее утро палуба сияла, словно умытая: солнце нагрело брезенты на трюмах с нарисованными на них советскими государственными флагами на случай, если судно будет обнаружено японским самолетом. На борту, также написаны краской огромные флаги и буквы: «СССР».

По случаю теплой солнечной погоды боцман дал мне ведро с разведенной каустической содой и кусок ветоши, приказав хорошенько помыть надстройку. Я всюду трудился на спардеке, когда почувствовал, что машина остановилась, судно шло только по инерции. К нам приближался

серый узкий эсминец, на корме у него развевался флаг Страны восходящего солнца. Носовые орудия были наставлены жерлами в нашу сторону.

Японцы спустили шлюпку, и вскоре офицер и несколько матросов императорского флота бесцеремонно вскарабкались по штурмтрапу на борт нашего теплохода. Они заставили капитана раскрыть трюма и разочарованно зафыркали, убедившись, что идем в балласте, то есть без груза... Наш теплоход пошел дальше. Обогнув японские острова, мы взяли курс на север, и в это время радист принял «SOS» с торпедированного парохода «Ильмень», который вышел из Владивостока несколькими часами позже нас. К счастью, большинству членов экипажа удалось спастись; при взрыве погибли шестеро, остальные высадились на шлюпку и были подобраны следующим за ними советским пароходом.

Почти одновременно с «Ильменью» японские милитаристы торпедировали пароход «Кола». Это случилось 17 февраля 1943 года. Между прочим перед тем как пустить торпеду в безоружный корабль, японцы также останавливали его и подвергали тщательной проверке. В живых от всего экипажа осталось лишь четверо...

Во Владивостоке, на Ленинской улице, над бухтой Золотой Рог висит Памятник морякам советского торгового флота. На площади перед ним — бронзовые плиты с названиями потопленных судов и именами погибших членов экипажей. Велики были жертвы, принесенные советским народом в войне против фашизма, и никогда не сотрутся из памяти подвиги тех, кому не суждено было дожить до светлых дней Победы.

...Лаг отсчитывает мили — и блестящая ниточка ртuti в термометре на мостике тянется вверх, в зону тепла. За первые сутки температурный столбик, показывавший в Находке минус двенадцать, поднялся до нуля и еще на восемь делений, а через двое суток, когда мы пересекли тропик Рака и вошли в Филиппинское море, ниточка дотянулась до отметки двадцать пять градусов. Матросы на палубе сменили брюки на шорты и телогрейки на безрукавки, море залоснилось и заголубело, день раздвинул границы, а рассветы и закаты укоротились, почти не отделяя дня от ночи.

Исчезли чайки, добросовестно эскортировавшие нас в северных широтах, и как-то сразу опустела бескрайняя ширь. Только иногда вспорхнет из буруна под форштевнем стайка летающих рыбок, блеснут глянцево-сизые, как у майского жука, спинки, по-стрекозиному замельтешат длинные, прозрачные плавники — и канут в воду. А то покажется на самой поверхности пятнисто-желтая, плоская, суженная к голове и хвосту ядовитая морская змея; извилисто распластавшись на волне, дождетсЯ, пока

подхватят ее струи от проходящего судна, и вдруг, упруго вильнув, уйдет в темную глубину.

Для тридцати пяти моряков, составляющих экипаж «Ованеса Туманяна», экзотика не предмет романтических восторгов, а прежде всего рабочая обстановка. О ней не принято говорить. Каждый занят своим и одновременно общим делом.

В 1974 году теплоход уже совершил один рейс по только что открытой линии, связавшей порты Юго-Восточной Азии и Соединенных Штатов Америки. Сейчас вышли из Находки с шестью тысячами тонн канадской муки для республики Шри Ланка. После выгрузки в Коломбо предстоит взять груз в Кланге, Пенанге, Сингапуре, Бангкоке и доставить его в Калифорнию. Эта простая задача содержит в себе множество условий, и от того, насколько успешно справится с ними команда, зависит успех рейса.

Восемь утра. На палубе появляется озабоченный боцман Юрий Гаврилович Панин, широкогрудый сорокалетний человек, в белом чепчике, покрывающем густые волосы, в безрукавке, шортах и сандалиях. Он торопится на полубак — традиционную «стартовую площадку» палубной команды, где хранятся всевозможные краски и кисти, нейлоновые концы и стальные скобы, талрепа и брезенты, пневматические турбинки для обивки ржавчины и густая черная мазь — тировка, предохраняющая металлические тросы от ржавчины, комплекты обычной и тропической робы для матросов и полиэтиленовая пленка для укрытия груза — одним словом, все то, без чего невозможно поддерживать порядок в обширном боцманском хозяйстве.

А что такое морской порядок и почему без него не обойтись на судне, боцману известно давно, и не только из учебников. 15-летним мальчишкой с двумя друзьями-ровесниками приехал он из волжской деревни в Евпаторийскую мореходную школу. При поступлении был конкурс: шесть человек на место. Все трое сдали экзамены, а на комиссии прошел один Юрка. Почему предпочли его двум другим? Сегодня ответить трудно: вроде бы сдал не лучше и с виду был не крепче... Может, учли, что вырос без отца: погиб батька еще на Финском фронте, а может, понравилось, что на вопрос, почему поступает в мореходку, а не в другое ремесленное училище, не стал говорить про романтику, а прямо признался, что в училище кормят и одевают, потому мамка и посоветовала туда.

Закончил Гаврилыч мореходку и с тех пор, вот уже четверть века, плавает на дальневосточных судах. Всякое повидал за это время. Много хороших боцманов в парходстве, а Панин в нынешнем году признан лучшим, награжден Почетной грамотой Верховного Совета РСФСР.

Солнце уже высоко. Палуба высохла от ночной сырости и нагрелась, излучая тепло и запахи ржавчины, тут и там проступающей сквозь старую краску. Знает боц-

ман: во влажном и жарком тропическом воздухе быстро идут в наступление ржавые пятна. Оглянуться не успеешь, как проест окалина насквозь толстую листовую сталь. Надо перехватить ее в самом зародыше: соскрести и зачистить турбинной, скребками, стальными щетками до блестящего металла, покрыть суриком и краской. Полтора метра длины у парохода — что твое футбольное поле, — и каждый квадратный сантиметр нуждается в неослабленном внимании и уходе. Кроме того, впереди выгрузка в иностранном порту, а это значит, надо проверить весь такелаж, сменить где надо оттяжки грузовых стрел, шкентеля лебедок, проверить блоки и стальные тросы. И все быстро. Срочно!

Хорошо это сказать: срочно! — да не просто сделать. Было время — руководил боцман на палубе целой командой матросов, а теперь их у него в подчинении — раз, два и обчелся. Вот они, его товарищи — первый плотник Ростислав Опанасенко, сухощавый жилистый человек, тридцати пяти лет, из которых едва ли не половину он провел на море; за ним матросы: плотный, медлительный Валентин Зайцев и невысокий, сухощавый, остриженный для дальнего рейса под «нолевку» Саша Кузьмин. Ребята неплохие, но опыта морского пока маловато, то и дело приходится подсказывать, а это замедляет работу. Хорошо, что по решению администрации отпущают теперь на палубу вахтенного матроса: при швартовках на руле стоит первый помощник, а в рейсе — автоматический гирурулевой.

Щекинский метод... Бухгалтера и плановики в парходстве давно уже высчитали, насколько увеличивается производительность труда в каждом сокращенном экипаже, точно подытожили сумму экономии по парходству. Ничего не скажешь: прогрессивный метод, не обойтись без него в век технической революции. Но... не раз приходится задуматься боцману, как обеспечить то же количество работ на палубе уменьшенным составом.

В машине — тоже свои проблемы. На первый взгляд, все здесь в полном порядке: огромный дизель исправно стучит, приводя во вращение гребной вал, на конце которого закреплен трехлопастной винт высотой в добрый двухэтажный дом; вращаясь до ста пятнадцати оборотов в минуту, этот «пропеллер» толкает вперед стальную машину весом в десяток грузовых тяжеловесных составов. Вспомогательные механизмы и устройства обеспечивают не только работу главного двигателя, гб и подачу тепла и холода, электроэнергий, пара и воды для всего судна.

Но кто знает, как долго будет ровно гудеть дизель-динамо, кто заглянул внутрь действующего вспомогательного котла, чтобы поручиться за его бесперебойную работу? Насколько надежны все эти насосы и трубопроводы, вентили и цистерны, подшипники и соединения?

Это известно лишь тому, кто привык разбираться в работе машин не только по учебникам, диаграммам и наставлениям, но и по личному рабочему опыту, кто выстрадал многочисленные и совершенно неизбежные при эксплуатации техники случаи задержек, неисправностей, поломок и аварий и, устраняя их, на практике познал до тонкостей устройство и взаимодействие частей двигателей, систем и механизмов, эксплуатируемых на флоте.

Таким человеком на судне должен быть (и, как правило, бывает) «дед» — так издавна называют на флоте старших механиков, подчеркивая их особую умудренность опытом и знаниями.

Система подготовки и аттестации специалистов на морском флоте исключает проникновение на высокую, уважаемую должность «деда» недостаточно компетентного, неумелого или неуверенного человека. Сюда невозможно «устроиться» по звонку или «блату». Даже доктора технических наук, специализировавшегося по данным машинам, не допустят к ним без так называемого «рабочего диплома», получить который можно, лишь имея в кармане диплом об окончании специального учебного заведения и удостоверения о том, что тобой пройден весь положенный путь от моториста до старшего механика и сданы соответствующие аттестационные экзамены.

Так же невозможно получить рабочий диплом капитана дальнего плавания, не проплавав определенное время матросом, четвертым, третьим, вторым и старшим помощником. Мудрая, надо сказать, система, и не мешало бы ее употребить в некоторых других областях хозяйственной и даже культурной жизни!

Именно такой подход к подготовке руководящих кадров флота обеспечивает их безусловную компетентность. В иностранных флотах высоко ценят уровень теоретической и профессиональной подготовки наших моряков. И уж если завершать разговор о «дедах», то стоит сказать, что Дальневосточное пароходство гордится такими стармехами, как Иван Иванович Кужельный, Борис Константинович Кудакowski, Павел Романович Сидоркин, Иван Демьянович Литвиненко, Иван Тарасович Ляхов, Виталий Витальевич Змеу, Виктор Михайлович Харин, Иннокентий Сергеевич Копылов...

Виктору Алексеевичу Михайлову — «деду» «Ованеса Туманяна» — тридцать шесть лет. Типичное русское лицо уроженца Костромской области. В густых русых волосах — ни сединки. Как и все командиры судна, он закончил ДВВМУ, судоремонтный факультет, работал в конструкторском бюро, затем — в дизельном цехе Дальза-

— Народ у нас в машине подобрался толковый, — говорит стармех. — Все три механика — Василий Воробьев, Владимир Варов и Валентин Милотин — инженеры. Десять—пятнадцать лет назад такое было

роскошью на флоте. Большинство рядовых членов машинной команды — передовики производства, ударники коммунистического труда. Самые надежные из них — ветераны флота. Гайдар Кулюшин, который имеет смежную специальность газосварщика, Леонид Карпович Бородин, человек, которому можно поручить любую работу. Молодежь — тоже ребята надежные. Юрий Кузнецов и Саша Хомутов, к примеру, учатся заочно в среднем мореходном училище, работают с охотой, с выдумкой, у Саши Назарова — уже есть диплом об окончании мореходки — он фактически механик, хотя и работает пока мотористом. Два Валерия — Осипенко и Бордуков — вполне соответствуют требованиям, предъявляемым к мотористам первого класса, а два Олега — Логинов и Аминов — работают не только электриками, но еще выходят на швартовку, как матросы... Без таких специалистов незачем и разговаривать о работе по щекинскому методу, — заключает «дед» с ворчливыми интонациями, характерными для большинства старших механиков, когда разговор идет о нуждах производства.

И дело тут не в особом характере «деда», а в условиях, в которых им приходится трудиться. Розовые очки и нарочитая бодрость не для механика. Он, прежде всего, должен быть реалистом, а реальность заключается не только в том, что наш флот обладает превосходными кадрами и передовой техникой, но также и в том, что ни наше, ни большинство других судов пароходства, работающих по щекинскому методу, с трех-четырёхлетним сроком эксплуатации, не обеспечены пока в достаточной мере снабжением запасными частями и технической помощью со стороны береговых предприятий.

Виктор Алексеевич говорит о том, что, выходя в рейс, он не получил от службы материально-технического обеспечения некоторых запасных частей. Теперь их приходится покупать за границей, где предприниматели могут доставить любую запасную часть, даже если придется привезти ее с другого полушария планеты, но зато и берут за это хорошие денюжки. К примеру, маленькое реле для электрической лебедки, красная цена которому во Владивостоке пять — шесть рублей, обошлась нам в Канаде семьдесят долларов, набивка для дейдвуда «съела» триста пятьдесят долларов, а всего за два рейса истрачено на покупку запчастей свыше трех тысяч.

Впрочем, и «дед», и его механики, и капитан с помощниками хорошо знают, что явятся или не явятся на помощь команде ремонтные бригады во Владивостоке или Находке, поставит или не поставит служба материально-технического снабжения запасные части — в любом случае главный двигатель, вспомогательные машины и устройства, палубное хозяйство будут в порядке, теплоход будет идти так долго и с такой скоростью, как это требуется для выполнения плана.

...Солнце забралось в зенит и палит нещадно. На корме у бассейна, заполненного прозрачной зеленоватой водой, нагретой солнцем до тридцати градусов, появляются токарь Саша Хомутов и моторист Валерий Бордуков. Они только что из машинного отделения, где температура поднялась до сорока с лишним градусов. Торопливо сбрасывают замасленную робу и, оставшись в одних плавках, ныряют в трехметровую глубину стальной ванны. Погружаются до самого дна, выложенного кафельными плитками, и солнце, проходя сквозь толщу воды, играет бликами на мускулистых телах. Ребята плавают кругами, отталкиваясь от стенок, затевают игру, потом одновременно выныривают, шумно фыркая, и капли воды сверкают на веселых молодых лицах. Невысокий электрик Олег Аминов приносит к бассейну двухпудовку.

— Эй, кто хочет подражаться?

Олег председатель добровольного спортивного общества «Водник» на судне, сам он осенью защищал честь пароходства на зональных комплексных соревнованиях на Сахалине. Тогда команда дальневосточников заняла первое место.

Время — около двенадцати. Тень от стоящего на крыле мостика вахтенного штурмана Алексея Алексеевича, саженного роста тридцатидвухлетнего человека, уместается у него под ногами. Выпускник Иркутского лесотехнического техникума Алексей был призван на службу в морские части и так впервые попал на Тихий океан. Демобилизовавшись, не вернулся на Байкал, а поступил в ДВВМУ. Вечерами работал в порту швартовщиком. В прошлом году получил диплом инженера-судоводителя. По возрасту он ровесник старшему помощнику, но желаемого добился: лучше прийти к своему призванию позже, чем всю жизнь жалеть о несбывшихся мечтах!

Сменившись ровно в двенадцать, Алексей набрасывает на бумажке данные для информации о рейсе. В штурманской рубке склонился над картой капитан Владимир Иосифович Глушак. Рейс по американской линии — первый в его недолгой капитанской практике. До этого он четыре года командовал теплоходом «Механик Рыбачук»¹, возил грузы в порты Северного Вьетнама — южнее не спускался. Когда ему предложили подменить капитана другого судна, согласился без колебаний: привлекла перспектива пройти незнакомыми курсами, познакомиться с новыми условиями плавания. Зато и забот теперь у него, пожалуй, больше чем у остальных членов экипажа. Каждый моряк на судне отвечает за свой участок работы — капи-

тан ответствен за каждого в отдельности и за всех сразу. И, кроме всего, за свою репутацию молодого командира, судоводителя.

Десятки книг, руководств, таблиц и другой литературы, имеющей непосредственное отношение к новым условиям плавания, предстоит изучить ему в рейсе. Ошибаться капитану нельзя, а дорога впереди — ох, как длинна!

— Не страшно, Владимир Иосифович? — спросил я его. — Все-таки в первый раз.

— Когда-то надо же это пройти...

Так, наверное, рассуждал и его дед, Яков Глушак, бедняк с Черниговщины, собравшись однажды переехать с Украины на российские дальневосточные земли. Целым кланом отправились: вместе с Яковом ехали одиннадцать его братьев. Шутка сказать — сняться с мест, где жили предки и отправиться в неизвестные края! Но смелость города берет! Глушаки вместе с другими переселенцами благополучно прошли на пароходе путь по морям и океанам, изведав и тропическую жару, и ледяные штормы. Расселились по Приморью, распахали целину, построили дома, нарожали детей... В годы гражданской войны воевали в рядах Красной Армии и в партизанах, отстаивая родную землю от интервентов и белогвардейцев.

Володя Глушак вырос в одном из сел хлебоборной Приханкайской долины. По всем статьям и традициям — быть бы ему хлебобобом, сельским учителем или агрономом. Но нет, видно, от деда Якова перешла беспокойная тяга к неизведанным землям и странствиям, ушел после десятилетки в морской вуз, выучился на инженера-судоводителя; много забот у капитана, черствым бывает иногда хлеб судоводителя... Но кто сказал, что интересно жить без борьбы?

Сверив курс и местоположение судна на карте, капитан выходит на крыло мостика. Блестит голубая пустыня. Жаром пышет нагретая палуба. Мерно стучит дизель. Белые усы пены расходятся от форштевня. Идем на юг.

На шестые сутки плавания температура поднялась до тридцати градусов. Идем Южно-Китайским морем. До экватора — рукой подать, каких-нибудь три сотни миль. Слева — остров Большая Натуна. Тот самый, где спасались моряки с «Перекопа».

Мы вышли из Находки 4 декабря 1974 года — а он, пароход «Перекоп», из Владивостока 3 декабря 1941 года. Ровно 33 года тому назад. К тому месту, где мы сейчас находимся, пароход подошел на семь суток позже: скорости были не те. 18 декабря, когда «Перекоп» находился примерно там, где мчится сейчас наш теплоход, его атаковали японские самолеты. Четыре бомбы попало в пароход. Судно стало тонуть. Экипаж высаживался на

¹ «Механик Рыбачук» назван по имени электромеханика Дальневосточного пароходства, погибшего в мае 1967 года в порту Ханой на теплоходе «Туркестан», обстрелянном американскими летчиками.

шлюпки, а японские летчики расстреливали наших моряков из пулеметов...

Оставшиеся в живых добрались до острова Большая Натуна. Для израненных моряков «Перекопа» остров стал ненадежным и неприветливым убежищем. Экипаж страдал от голода и болезней, отсутствия бинтов и медикаментов — голландские же власти, деморализованные временными успехами японцев, мало помогли советским морякам. Потом остров оккупировали японцы, и наши моряки оказались в их власти. Немало мук претерпели моряки, прежде чем вернулись на Родину.

Полдень. Вахтенный помощник Алексеев, как обычно, включает микрофон трансляции, и по всем помещениям теплохода разносится его голос.

— Товарищи, наш теплоход находится в Южно-Китайском море. Мы проходим по тому месту, где тридцать три года тому назад был потоплен японскими милитаристами наш пароход «Перекоп» под командованием капитана Демидова. Мужественно держались наши моряки, но не всем им было суждено вернуться в родной Владивосток. Почтим же, товарищи, их память... — Штурман нажимает рукоятку, и далеко по океану разносится протяжный гудок.

МИР ПОД ЗВЕЗДАМИ

Добела раскаленное тропическое солнце к вечеру остывает и, приближаясь к горизонту, набирается красноты, словно пьет порозовевшую воду океана. Негустые облака принимают гаснущее светило и становятся прозрачно-палевыми, а небо над ними наливается синью.

Солнце быстро тонет, и море начинает темнеть. Последним усилием пронзают горизонт алые прожектора, украсив блекнущие тучки светло-желтыми ободками, и вдруг гаснут, уступая надвигающейся мгле.

На мачтах и крыльях мостика зажигаются желтые, красный и зеленый огни, и слышно, как шуршит вода, обтекая борта: будто сама ночь тихонько вздыхает, накрывая океан.

Показались огни встречного судна. Они быстро приближаются — и вот слева, совсем близко, бесшумно, как призрак, скользнул огромный, густо-черный на фоне темного-синего неба теплоход с огнями в иллюминаторах надстройки, с белым валиком пены, стремительно расходящимся от скошенного форштевня.

— Японец. Наверное, автомобилевоз, — произносит капитан. — Домой возвращается.

— И шпарит узлов по двадцать пять, не меньше, — откликается из темноты вахтенный штурман.

Мы стоим на мостике, подставив лица теплему влажному ветру. На небе высипали звезды — яркие и пугающе незнакомые. Вот ведь, кажется, не изучал у себя дома расположения созвездий, а сразу ви-

дишь: здесь они не те, совсем не те, что у нас. Привык на Севере, глянув на ночное небо, видеть знакомый ковш Большой Медведицы. Здесь же взгляд беспомощно шарит по небосклону — и нет их, семи родных звездочек, да и остальных не узнать: совсем-совсем чужое небо!

— Наших звезд здесь тоже немало, только они сместились, и надо уметь их найти, — говорит капитан. — Посмотрите-ка вперед, чуть правее фок-мачты.

Внимательно ощупываю морским биноклем россыпи звезд. Да, вот они: чуть красноватая, «рыженькая», как говорит капитан, а подальше — две голубеньких и между ними — спиралевидный молочный мазок, совсем крохотный по сравнению с близлежащими созвездиями.

— Это туманность Андромеды. Не наша, другая галактика...

Не наша галактика! Всего-навсего один мазок на небосклоне, а за ним — несметные миллионы миров, быть может, цивилизаций. Прижимаю к глазам окуляры — и, холодея сердцем, проваливаюсь в бесконечность — непостижимую и все же привлекательную.

За кормой посветлело — взшел молодой месяц. И лунный след за кормой — как длинная дорога из вечности. Почти пять столетий прошло с того дня, как, прокладывая курс по звездам, отправился в неведомые дали Христофор Колумб. Один лишь трюм нашего теплохода смог бы вместить десяток его каравелл. У нас множество приборов, помогающих благополучно довести корабль до цели. Одни из них автоматически измеряют глубины, другие — скорость хода, третьи — видят в темноте, измеряют температуру воды и скорость течений, давление атмосферы и скорость ветра, удерживают судно на заданном курсе... Приборов столько, что их хватило бы, чтобы загрузить трюма «Санта Марии» или «Ниньи».

Но осталось то общее, неизменное, что роднит моряков всех времен — любовь к неизведанному, преданность морю и уважение к звездам.

Тихо на мостике. Капитан зашел в рубку и приник к раструбу локатора. Вахтенный штурман склонился над рабочей картой. Матрос в шортах и босоножках мерно прохаживается по крылу мостика.

А на алмазных россыпях неба появилась еще одна яркая звездочка. Внезапно возникнув из тьмы, она движется, плывет по небосклону, словно осматривает по-хозяйски планету и наводит порядки в космических владениях.

Утром радио доносит с Родины весть, что в космос запущен очередной корабль. Значит, это он плыл над окутанным ночью океаном. Один среди мириад звезд, но не подавленный, а еще более яркий по соседству с ними!

Я не знаком с космическими капитанами так близко, как с моряками, но знаю: они тоже из породы людей, влюбленных в звезды!

НА «ЗЕМЛЕ
БЛАГОСЛОВЕННОЙ»

«В сиреновой дымке завиделись вдали белые здания Коломбо, главного города Цейлона. В жарком блеске утреннего солнца, игравшего на тихих волнах, нам навстречу мчался катерок с развевающимся русским флагом. Он причалил к замедлившему ход нашему пароходу. На трап вскочил на ходу загорелый мужчина с темной бородой лет сорока пяти и поднялся на палубу. Его с радушием и почетом встретил весь высший командный наш состав...»

Так описывает в своем очерке Викентий Вересаев встречу с русским купцом Чеховым¹, генеральным консулом России на Цейлоне и владельцем чайных и кофейных плантаций. Сын ночного сторожа Чохов был когда-то мальчиком в услужении в известной московской чайной фирме братьев К. и С. Поповых. Он обратил на себя внимание умом и энергией, быстро выдвинулся. Братьям Поповым первым пришла в голову мысль начать торговать цейлонским чаем, они послали на остров своего агента, а с ним — шестнадцатилетнего Чохова. В течение года мальчишка из России прекрасно освоился с делом, выучился английскому, китайскому и сингалезскому языкам. Фирма отозвала агента и все дело поручила Чохову. Через несколько лет его переманила к себе чайная фирма братьев Высоцких. А позднее Чохов открыл собственное дело...

Будущий известный русский писатель Викентий Вересаев служил в то время судовым врачом на пароходе Добровольного флота², совершавшем рейсы между Одессой и Владивостоком³. Вересаев добавляет, что через десять лет после их встречи Чохов покончил с собой: увлекся биржевой игрой и совершенно разорился.

«Был он так богат — зачем ему нужна была игра? Должно быть, искал в ней того же, чего тщетно искал в черных табуретках и золотых буддах».

История Чохова вспомнилась мне, когда декабрьским утром 1974 года впереди нашего судна, на границе неправдоподобно голубого и густо-синего, как в цветном кинофильме, неба проявилась бледно-фиолетовая полоска. По мере продвижения судна она обретала очертания и изменяла цвет, превратившись наконец в холмистый, обильно покрытый зеленью берег.

— Шри Ланка, — сказал вахтенный матрос Павел Челядин.

— Остров Шри Ланка, — подтвердил третий штурман Алексеев. — Ну-ка, сбегай на корму, узнай, как там дела с флагом.

На корме, растянув на досках кусок брезента, моторист Саша Назаров вдохновенно пишет масляными красками флаг республики Шри Ланка.

Обогнув остров с юга, мы к вечеру приближаемся к порту Коломбо и бросаем якорь на рейде. На следующее утро — швартовка. Темнокожий лоцман, в белой безрукавке и широких шортах, взбегает по трапу на мостик. Грохочет брашпиль. С полдюжины длинных рыбацких пирог с высокими загнутыми носами покачиваются на штилевой воде; смуглые жилистые люди гребут короткими веслами или тянут из воды сети; один оглянувшись, помахал приветливо проходящему судну с красным флагом на корме; маленькие острокрылые чайки, совсем непохожие на своих породных северных сородичей, с писком пикируют на собственные отражения в голубом зеркале воды.

Минуя мол, построенный в восемнадцатом веке как форт, теплоход входит в обширную искусственную гавань, где, прислонившись к бетонным причалам, млеют десятки судов. Вода в гавани бурлит от поднятого винтом ила. Чайки остаются за молотом, в порту хозяйничают галки — худые и удивительно проворные. Город-порт разворачивается перед нами во всем своем экзотическом великолепии. Изишные буддийские храмы и пагоды соседствуют здесь с тяжелыми европейскими зданиями-крепостями XVII и XVIII веков; пальмовые рощи подступают к пляжам, и цветущие магнолии источают аромат, заглушающий запах бензиновой гари.

Мы швартуемся у элеватора, построенного семь лет назад с помощью Советского Союза. На бетонных плитах причала многочисленные разноцветные автографы судов, побывавших здесь до нас — своего рода международные морские ведомости, по которым моряк может узнать, кто и когда побывал до него в порту. Самая крупная надпись сделана совсем недавно: «МЭЙК ЛАВ, НОТ ВОР» — ЛЮБИТЕ, А НЕ ВОЮЙТЕ...

С десятков обнаженных до пояса людей в длинных, до щиколоток, юбках-саронгах стоят в тени склада, ожидая подхода судна. Это швартовщики и докеры: наш теплоход принес им не только муку, но и возможность заработать. Несколько человек, сидя на причале, таскают удочками из воды мелкую и плоскую, как листья осины, рыбешку. С бака и кормы на причал летят выброски, расторопные швартовщики вытаскивают толстые мокрые канаты.

Итак, мы у твоего причала, Коломбо! Уже отправляясь в рейс из Находки, я никак не мог поверить, что побываю наконец в стране, которая казалась мне заманчивой и недостижимой. И вот она — перед глазами, раскрытая как интересная книга, которую предстоит прочитать. Согласно известной легенде, именно здесь располагает-

¹ В. Вересаев. Собр. соч., т. 4. М., «Правда», 1961.

² Общество Добровольного флота было учреждено в мае 1879 года.

³ Первый рейс из Одессы во Владивосток в феврале — апреле 1880 года совершил пароход «Москва» с грузом продовольственных и промышленных товаров более 60 тысяч пудов (1000 тонн).

лось райское местечко, в котором господь бог поселил Адама и Еву. Узкая коса называется Адамов мост, а горная вершина, видимая в хорошую погоду с рейда Коломбо, носит название Пик Адама.

Независимо от библейской мифологии, выгодно расположенный на морских путях в Индийском океане, «Остров вечного лета» с давних пор привлекал к себе алчное внимание колонизаторов. В XVI—XVII веках хозяевами положения были португальцы, затем пришли голландцы и, наконец, в конце XVIII века на остров наложил тяжелую лапу британский лев. Господство чужеземцев на столетия замедлило развитие страны, превращенной в поставщика сырья и сверхдешевой рабочей силы. Только после второй мировой войны, в 1948 году, образовалось государство Цейлон, а в 1972 году — республика Шри Ланка.

Шри Ланка — аграрная страна. Плантации чая, каучука и кокосовых пальм занимают больше половины обрабатываемых земель и дают около девяноста процентов экспортной выручки. Шри Ланка производит свыше трети чая, поступающего на мировой рынок...

Менее чем за месяц перед нашим уходом в рейс в Москве побывала с официальным визитом премьер-министр республики Шри Ланка Сиримаво Р. Д. Бандаранаике, вдова убитого реакционерами в 1959 году премьер-министра Соломона Бандаранаике. На переговорах в Кремле было подписано совместное советско-ланкийское коммюнике, отметившее совпадение взглядов сторон по многим актуальным международным проблемам и положительное влияние происходящей в настоящее время разрядки международной напряженности на положение в Азии. Итоги визита широко комментировались в ланкийской печати, отмечавшей, что он связан с дальнейшим углублением и расширением отношений между Советским Союзом и Шри Ланкой.

Доброжелательное внимание ланкийцев к советским морякам чувствуется с первых минут пребывания в порту. Даже прибывшие на борт таможенники и иммиграционные власти действуют без обычных, присущих людям этой профессии проволочек и скоро завершают необходимые формальности. Команда получает разрешение сойти на берег, хотя никто не торопится: рассчитывают простоять в Коломбо не менее полумесяца.

Тем временем бригады «лэйборз» — так называют здесь докеры, уже приступили К делу. Стройные, по большей части хорошо сложенные молодые люди в набедренных повязках или плавках работают под палящим солнцем на причале и в трюмах теплохода споро и даже весело. Аккуратные стропы поднимаются из трюма на причал, здесь мешки перебрасывают в кузова стареньких грузовиков, один за другим подходящих к борту.

— Сейчас лебедками научились выгружать, а бывало, все вручную приходи-

лось, — сказал наблюдавший за работой боцман.

— Вы раньше бывали здесь? — спросил я с любопытством.

— В 1956 году, на «Шатурстрое». Брали мы угольный бункер, стояли вон там, у центра, — Юрий Гаврилович показал рукой в сторону башни форта. — Они нас так и забункеровали мешками.

— Весь бункер — вручную?

— В том-то и дело. Построили широкий трап, встали вот так, один за другим — и давай подавать друг другу мешки. А кто замедлит темп — тут как тут надсмотрщик. У него бич ременной, как вытянет поперек спины — аж кровь брызнет!

— Не может быть! — сказал подошедший матрос Зайцев. — До крови? А он что, грузчик?

— Что он сделает?

— А вы?

— Нам нельзя вмешиваться — чужое государство...

— Это ж надо — и совсем недавно! — Матрос почесал затылок.

— А ты не знал, что ли?

— Да так вроде и читал, и знал. Но ведь все далеко было...

И, действительно, только здесь, под жарким солнцем Шри Ланки, глядя на ее людей, понимаешь коренные перемены в жизни народа.

— Если они и дальше будут работать такими темпами, то простоим не больше недели, — удовлетворенно замечает в кают-компании капитан.

Захватив после обеда фотоаппарат и блокнот, спускаюсь по парадному трапу на горячий причал. В проходной полицейский приветливо прикладывает два пальца к загнутым полям ковбойской шляпы.

— Вел кам, рашен!

Поражает, что в любой стране нашего брата, русского, определяют без всяких распросов. Вот и сейчас — только что полицейский, дотошно проверяя документы у группы греческих моряков, заставил их заполнить декларации на выносимые фотоаппараты, а на мой пропуск даже не взглянул, красноречивым жестом указав на проход: «Аут!» Между прочим такое же доверие к русским замечали мы и в Японии, и в Америке, и в Сингапуре: власти уверены, что наши парни не занимаются контрабандой, торговлей наркотиками и прочим незаконным промыслом, которого вообще-то не чужды некоторые моряки иностранных судов.

У ворот порта начинается незнакомый мне мир, и куда полезнее пройтись пешком, не торопясь.

Небольшие, в два—три этажа каменные дома, построенные, видимо, в начале века. Окна у них защищены от солнца частыми жалюзи. Вдоль улицы, покрытой мягким от жары асфальтом, тянутся ряды небогатых лавок. Тротуары заполнены полуголыми и совсем голенькими, в зависимости от возраста, ребятишками; в тени навесов и деревьев жуют бетель или ку-

рят едкие сигареты взрослые. Но улице, держась левой стороны, проносятся изредка мотоциклы и автомобили.

И везде зелень — пышная, вольная, могучая, рвущаяся из каждого незаасфальтированного, неутрамбованного и нераспыленного цивилизацией клочка земли. Кокосовые пальмы возносят свои остролистые Кроны к белесому небу; между ними распустились магнолии — высокие раскидистые деревья с глянцево-зелеными листьями и множеством крупных молочно-белых, розовых или фиолетовых цветов.

Сворачиваю в переулок, ведущий к берегу рыбацкой гавани. Теплые волны набегают на песчаный пляж, где стоят долбленные из дерева или сшитые из досок, без единого железного гвоздя, пироги. Старик в глубоко надвинутой черной шляпе, седобородый, в расстегнутой безрукавке и клетчатой набедренной повязке чинит развешенную на кольях сеть.

Десток чумазых мальчишек играют на берегу. Задумчиво опустив голову, идет мимо них старый священник в черной рясе и с черным зонтиком.

— Падре, падре! — кричат ему мальчишки, но он не обращает внимания.

Завидев меня, мальчишки бегут навстречу.

— Рупи?..

Достаю из кармана случайно захваченную горсть конфет — ребяташки расхватывают ее во мгновение ока, после чего старший улыбается, глядя мне в глаза.

— Рупи?

Старик сердито кричит ему что-то по-сингалезски — и дети разбегаются, оставив меня одного.

— Ни к чему приучать их попрошайничать, — замечает старик на хорошем английском языке, продолжая работать и не глядя в мою сторону. — С парохода? — спрашивает он.

— Только что пришли из России.

— Москву?

— Владивосток.

— Никогда не был... А вообще прошел весь мир вдоль и поперек за шестьдесят лет, как покинул родину... — Негромко, словно бы и не для меня, рассказывает рыбак, что в восемнадцать лет поступил юнгой на английский пароход. Был матросом, коком, стюардом... Скопил немного денег, — поселился в Дарвине, в Австралии, купил в рассрочку дом, женился. Жил не так уж и плохо, вырастил двух сыновей, но всю жизнь видел во сне вот эти берега. Жена умерла два года назад, и он оставил все, приехал сюда.

— А дети?

— Дети — австралийцы. — Старик запутал нитку и с сердцем рванул ее, но порвать не смог. Тогда он вытащил из чехла большой нож.

— Довольны вы, что возвратились? — решил я задать вопрос.

Он сунул нож в чехол и взглянул на меня сумрачно из-под седых бровей.

— Незачем было уезжать в чужие края.

Поздно мы понимаем это. А теперь хорошо ли, нет ли — умру здесь. Здесь и похоронят. Гуд бай, рашен. — И пошел по берегу к поселку — седобородый и мрачный, в низко надвинутой шляпе.

Суперкарго Стойнволл — сухошавый смуглый человек, сорока трех лет, с тонкими запястьями и интеллигентным лицом — зарабатывает шестьсот рупий в месяц. Он отец восьми детей, пять из которых учатся, и только поездки их в школу на автобусе стоят семьдесят пять рупий в месяц. Квартира из трех комнат и кухни обходится сто рупий, фунт мяса — четыре пятьдесят, а масла — девять. За дешевые ботинки надо заплатить сорок — пятьдесят рупий, брюки — сто двадцать, рубашка — пятьдесят...

Он рассказывает с утомленной улыбкой повидавшего жизнь человека:

— Мы с женой едва сводим концы с концами, а парни, которые бросают мешки в трюме и на причале, получают в два раза меньше. Преступные хозяева основательно обобрали нашу страну, и теперь народу не так-то легко наладить экономику.

Стойнволл не единственный, с кем я вел разговоры о жизни, и примечательно, что, говоря о трудностях, ланкийцы понимают необходимость объединенных жертв и усилий для становления экономики своей страны.

Несколько дней, проведенных в столице Шри Ланки, помогли едва увидеть, что аскетизм во всем, что касается личных нужд и самоотверженность, трудолюбие при исполнении гражданского долга не пустые понятия для большинства ланкийцев. Древний город, освободившийся от иноземного владычества, медленно, но верно набирает силы, растет и хорошеет.

...Лейборз обработали наше судно не за полмесяца, как мы полагали вначале, а за пять дней. Пришло время расставаться с гостеприимной землей Шри Ланки. Теплоход отдал концы, и мускулистые докеры махали нам с причала:

— Аюбован¹, русски!

И далеко еще виднелась крупная надпись на бетонной стенке: «Мэйк лав, нот вор».

Аюбован, Коломбо, до свидания. Успеха тебе и мира твоему народу!

В СТРАНЕ ЗОЛОТЫХ ПАГОД

Ранним утром 27 декабря отдаем якорь у бара реки Менам-Чао-Прая — «Госпожи-кормилицы», как зовет ее народ Таиланда. В трех—четыре кабельтовых от нас будто задремал посреди желтовато-голубого простора лагуны другой теплоход ФЕСКО — «Махтумкули», однотипный нашему. Он идет чуть раньше нас по ли-

¹ А ю б о в а н — до свидания.

нии, соединяющей порты Юго-Восточной Азии и Северной Америки.

В одиннадцать к спущенному парадному трапу прислоняется на мгновение лоцманский катерок, высадив ширококостного смуглого человека в полувоенной форме хаки, с раздраженным лицом. Вытянув антенну из японского транзистора, он роняет несколько приказаний старшине катера, а затем поворачивается к капитану.

— Вира якорь!

«Махтумкули» снимается с якоря первым, мы следуем ему в кильватер. Вошли в широкое устье главной реки Таиланда, пересекающей всю страну. Слева и справа мангровые заросли. Удивительные эти деревья хорошо приспособились к болотистой местности.

Долина реки — плодородная житница страны, чье хозяйство до последнего времени базируется на земледелии. На берегах густые леса — здесь растут фикусы, камфорное и хинное дерево, тик и манго, саговая пальма и железное дерево. В заводи и озерах сохранился лотос, корни и семена которого тайландцы употребляют в пищу, гиацинт — цветы его растут и на рисовых полях, занимающих до восьми миллионов гектаров. Таиланд — третий в мире производитель и экспортер натурального каучука (после Малайзии и Индонезии), возделываются также соя, кукуруза, сахарный тростник, джут. Благоприятный климат тропиков и разнообразный ландшафт создали не только самую богатую в мире по количеству видов флору, но и разнообразную фауну.

Теплоход идет против течения, и за каждым поворотом предстают все новые картины. За темно-зеленой стеной мангровых деревьев виднеются острые золоченые пики буддийских храмов, снежно-белые или розоватые крыши пагод, украшенные изумительной ажурной резьбой. Все, кто свободен от вахт и работы, стоят сейчас, глядя на раскрывающиеся пейзажи незнакомой страны.

...Река постепенно оживает. Стрелой проносятся узкие лодки руа-ханган, приводимые в движение руль-мотором. Буксир тянет вереницу перегруженных барж с цилиндрическими крышами. На полной скорости обходят нас сторожевой корабль и за ним несколько катеров. Матросы одеты в белую парадную форму, контрастирующую с темным цветом их кожи. Должно быть, возвращаются из похода.

Вдоль берега, в заливах и протоках встречаются крохотные деревушки на сваях. Хижинны крыты пальмовыми листьями; по улицам-каналам снуют веселые и моторные лодки всех типов.

Желтоватый цвет реки постепенно приобретает кофейный оттенок. Город близко. На берегу, справа от нас, крупный цементный завод с высокими полосатыми трубами, выбрасывающими в чистое небо клубы дыма, через реку протянулась современная по конструкции линия высоковольтных передач.

А вот и город — «Азиатская Венеция», как прозвали Бангкок за многочисленные каналы, служащие средством сообщения так же исправно, как и построенные в последнее время автомобильные дороги. К судну на ходу пришвартовывается таможенный катер, высадившиеся из него чиновники успевают до швартовки произвести необходимый досмотр и оформление документов. Отношение официальных властей к советским морякам — вполне лояльное, намного лучше того, что я наблюдал пять лет назад. Видимо, и в этом сказывается политика нового правительства, сформированного после изгнания кабинета Таномара.

Становимся к причалу напротив управления порта. И вдруг, словно привет из Владивостока, улыбается нам надпись на деревянном бруске причала: «Меридиан». Это же наш пароход, тот самый, на котором проходило практику большинство курсантов Владивостокского морского вуза. Здравствуй, старинный друг, далеко же от Родины получили мы твой привет!

Скоро у каюты помполита появляется первая группа принаряженных для выхода в город моряков. Наши парни и девушки, увольняясь в город, одеваются, как правило, аккуратнее моряков капиталистического флота. И происходит это не от особых финансовых возможностей, а от традиций, восходящих, пожалуй, к чудо-матросам петровских времен, с которых крепко спрашивали за форму и внешний вид.

Бангкок празднует рождение. Приближаются (или уже наступили) и буддистские празднества: храмы и пагоды сияют золотым убранством, тысячи верующих несут своим богам цветы, подарки. В стране с тридцатисемимиллионным населением верующие содержат около двадцати тысяч монастырей. Только в Бангкоке свыше четырехсот храмов. В Таиланде — свыше 380 тысяч монахов. Каждый десятый бат из национального дохода правительство отчисляет на нужды строительства и ремонта монастырей, содержание бритоголовых парней в красных тогах, решивших отдать силу своих мышц и энергию разума не созиданию, а самоусовершенствованию и отрешенности в духе великого Будды.

...Мы побывали в храме Жемчужного Будды, где, кроме главного исполина, восседавшего в полутьме помещения, куда пройти можно лишь разутым и предпочтительно на коленях, мы видели целую галерею будд, собранных в этот музей со всех концов Азиатского материка. Одна из статуй изображала худого, как скелет, человека с запавшими глазами. Подпись гласила, что Будда самонистязанием и голодом довел себя до такого вида, познав муки просветления. Был там Будда, успокаивающий океан, и Будда, призывающий людей жить в вечном мире. По-видимому, эта часть учения да еще провозглашенное буддизмом равенство всех людей привлекает к нему чаяния многих страждущих людей, в то время как призыв к социальной пас-

сивности, отрешенности от конкретных исторических ситуаций оказался приемлемым для господствующих классов.

В этот день мы побывали и на обширной территории королевского дворца. За умеренную — в десять бат — плату прошли во двор, образованный ансамблем великолепных зданий, каждое из которых достойно представляет художественный гений создавшего их народа.

Но и десять батов — непосильная плата для мальчика Сисивата, которого я встретил за воротами дворца. Мальчишка продает газеты «Бангкок пост» и кормит семью — мать и двух сестренек, которые живут в непосредственной близости от дворца.

— Я еще не был во дворце, — признается он мне, вручая газету за пять бат. — Но когда скоплю денег — обязательно побываю.

Мы уходим из Бангкока, узнав, что народ Таи не желает больше мириться с курсом тех, кто хочет милитаризации страны, подчинения ее военным блокам, что он жаждет и активно добивается полной независимости своего древнего государства.

ПОД ПАЛЬМАМИ МАЛАЙЗИИ

Когда часы во Владивостоке пробили двенадцать и жители Приморья подняли бокалы за наступление нового 1975 года, на «Ованесе Туманяне» был 21 час местного времени, и он мчался со скоростью двадцати узлов по Сингапурскому проливу. Тем не менее в столовой команды, украшенной по этому случаю ватными гиляндами и нарисованным во всю переборку Дедом Морозом, тоже раздался звон бокалов... простите, стаканов, наполненных тропической «Гымзой», выделенной для этого случая четвертым штурманом Васей Рыжковым, исполняющим у нас также обязанности хозяйственного помощника. В переднем углу стояла крошечная искусственная елочка, и игрушки на ее ветвях тихонько позванивали в такт вибрации корпуса.

Как водится на судах, вечер открыл председатель судового комитета боцман Юрий Панин, одетый в белую безрукавку, побритый, с сияющим гляncем загорелых тугих скул. Выступили первый и старший помощники капитана, зачитали новогодний приказ, в котором отмечалось, что моряки пришли к празднику, с честью оправдав звание экипажа высокой культуры производства. В приказе объявлялись благодарности передовикам и выражалась уверенность, что Новый год, завершающий год девятой пятилетки, будет годом новых больших успехов.

Все дружно похлопали, а потом растянул меха аккордеона Эдуард Баннов — и начались танцы. И королевами вечера были три наши женщины — дневальная Люба Марченкова, пекарь Женя Медведь и буфетчица Надежда Куличенко.

Все было так же, как на дружеской вечеринке во Владивостоке, только перекуривать выходили не на мороз, а в тридцатиградусное тепло ночи.

А через день в туманное тихое утро теплоход бросил якорь на рейде пролива Северный Кланг против острова Кланг, где строится крупнейший порт Малайзии и куда суда нашего ФЕСКО ходят регулярно за грузом каучука, красного дерева или оловянной руды. У причалов стояли суда с голландским, польским, норвежским флагами, на контейнерном терминале выгружался американский контейнеровоз.

В полдень к борту подошел катер агентской фирмы, и уволенные в город уселись под тентом в тесном кубрике. Температура в тени достигала 38 градусов по Цельсию. Катер мчался против течения, и по обоим бортам тянулись низкие, заросшие зеленью берега.

Через полчаса подъехали к деревянной пристани. Перепрыгивая через лодки и катера, выбрались на пристань, таможенный чиновник, не глядя, подмахнул поданную декларацию: «Можете идти...»

На судно возвращаемся уже ночью. Снова моросит дождь, и погрузка малайского каучука прервана. Трюмы судна и баржи у борта надежно укрыты. Докеры — все как один сухощавые, жилистые люди в майках, редко рубашках, в сандалиях и шортах, спят в коридорах, подстелив поверх линолеума газеты.

ЖАРКОЕ СОЛНЦЕ ПЕНАНГА

В Кланге мы приняли на борт триста тонн каучука и около полусотни кубометров драгоценного тика, после чего теплоход взял курс на Пенанг — второй по величине грузооборота порт Малайзии. Расположенный на острове Пенанг в Малаккском проливе этот город, насчитывающий сегодня восемьдесят тысяч жителей, был основан в 1786 году захватившим остров английским адмиралом Фрэнсисом Лейтом, чья высокомерная фигура в бронзе высится и сейчас перед входом в городской музей. Как память о «доброй старой Англии», огнем и мечом расширявшей свои заморские владения, стоят на берегу Малаккского пролива полуразрушенные бастионы Корнуэллского форта.

Наш теплоход пришвартовался на другой стороне северного прохода, сообщение через который поддерживается десятком быстроходных и вместительных паромов. Чуть в стороне от паромных путей покачивается на воде приметный буй, известный жителям города под именем Русский. Представитель агентирующей фирмы сказал, что буй установлен на месте гибели русского военного корабля в первой мировой войне.

Тут же кто-то из нас вспомнил, что несколько лет тому назад один из дальне-

восточных теплоходов¹ доставил из Владивостока в Пенанг необычный груз — гранитные заготовки для памятника русским морякам. Но никто из нас не слышал, установлен ли памятник, посещают ли могилы русские моряки и туристы.

— В ближайшие дни надо организовать машину для поездки туда, — сказал капитан.

Однако отыскать машину и знающего шофера оказалось не так-то легко, так что в первое увольнение мы отправились для обычного знакомства с городом.

Как это часто случается, отправляясь в рейс посредине зимы, мало кто из нас прилично экипировал себя для тропиков. У меня, в частности, не оказалось ни темных очков, ни головного убора, и, отойдя от судна каких-нибудь сто—двести метров, я понял, что так далеко не протяну. Кое-как добрались до парома, здесь я купил в киоске газету и, пока происходила посадка, сложил чепчик себе и Паше. Надежда Васильевна — наша буфетчица — сказала, что обойдется: как всякая русская женщина, она была терпеливее и выносливее нашего брата — мужика.

Паром пристал к берегу, и мы вновь вышли на солнце в своих пестрых (газета была с цветными иллюстрациями) чепчиках. Я стал замечать, что на нас оглядываются, кто с нескрываемым удивлением, кто улыбаясь. Шофер такси весело подмигнул:

— Гуд хэт, а?²

— А чо, хэт вполне нормальная, — сказал Паша и, сняв свой чепчик, придирчиво осмотрел его и надел снова. — У нас во Владивостоке в жару полгорода так ходит.

Шофер по-русски не понимал, он только улыбался, получив свои два доллара и высадив нас в центре бывшего Джорджтауна (так во времена колониальной системы назывался этот город).

На центральных улицах тесно от автомобилей, но между ними находят свою дорогу рикши. Одни из них бегут, ухватившись за длинные рукоятки коляски, другие приспособили «двигатель» в одну велосипедную силу, толкая перед собой повозку с двумя, а то и тремя пассажирами. Нижние этажи большинства зданий заняты в центре магазинами, барами, парикмахерскими и лавками всех рангов. Торговля идет и на тротуарах. Кругом краснеют зазывающие покупателей надписи «Сэйл» — распродажа; товаров больше, чем покупателей, денег у покупателей меньше, чем товаров — и идет состязание купли-продажи. Со всех сторон кричит реклама: покупайте. Покупайте, ради бога! И стоит зайти в магазин или остановиться у выставленного на улице прилавка, как продавец уже спешит к тебе.

Наши газетные чепчики пользуются популярностью. Один продавец, парнишка лет

семнадцати, все цокал языком, а потом насмелился, попросил у меня чепчик. Размер оказался неподходящим, и я тут же на прилавке смастерил ему, какой требуется. Когда мы возвращались обратно, мальчишка окликнул меня.

— Сэр, ваша шляпа, возьмите.

Я глазам не поверил: что за чудо — он возвращал мне подарок, а сам шеголял точно в таком же чепчике! И двое парней за соседними прилавками были в газетных шапочках. И девчонка, продававшая материал, носила русский чепчик. А под рукой у мальчишки лежало с десятком готовых шапочек разного калибра и расцветки, и, разговаривая со мной, он тонкими смуглыми пальцами с непостижимой быстротой сворачивал очередной головной убор.

— Зачем тебе столько? — спросил я, уже догадываясь об ответе.

— Мач сан — мач хэт, много солнца — много шапок, — засмеялся он. — Гуд бизнес!

Автомобиль с опытным шофером агентская фирма нам все-таки организовала. Старина Ахмед, так звали шофера, был мусульманин, во время войны служил на военном корабле радистом, потом двадцать лет работал таможенником и хорошо знал русских моряков. Как свои пять пальцев знал он также город и места, которые стоит показать гостям. Вот только на кладбище поехал не сразу.

— Посмотрим Лежащего Будду...

Мы побывали в великолепном парке, где обезьяны подбегают к автомобилям, выпрашивая сладости, а потом приехали к знаменитому Храму змей, выстроенному у подножия горы, на опушке джунглей. Пройдя сквозь строй наседающих продавцов сувениров и самозванных гидов, мы поднялись по каменным ступеням в полутемное помещение храма, где к нам подошел парень и первым делом показал на вывешенное у входа предупреждение: «Посетители храма, желающие дотронуться до змей, могут делать это на личный страх и риск».

— А где же змеи? — спросил я парня.

— Они кругом вас.

Я оглянулся и увидел их. Десятки разнообразных гадюк дремали, удобно расположившись на полках, сосудах, обвивая перекладки, вытянувшись на полу, так что посетитель должен был переступить через них, чтобы войти в глубь храма.

— Это святые змеи, они сами приползают в храм из джунглей и сами уползают, когда приходит время.

— Они ядовитые?

— Укус этой зеленой убивает за три минуты, — с гордостью показал гид на змею у моих ног. — Но сейчас она спит, — успокоил он меня. — Им нравится аромат...

Благоухание курильниц в самом деле было одурманивающее приятным, но нам почему-то не захотелось больше оставаться в этом помещении.

— О'кей, — с готовностью сказал па-

¹ Теплоход «Дальнереченск».

² Хорошая шляпа? (англ.).

рень и провел нас в другую комнату, где также было много змей. — Эти совсем не опасные, если желаете, можно с ними сфотографироваться, — и он показал нам несколько снимков, где туристы были обвешаны святыми пресмыкающимися. Мы переглянулись.

— Наверное, не будем, — сказал капитан.

— Тогда распишитесь вот здесь, — парень протянул книгу, оказавшуюся регистрацией пожертвований на нужды змеиного царства. Делать нечего, — оставив змеям доллар и еще один доллар за услуги нашему гиду, мы поспешили к машине.

— Теперь, Ахмед, самое время поехать на кладбище.

Но Ахмед сказал, что лучше поехать в музей.

Вздохнув, капитан сказал по-английски:

— Наверное, придется заказывать такси.

Ахмед, разумеется, расслышал. Беспokoйно заворочавшись на сиденье, он круто повернул руль и съехал с главной дороги. Мы сделали вид, что ничего не заметили, а когда машина остановилась у ограды кладбища, несказанно удивились.

— Дорогой Ахмед, так ты привез нас сюда?

— Я привез, но вы ничего здесь не найдете.

Кладбище было старым и содержалось в образцовом порядке. Ряды могил разделены по признакам вероисповедования. Здесь католики, там протестанты, дальше христиане.

— Разойдемся по одному и будем искать в разных местах, — предложил первый помощник.

Мы обошли все кладбище, а могилы русских моряков так и не нашли. К капитану подошел молодой смотритель кладбища и, спросив, что мы ищем, повел прямо к нужному месту. Под большим раскидистым деревом на краю кладбища стоял отлитый из чугуна крест и около него плита с надписью:

«В память моряков русского крейсера «Жемчуг», отдавших свои жизни в бою под Пенангом 28 октября 1914 года». А дальше были фамилии погребенных:

Лейтенант Черепков,

матросы: Гредасов,

Олейников,

Сиротов,

Чунихин,

Екашкин,

Брагов,

Конев,

Шенкин и др.

У входа на кладбище отыскивали мы и нераспакованные ящики с материалами для памятника русским морякам. Позже мы узнали, что установка мемориала задерживается из-за каких-то формальностей. Оставив на могиле букет цветов и почтив память земляков минутой молчания, мы поблагодарили смотрителя и Ахмеда. Во-

дитель наш повеселел, и мы поняли, что не хотел он везти нас единственно из-за того, что не смог бы показать места погребения.

Мы уходили из Пенанга утром седьмого января. Блестел под экваториальным солнцем северный проход, и слева по борту покачивался на гладких волнах Русский буй. Поравнявшись с ним, теплоход дал продолжительный гудок. Раскатистые звуки понеслись над проливом, над городом и долетели до плоскогорья, где под раскидистым деревом спят вечным сном русские парни.

НА ПЕРЕКРЕСТКЕ МОРСКИХ ДОРОГ

Трижды в этом рейсе проходили мы мимо Сингапура: первый раз, когда шли в Шри Ланка, затем — оттуда в Бангкок, из Бангкока — в Кланг, и вот наконец идем туда из Пенанга, чтобы взять имеющийся для нас груз.

Полный штиль. Солнце сияет на ясном небе. Плывут мимо горбатенькие зеленые островки с маяками на них, идут встречные суда; путь пересекают флотилии рыбацких джонок. Да, судоводителю в таком месте не до отдыха!

— Владимир Иосифович, обратите внимание на воду, — говорит стоящий на крыле штурман Алексеев.

— Давно вижу. Кто-то опять разлился.

Обычно прозрачная, вода в проливе открыта радужными полосами растекающейся нефти. Впереди, чуть справа по курсу, темнеет странно накренившийся корпус танкера.

— Вот вам и разгадка, — показывает капитан. — Тут только зазевайся.

— Неужели не видел, там же банка!

— Здесь легко ошибиться, — бесстрастно роняет капитан, словно вступаясь за того командира.

Мы подошли ближе к танкеру и увидели, что пострадавшее судно принадлежит к немногочисленному, но уже печально рекомендовавшему себя семейству «мамонтов», или супертанкеров. На носу прочли надпись «Шова-мару». Около гиганта крутились казавшиеся малышками танкера по тридцать — сорок тысяч тонн водоизмещением и несколько вспомогательных судов, посланных, вероятно, для ликвидации последствий аварии. Японским властям и владельцам танкера пришлось платить компенсацию за загрязнение вод, исчисленную десятками миллионов долларов.

На горизонте белеют небоскребы Сингапура. Пять лет назад, когда я впервые побывал здесь, высотные дома можно было перечесть на пальцах одной руки — теперь их десятки. Становимся на западный рейд, где, кроме нас, бросило якорь десятка полтора судов. Здесь нам предстоит взять полторы тысячи тонн каучука на порты Калифорнии, приготовленного для нас агентской фирмой. Грузиться будем с

деревянных барж, швартующихся по обоим бортам судна.

Сингапурский порт велик, в последние годы построено много новых причалов, но их все равно не хватает для непрерывно увеличивающегося потока грузов. Специальность Сингапура — реэкспортная торговля. Расположенный на выгодном перекрестке морских путей, порт принимает и отправляет свыше сорока тысяч судов ежегодно. Более ста регулярных линий (в том числе и наша ФЕСКО) связывает его со всеми континентами и многими странами мира. Это пятый в мире порт по грузообороту и первый — по торговле каучуком и оловом.

Дальневосточные моряки и рыбаки — постоянные гости в этом городе у экватора, и у нас на судне кое-кто говорит, что знает Сингапур не хуже, чем Находку или Провидение.

В деловом центре, на улице Сесил-стрит, в огромном современном здании Дальневосточного банка находится контора советско-сингапурского пароходного агентства СОСИАК-ЛАЙН. Созданное на акционерных началах совместно с сингапурскими деловыми людьми агентство обслуживает советские торговые суда, заходящие в порт. Управляют агентством по очереди советский или сингапурский генеральные директоры, доходы делятся пополам между обоими сторонами.

Сюда мы направились с капитаном, который хотел уточнить перспективы загрузки судна на американские порты.

— Ваш заход на Филиппины не состоится, — сообщил нам один из директоров агентства Борис Алексеевич Нестеров.

— Досадно, что придется идти через океан с неполным грузом, — заметил капитан.

— Что же делать? Линия только-только начала работу, в дальнейшем все наладится.

Возразить на это нечего: наше судно шло, как известно, маршрутом, установленным несколько месяцев назад, и местные деловые круги еще не «привыкли» к появившемуся на горизонте новому перевозчику. К тому же на объеме перевозок сказывается и разразившийся в капиталистическом мире экономический кризис.

ЗДРАВСТВУЙ, ТИХИЙ!

Покидаем Сингапур. Предполагавшийся заход на Филиппины не состоится. Впереди почти 8200 миль пути через самое широкое место Тихого океана (путь из Владивостоку в США по северной дуге — почти в два раза короче!). Досадно идти с недогрузом, но линия в стадии становления.

В том, что она рано или поздно завоюет признание, в пароходстве нет сомнений. На других линиях ФЕСКО дальневосточники уже доказали, что они способны обеспечить своевременную и качественную пере-

возку любых грузов. Наша фрахтовая политика отличается стабильностью, она не зависит от давления капиталистических монополий.

Между прочим пароходство открыло новую линию в дни, когда 27 судоходных капиталистических компаний, объединенных в Дальневосточную конференцию по морским перевозкам (ФЕФК), объявили о повышении фрахтовых ставок. Понятно, что грузоотправителям не понравилось произвольное решение монополистов. Состоялось специальное совещание советов грузоотправителей государств Юго-Восточной Азии, куда входят Индонезия, Малайзия, Таиланд, Сингапур и Филиппины, которое при поддержке своих правительств опротестовало это решение.

Выход из создавшегося положения деловые люди этого района ищут на путях все более решительного отхода от «традиционных» закабаляющих связей. Филиппинские власти приняли решение об использовании для перевозок советских судов. Малайзия также намерена шире использовать суда, не входящие в конференцию.

Южно-Китайское море ласково покачивает теплоход. Солнце, штиль — погода курортная. Невольно думаешь о том, как хорошо бы увеличить число туристических рейсов «из зимы в лето», с недавнего времени практикующихся в Дальневосточном пароходстве. Как много людей захотело бы провести свой отпуск на солнечном юге! Сейчас каждое лето аэровокзалы Магадана, Чукотки, Хабаровска перегружены отпусниками-северянами и дальневосточниками, желающими отдохнуть на берегах Черного моря. А почему бы жителю Чукотки, Магадана, Хабаровска или Владивостока не взять отпуск среди зимы, когда, кстати, это наименее обременительно для производства, и сесть на пассажирский лайнер, чтобы через недельку оказаться в зоне вечного тепла?

Пройдя ночью узкий проливчик, из Южно-Китайского моря вошли во внутреннее море Сулу. Здесь тихо, как на таежном озере. Со всех сторон подступают высокие горы, покрытые дикими нетронутыми джунглями. Это Филиппинские острова. Слева — Минданас, дальше — Лусон: их имена не раз звучали, когда во время войны передавали последние известия о сражениях на Тихом океане.

В порту Замбоанга, мимо которого сейчас проходим, ошвартовано какое-то советское судно, крошечное на фоне высоких, закрывающих небо гор. Кто там на нем — дальневосточники? Черноморцы? Как приятно далеко-далеко от родной земли увидеть красную полоску с серпом и молотом на трубе судна!

Ночью проходим море Сулавеси. Капитан не сходит с мостика. Кругом неисследованные места, коралловые рифы, а судно мчится полным ходом. Если на такой скорости налететь на рифы — проскочишь

«посуху» далеко, оставив позади все днище...

В такие часы на мостике тихо. Мерцают в полной темноте экраны приборов, контрольные лампочки, молча переминается с ноги на ногу утомленный рулевой: автоматика отключена, он встал на пост, который в старое время не покидали и на секунду. Штурман не уходит с крыла мостика, до боли в глазах всматриваясь в бархатную тьму — не забелеет ли впереди черточка буруна, означающего отмель? Приборы приборами, а, бывало, благодаря бдительности вахтенного в последнюю секунду отворачивали суда и уходили от верной гибели. И капитан нервно ходит по мосту — то прильнет к экрану локатора, то зайдет в штурманскую, где разложена карта. Идут минуты, часы. Меняются вахтенные — все в порядке. Но — чем черт не шутит? Не спит капитан...

А утром, пройдя узкий пролив Сарангани, входим в Молуккское море. Скоро кончатся эти проливчики и заливчики, и можно будет вздохнуть свободно. Но пока острова — все начеку!

Долгий переход — серьезное испытание для экипажа, особенно для машинной команды. Топлива хватит. Об этом позаботились, плываая с начала рейса экономическими ходами, благо, погода в тропиках позволяла. Теперь важно, чтобы в машине все было в порядке. Производится точистка второго дизель-генератора. Проводят профилактику вспомогательному котлу. Бдительно несут вахты. Кажется, все в порядке. И вдруг звонок из машины: потек дейдвуд...

Дейдвудом называется специальная труба, через которую гребной вал проходит наружу в корме судна. Давление воды на глубине дейдвуда — около одной атмосферы. Это значит, на каждый квадратный сантиметр поверхности давит сила в один килограмм. Вообще говоря — не так и много. Но и не мало. Если под таким давлением хлынет вода — туннель гребного вала затопит моментально.

Машине дали стоп — двигатель замолк, и теплоход беспомощно закачался посреди океана.

«Дед» Виктор Алексеевич Михайлов, обычно спокойный, почти меланхоличный, мигом оказывается в туннеле гребного вала. Так и есть — вода струями бьет из щели между гребным валом и втулкой трубы.

— Выбило набивку, — говорит стармех. — Сюда бы сейчас тех ребят с судоремонтного.

Прошлой осенью теплоход стоял в Находкинском судоремонтном заводе. В числе прочих ремонтных работ, ему проточили облицовку гребного вала. Стали сдавать работу — оказалось, что биение вала — на пределе. Механики судна убеждали, что судно в рейс выпускать нельзя, заводские инженеры ссылались на ГОСТы,

согласно которым, предельная цифра не была превышена. Так как те и другие стремились побыстрее поставить судно в эксплуатацию, то в конце концов работа была принята. И вот наглядный результат. Биение вала разбило набивку, давление воды сумело вытолкнуть ее из гнезд — и вода начала проникать в жизненно важный центр теплохода.

Теперь все зависело от того, насколько квалифицированно решат механики возникшую проблему и как их решение будет исполнено мотористами. Многоопытный «дед» предложил поставить дополнительный сальник. За дело взялись Гарий Кулюшин, Леонид Карпович Бородин — мотористы, проплававшие на флоте по двадцать — двадцать пять лет, Саша Назаров и Валерий Осипенко.

Сама по себе идея предельно проста: если между валом и втулкой образовалась щель, надо на этот вал по окружности наложить сальник и прижать его так, чтобы щель закрылась. Но все дело в том, как исполнить эту идею, мысль превратить в конкретное дело. Ведь можно сделать так, что через несколько часов вода снова забьет фонтаном. А если к тому времени разыграется непогода?

Умение и старательность мотористов здесь решали все. Они отрезали необходимой длины набивку, обернули ее вокруг вала, зажали специально изготовленным для этой цели металлическим кольцом, а затем болтами прижали всю конструкцию к дейдвуду. Много было волнений, когда закручивали гайки. Правильно ли все сделано? Не разобьет ли гребной вал после запуска двигателей.

Но все обошлось благополучно. Двигатель заработал вначале на малых, затем на полных оборотах, — а вода больше не струилась.

— Это все временно, дай бог пройти до Лонг-Бича без шторма, там поставим что-нибудь снаружи, — сказал Виктор Алексеевич.

— Думайте, — сказал капитан. — Северным путем идти будет трудно.

Чуть ли не каждый вечер после этого старший механик и старший помощник обсуждали планы замены набивки дейдвуда. Вообще такая операция может быть сделана с помощью водолазов. Но заказывать водолазов в Америке — слишком дорогое удовольствие. Договорились, что в порту Лонг-Бич спустят плотик, с него при помощи хитроумных приспособлений будет произведена заводка дополнительного сальника.

Забегая вперед, скажу, что в порту Лонг-Бич американцы не разрешили производить подводных работ даже с плотика.

А временная набивка, поставленная Кулюшиным, Бородиным, Назаровым и Осипенко, выдержала весь путь до Америки, затем до Канады и переход через северную часть Тихого океана до самого дома!

О к о н ч а н и е с л е д у е т .



Николай ФОТЬЕВ

ВЕРХНИЕ УЛИЦЫ

ОЧЕРК

Есть села с одинаковыми названиями. Разница лишь в пояснительных добавлениях. На Амуре я, например, знаю три Полтавки: Верхнюю, Среднюю, Нижнюю.

Эти села-сестры, села-родичи и рождением своим, и именами обязаны переселенцам с Украины, с Полтавщины, которые обосновались тут еще в 1884 году.

Первые села, первые переселенцы... Всякий раз, когда мысленно прикасаешься к тем временам, воображение рисует бесконечные пространства России — Сибири, Забайкалья, Приамурья, — по которым верста за верстой на волах и лошадях, на плотах, дощаниках и паромах, ночуя в степи и в лесах, перенося нечеловеческие тяготы и лишения, кучками, в одиночку и как придется, продвигаются на восток те, кто заселил и вызвал к жизни далекую окраину великой российской державы. Полтавские, черниговские, тамбовские, таврические, астраханские, многие другие... На одну только дорогу уходили годы. Названия еще не родившихся сел тоже шли и ехали с переселенцами, как талисманы, как память об оставленной земле.

Если даже теперь, когда к услугам каждого столько быстрого и удобного транспорта, не всякий пустится в дорогу за тысячи километров, то какие же силы сгоняли тогдашних мужиков с родных мест, двигали их на край света целыми семьями, а то и деревнями? Непросветная нужда, поправное человеческое достоинство, извечная мечта по воле!

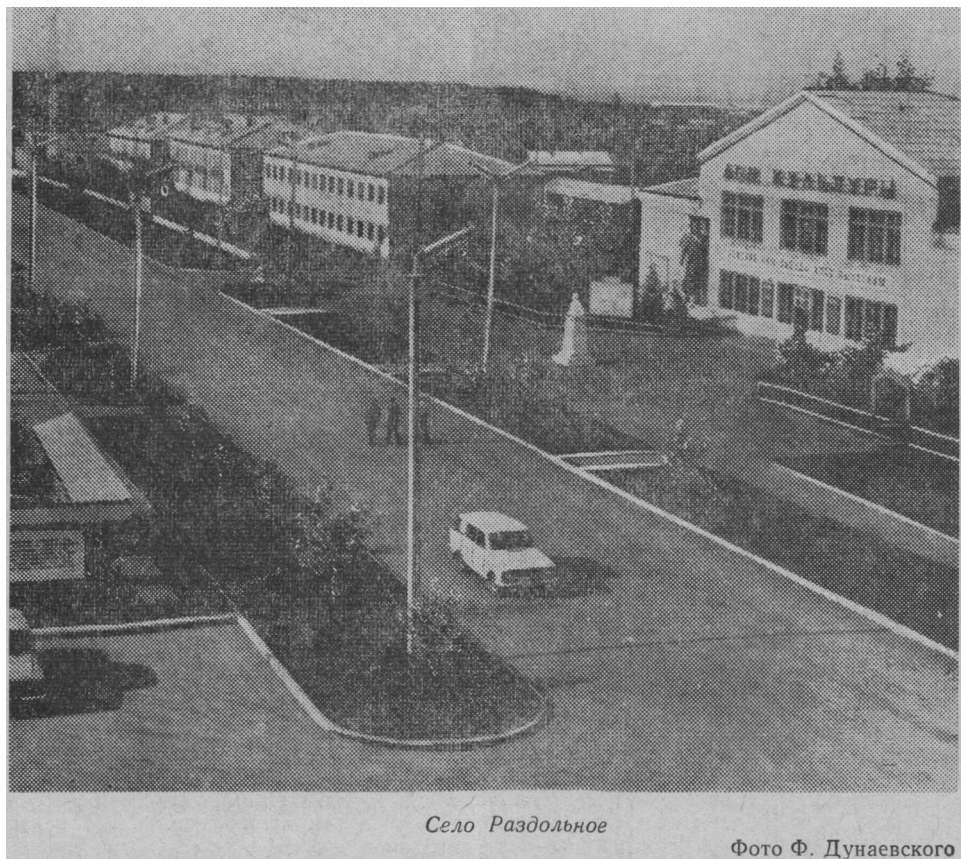
Полные отчаяния или казенно-бесстрастные документальные свидетельства, печатные строки или кисть художника, рисующие картины тогдашнего переселения, всегда будут вызывать в душе человеческой жгучую боль и сострадание... Унылый путь. Суровый пейзаж. Убогий, словно подстреленный возок, застрявший в необъятном безлюдье. На поднятые оглобли натянут ветхий полог, у которого сгрудились изможденные домочадцы, а в центре — полуприкрытый рядном, умирающий кормилец-надежда... В пути рождались, в пути умирали. И все-таки шли. И пришли. И

подняли, обжили нетронутые веками земли.

В поездках по области мне пришлось побывать почти во всех амурских селах, названия которых идут от первых переселенцев. Иные стоят на берегах рек, иные — в глубине степных угодий. Лет пятнадцать — двадцать назад в обличье этих сел сохранялось еще много старинного. Скажем, в степных селах, тяготеющих к распадкам и падам, главными, а то и единственными улицами были те, что тянулись где-нибудь по низу увалов, поближе к водопою, к выгону, к утиным да гусиным пастбищам, к местам, где легче рыть колodцы и поливать огороды. Выше по склонам и верхам отгороженные либо канавами, либо городьбой начинались пашни и сенокосы...

Во всех местах и во все времена по рекам шел строевой лес. Шел лес по Амуру и по Зее и, перегружаясь на крестьянские подводы, поставлялся в степные, хлебные места, чтобы стать там новыми избами и домами. И не диво, что и теперь почти во всех первоначально заселенных угодьях стоят еще крепкие пятистенки и крестовые дома, рубленные давным-давно. Век их определен крепкой, увесистой, как железо, амурской лиственницей да рифленным цинком, коим крыты они и обшиты по стенам снизу доверху. Потемневшие, почти окаменевшие от времени, иные полувросли в землю, но держатся еще прямо и, как в былые времена, несут на карнизах, ставнях, сенях и крылечках резные узоры из дерева. Правда, таких домов осталось уж немного. Отдающие цинковой голубизной, они обычно прячутся в старых-старых зарослях черемух, а тополя-патриархи, ровесники первых основателей сел, стерегут их подворья и фасады.

Первые и когда-то главные улицы... Рядом с ними, а чаще — над ними, вдоль тех же склонов тянутся теперь верхние, новые улицы. Главными тоже становятся новые улицы. И, право же, это напоминает чему-то старые и новые пласты самой деревенской жизни. Нижние — старые и верхние — теперешние.



Село Раздольное

Фото Ф. Дунаевского

Лучшие нынешние здания тоже на новых улицах. Школы, дома культуры, торговые и бытовые центры, производственные и прочие службы... И если когда-то многие села, обычно вытянутые в одну улицу, прятались меж увалами и открывались лишь в самой близости, то теперь, поскольку улицы и дома поднялись выше, они виднеются еще издали, белея кирпичными стенами, шифером крыш, маяча водонапорными башнями и отнюдь не тяготея к прежним уголкам.

Я думаю иногда: как они будут выглядеть в своем завершенном виде? Вот и в этот раз, в эту дорогу, я невольно вглядывался в новые дома и улицы, стараясь угадать будущее обличье амурских сел — городков.

Когда-то деревянные приземистые районные центры теперь уж столько подняли силикатных в несколько этажей строений, что их, может, справедливой было бы называть городками. Впрочем, они и должны быть солидней прочих окрестных. А меж тем и «рядовые» села не отстают, а то и опережают районные как по уровню современных построек на душу населения, так и в смысле планировки и архитектуры.

К селу Раздольное (центральная усадьба совхоза «Партизан») дороги подходят с разных сторон. Места под стать южно-

украинским, широко открытые, идеально ровные. Раздолье. И во всем том, как нарезаны дороги и поля, как заботливо устроены и ухожены просторные эти земли, в обилии скирд, полевых строений, во многом другом чувствуется умное, целенаправленное хозяйствование.

Мы к Раздольному подъезжали как бы с полудня, по гильчинской дороге. В заснеженном пространстве нескончаемо виднелись купола усевшихся стогов и скирд. А на подъезде к селу, на протяжении нескольких километров, такие же стога и скирды ровнехонько выстроились вдоль прямой дороги, как дома вдоль улицы. Сколько же их понаставлено!

Как всякий раз, когда оказываешься бессильным что-либо охватить-понять вот так сразу, я невольно испытывал перед этим делом рук хлеборобских что-то вроде чувства зависти, растерянности, малости своей или робости. Как сумели заставить землю народить столько?! И когда успели все это осилить? Невозможно оглядеть, сосчитать, взвесить. А между тем все это будет «пережевано» на фермах за одну зиму! Какое гигантское производство! А если добавить сюда ежегодные десятки тысяч тонн хлеба, добавить все, что умеют и успевают здесь от земли брать, добавить, что построено и строится?

Пусть много машин, пусть это сильные да умные машины, пусть найдены верные хлебоборбские способы и методы, а, в сущности, это лишь продолжение ума и рук человеческих. И нет предела на этом пути нет остановки.

И еще подумалось, вот о чем что бы и где бы ни строилось, что бы ни создавалось: города, плотины, каналы, заводы, дороги, космические корабли, — все это хоть и не обходится без хлеба, без энергии в нем заключенной, но по объективным причинам не связано так непосредственно с хлебным цехом, как связано само аграрное строительство. Все, что строится и создается в селах, подобно хлебному колосу, идет почти прямо от земли. Лучше обращение с землей — больше доходов, больше возможностей строиться, украшать и благоустроить эту самую землю, на которой живешь. Вот и эти белые строения в Раздольном, так неожиданно выросшие среди чистого степного простора...

Старые и новые. Нижние и верхние улицы. Я видел их во всех селах, по которым в этот раз пришлось проехать, в Ивановке, Тамбовке, Константиновке, Раздольном, Лермонтовке, в старинном амурском селе Гильчине, в Жариковке, Крестовоздвиженке, Ключах, Нижней Полтавке...

Не руководствуясь иными соображениями, кроме того, что в Нижней Полтавке на моей памяти začínался совхоз «Пограничный» и začínался как хозяйство целинное, я и решил побольше уделить внимания этому селу.

Нижняя Полтавка — одно из сел-сестер, о которых упоминалось вначале. Здесь тоже есть нижние и верхние улицы. Самая первая, самая старая тянется по низу черноземного увала. Теперь она не то чтоб ветхая, но какая-то приземленная, что ли. и напоминает речную проточку, берега которой заросли матерой, по-зимнему голой и темной черемухой. А выше нее далеко стеганула главная улица.

Лет пятнадцать назад теперешняя главная улица была только обозначена. По обе ее стороны изредка поднимались первые домики, первые пролеты штакетника, первые палисадники. Через глинистые, только что нарезанные кюветы перешагивали временные мостки, а от них тянулись еще нена топтанные тропки к еще необходимым подворьям, ненавешенным калиткам и воротцам. Тогда же по обе стороны улицы посажены были шеренги робко трепетавших на ветру саженцев кленов и тополей. Улицы была несплошной. Меж новыми подворьями лежали обширные разъезженные вкривь и вкось пустыри и залежи.

Теперь тут лицо когда-то целинного, а ныне прочно вставшего на ноги благоустроенного хозяйства.

Директор совхоза Иван Игнатьевич Багров, как оказалось, уехал в Москву. Замещал его главный агроном совхоза Михаил Макарович Денисенко, с которым и состоялась у нас беседа.

Многоопытный специалист, он охотней

говорил о главном своем деле, хотя был, конечно, в курсе и всех прочих дел совхоза. Говорил и о комплексе, который рассчитан на тысячу двести коров.

Будет это мощное производство с заводской технологией и культурой производства. Говорил он, что в самый раз думать сейчас не только о замене угля на жидкое топливо в котельной строящегося молочного комплекса, но и о переводе комплексов целиком на электрическую энергию по примеру современных заводов и фабрик. Это и чистота, надежность в эксплуатации и минимальные затраты человеческого труда. Электричество плавит металл, водит поезда, жарит и парит в ресторанных кухнях, обогревает квартиры. Да и в селах почти все стационарные механизмы крутит ныне электричество. Пора ему и тут поработать.

В Приамурье скоро заработают первые агрегаты Зейской ГЭС. А когда ГЭС наберет полную мощь, на первых порах, говорят, всю энергию и девать будет некуда. Пригодилась бы она для обслуживания сельских комплексов, теплосетей, кухонь и другого.

Говоря о достижениях хозяйства, Михаил Макарович во главу всего ставил работу совхоза с землей, с урожайностью. Отсюда все начинается.

В минувшем году совхозу исполнилось ровно двадцать лет. В первые десять лет, и даже немногим больше, как и прочим тогдашним совхозам, «Пограничному» по вполне объективным причинам пришлось считать убытки. Не так-то просто было наладить мощное производство почти на голом месте. Земли слишком засорены, удобренных мало, рабочих рук нехватка.

Первые десять лет урожайность зерновых держалась на уровне шести—восьми центнеров. В минувшей пятилетке она удвоилась. А теперь перевалила за двадцать центнеров и приближается к тридцати. Скажем, в 1974 году зерновых было получено по 26,8 центнера, при себестоимости 6 рублей 32 копейки. Чистая прибыль от растениеводства — миллион 243 тысячи рублей.

В ту пору, когда я был в совхозе, окончательные итоги еще не были известны, но ожидалось, что доходы окажутся не ниже, чем в предшествующем году, когда совхоз выработал продукции на сумму в четыре миллиона 324 тысячи рублей.

Когда я спросил Михаила Макаровича насчет будущих урожаев, то он ответил, что тридцать пять и даже сорок центнеров зерновых с гектара — это не такой уж далекий рубеж. Ведь биологическая урожайность и теперь доходит до тридцати пяти центнеров и выше. Только взять не всегда удается все до зернышка. Полегают хлеба, осыпаются. Надо тут комплексно решать эту проблему, работать над выращиванием более стойких сортов семян, более обогранным применять удобрения, разработать надежную агротехнику, ну и иметь более практичные уборочные машины.

Зашел разговор и относительно севооборотов. Михаил Макарович, как и многие другие агрономы, считает, что дело это у нас целиком зависит от сои. Соевое поле в Приамурье занимает до сорока процентов. Примерно столько же и зерновые. И разного рода заявления о пяти-, семи- или девятипольных севооборотах — это в общем-то формалистика. Ибо на практике доминируют все те же два поля — соевое и зерновое. И сколько бы мы их ни делили, ни меняли местами, зерновые и соя останутся все в тех же пределах, как как этого требуют интересы экономики. Культура амурского земледелия тем и своеобразна, что все «вертится» вокруг сои.

По свидетельству Михаила Макаровича, совхозные земли в состоянии теперешнего плодородия приводились на протяжении многих лет. Что это значит? Проводилась и проводится глубокая, как этого требует соя, вспашка. С каждым годом все больше и больше вносилось удобрений. Велась непрестанная борьба с сорняками.

Конечно, и внутри того или другого агроприема в разных местах бывают разные решения. Скажем, ранней весной, когда начинают боронить и закрывать влагу, можно обойтись и без прикатывания. Но в совхозе сразу же и прикатывают поля, чтобы быстрее начал всходить сорняк. И, когда приходит время сеять сою, сорняк прорастает настолько буйно, что последующие обработки помогают уничтожить значительную часть его до посева культуры. Убивают сорняки при обработках сои до всходов и после.

Конечно, в горячую весеннюю страду это лишние затраты времени и труда. Но в том-то и дело, что даже небольшая прибавка урожая окупает такие затраты в несколько раз.

То же самое проделываем после уборки ранних зерновых. Можно сразу, как говорится: комбайн с поля — плуг в борозду. А можно сначала взлущить поле да прикатать, чтоб опять-таки дать побольше прорасти сорнякам. А уж потом пахать. Впрочем, и пахоту хороший хозяин боронит и прикатывает сразу же. От этого только прибавка урожая.

Вообще при нынешней технической мощи пренебрегать теми или иными полезными приемами ради «ужатия» сроков или первого места на каком-то этапе полевых работ значит работать не в полную меру совести и ответственности.

Когда-то хлеборобы сетовали: «Не хватает времени. Не хватает силенок...» И если время всегда неизменно само по себе, то силенок в селах сейчас накопилось столько, что посевную или уборочную многие хозяйства проводят в считанные дни. То есть сеять и убирать — это не такая уж проблема, как прежде. Главное не как убирать, а что убирать — богатый урожай или бедный.

Вообще теперь, когда, в смысле технической мощи, руки развязаны, для специалистов сельского хозяйства, видимо, на-

ступило то время, когда появились возможности заниматься своим делом более научно и эффективно. И, думается, на этом пути многих уже в недалеком будущем ждут замечательные результаты.

Не раз уж приходилось мне слышать похвальное слово травке — тимopheевке. И Михаил Макарович о ней такого же мнения. В совхозе ее посеяно без малого тысяча триста гектаров. Средняя урожайность — две с половиной тонны сухого сена с гектара. То есть втрое — вчетверо больше, чем дают естественные сенокосы. Да и сено куда лучше дикого. И вот поскольку тимopheевка практически уже решила проблему грубых кормов, то, может, пора отказаться от посева однолетних трав, а земли, которые им отводятся, отдать хлебу и сое? Конечно, в летнюю пору нужна и «зеленка», но и ее, как считает Михаил Макарович, можно получать за счет многолетних трав, и обойдется это намного дешевле. Скажем, на тимopheевку после посева лет пять не нужно никаких материальных затрат, кроме как на подкормку. Между тем однолетние травы ежегодно требуют немало таких затрат.

Вместо однолетних в совхозе предпочитают сеять озимую рожь. Она дает очень сильную и питательную зеленую массу. Годится и на подкормку, и на выпас, и на витаминно-травяную муку, и на гранулы. А обходится, в расчете на кормоединицу, гораздо дешевле однолетних.

В числе прочих условий, которые позволяют добиваться хорошей доходности растениеводства, Михаил Макарович говорил и о сортах. Для амурских хлеборобов наиболее урожайны пшеница «Амурская-75» (Одноконовка), соя «31-0», ячмень «Винер» и «Черниговский».

Был у нас с Денисенко отнюдь не между прочим и разговор насчет «верхних» улиц. В совхозе недавно принят вновь отстроенный торговый центр (теперь тут четыре магазина). Есть комбинат бытового обслуживания, детский комбинат, больница, школа-десятилетка, Дом культуры, столовая, общежитие, гостиница, гаражи, мастерские, водонапорная башня. Отстроено новое здание под контору совхоза. Что касается квартир, то их тут совхоз построил уже около пятисот. Строится и частично действует уже водопровод, вводится центральное отопление. Газ в каждой квартире. В личном пользовании более двадцати автомашин, а мотоциклы, телевизоры, холодильники и прочие бытовые приборы, считай, у каждого. И все это больше на «верхних» главных улицах.

Впрочем, есть и самая нижняя улица. Она тоже совершенно новая, тянется по луговине, у подошвы склона. Она такая же длинная, как верхняя. Многие квартиры тут пустуют — некому пока заселять.

Когда я спросил, не будет ли грязно на нижней улице, Михаил Макарович объяснил, что там нарезаны канавы и, вообще, все предусмотрено. И добавил, что там хорошо будут расти тополя...

О тополях, пожалуй, надо поговорить особо. Скажем, нынешние тысячи благовещенских тополей, многим из которых под сотню лет, в свое время спасли город от сырости и грязи. И тот, кто занимался такого рода окультивированием земли (и улиц), тот занимался прекрасным делом. Тот, кто и сейчас сажает лес, первый гражданин, хозяин, сеятель и радатель на земле.

Еще с покойным Ефимом Ивановичем Никитенко, который всю жизнь сажал леса и сады, был у нас разговор насчет тополей. (Это он, Ефим Иванович, оставил после себя такую прекрасную память, как сосновый лес в нынешнем селе Зеленый Бор). Так вот он говорил тогда:

— Тополь на Зее-Буреинской равнине совершенно необходим, как и сосна.

В виду он имел то обстоятельство, что в нашей степи очень много лиманов, заболоченных и разных сырых земель, не пригодных для пахоты. Окрайки полей — это тоже либо пади, либо мари, либо сырые луговины. Вот на все эти неудобные, так сказать, земли и надо выпускать тополиную рать. Красиво, и влаги лишней не будет.

Тогда после разговора с Никитенко мне в перспективе виделись целые тополиные леса вдоль степных падей, где, кроме кочек, ничего не росло (и не растет пока). Виделись леса и вокруг озер, вокруг прудов, которые рано или поздно появятся в Приамурье на окрайках полей, вдоль дорог, меж полями и, вообще, — на неудобных землях.

Скоро ли будет так — не знаю. Но думаю, что это произойдет как необходимое землеустройство. И пусть растут не только тополя, но и сосны, и клены, и ильмы, и маньчжурский орех, и другое.

Ну, а на новых, на «верхних» улицах нельзя без лесных посадок. Ведь они должны быть краше прежних.

На главной совхозной улице когда-то малые саженцы стали теперь молодыми деревьями. Растет село, растут деревья. А посадки меж тем все продолжают. И, надо полагать, Нижняя Полтавка со временем будет самым зеленым селом.

Замечаются посадки и в других местах. Как одомашненно призывно и уютно глядят на белый свет всегда зеленые, веселые сосенки, скажем, в Сергеевке или Ивановке! Какое отрадное зрелище — молодые сосновые леса в сопках за городом.

И все же далеко не везде и не всегда лесные и садовые посадки обступают новые улицы и подворья. Немало еще голых, незастроенных, неозелененных мест. А ведь дело-то не такое уж трудное. Наверно, куда трудней выращивать в течение многих лет сотни тысяч сосенок лишь для того, чтобы потом посечь их пол Новый год и отправить в город на базар. Вряд ли кто-нибудь испытывает радость и удовольствие, когда после праздника почти на каждом балконе, в каждом дворе появляются «выставленные» вон, уже ненуж-

ные и негодные сосенки-огрызки. Росли они лет семь, а послужили для прихоти людской всего лишь несколько дней и — хватит. На будущий год опять такие же купить можно.

Есть в этом массовом истреблении живых сосенок что-то такое, с чем в душе ни с какими оправданиями не можешь вполне согласиться. Во всех общественных местах, заведениях и учреждениях под Новый год появляются очень красивые и приманчивые елки. Есть они и на катках, и на улицах. Так нет! Каждому еще подавай особую, собственную елку!

Сложное чувство испытываешь и тогда, когда видишь улицы, обставленные домами на одну колодку. Многие дома упрощены донельзя в угоду, так сказать, дешевизне. Коробка, окна, двери, крыша — вот и все. И не на чем глазу остановиться. Если бы это были деревянные бараки — временное жилье, то куда бы ни шло. А то ведь капитальные строения из кирпича. Сто и двести лет стоять будут. Может, потом эти «коробки» будут надстраивать, «одушевлять», облагораживать, украшать?.. Вряд ли. Это обойдется дороже, чем строить сразу и как следует. Уже сейчас наверняка можно сказать, что а ближайшее десятилетие сельские жилые постройки в архитектурном отношении будут далеко не такими, как теперь. Да ведь и сейчас хозяйства не такие уж бедные. Кое-где деньги даже залеживаются.

Новые дома должны быть не только новее старых, но и несравненно красивей, удобней. Они должны нравиться людям, запоминаться, чтобы из них никому уезжать не хотелось. Красота манит, удерживает, воспитывает и порождает все доброе.

По-настоящему хороши в селах сейчас, пожалуй, только дома культуры. Правда, и они кое-где однотипны. Но по исполнению это лучшие здания.

А ведь в сельском строительстве сейчас участвуют такие мощные организации, которые раньше не встречались и в городах. Строительные тресты, механизированные колонны, строительно-монтажные управления, межколхозные строительные организации и многие другие. И какой только техники у них нет! Автокраны, башенные краны, трайлеры, бульдозеры, экскаваторы, скреперы, цементовозы, бетономешалки, буровые и компрессорные установки, калориферы, транспортеры, подъемники, автосамосвалы, автопоезда, мощные тракторы, электромоторы, электросварка. И это в каждом районе!

Словом, надлежит полней, дальновидней использовать громадные возможности в строительстве теперешнего сельского жилья. И не только жилья. Красивая долговечная планировка, привлекательная архитектура, разумное оформление — это и хорошее настроение, и агитация беречь красоту, быть достойным ее.

В комплексе того, что сейчас определяет индустриализацию сельского произ-

водства и строительства, как уже говорилось, находятся многие мощные организации, предприятия, управления, объединения. А недавно мне пришлось познакомиться и еще с одним звеном этого порядка — межколхозным, созданным на долевых началах кирпичным заводом в Тамбовке.

Построено это промышленное предприятие на средства десяти колхозов. Кроме производственных помещений, возведено три восемнадцатиквартирных дома. Завод и жилье обошлись пока в три миллиона сто тысяч рублей. Будут построены еще мощная котельная и кое-что другое. Проектная мощность завода восемь—десять миллионов штук кирпича в год. Но при необходимости, с некоторыми дополнительными затратами, выработку кирпича можно довести до двадцати миллионов штук.

Много это или мало? Павел Иванович Фоменко, председатель Тамбовской межколхозной строительной организации, знаком мне давно и знаком как хороший экономист. Когда-то он работал главным бухгалтером крупнейшего колхоза, а потом и председателем его. В те годы только вводились колхозные производственно-финансовые планы, а о хозрасчете лишь начинали говорить. Но уже тогда он умел считать, сопоставлять, предвидеть, что во сколько обойдется при той или иной постановке дела. И вот он мне объяснил: много это или мало? Что можно построить из одного миллиона кирпичей, которые завод в состоянии выдавать ежемесячно? Поставить можно пять—шесть домов на шестнадцать—восемнадцать квартир. За год, стало быть, обеспечивается строительство целого поселка из красного кирпича.

Павел Иванович говорит, что если сейчас средняя государственная цена за тысячу кирпичей 36 рублей, то тамбовский, межколхозный будет стоить примерно 30 рублей. К тому же и по качеству он выше силикатного. Из того, скажем, не будешь строить животноводческие помещения — не выдюжит. А из красного — все можно. Да еще можно наладить производство декоративного кирпича, потребность в котором все увеличивается.

И вот опять вспоминаются «верхние» улицы, которые должны быть не только кирпичными, но и красивыми. Декоративный кирпич пойдет, конечно, и на них.

Производство межколхозного кирпича — еще одно доказательство, что в деревнях могут строить больше, лучше, красивей.

Государство, как известно, всемерно поощряет межколхозное сотрудничество как в строительстве объектов, так и в производстве продукции. Крупное производство с заводской технологией всегда выгодней мелкого, тем более кустарного. И если у колхозов становится все больше таких возможностей, если благодаря их

средствам могут решаться проблемы большой государственной важности, то отчего же не постараться в этом направлении? Тем более, что опыт показывает: такое сотрудничество дает хорошие прибыли. Взять ту же Тамбовскую межколхозную строительную организацию, которая построила еще и кирпичный завод. Она существует почти десять лет и все эти годы работает с прибылью. То есть средства, которые вносят колхозы, и окупаются, и растут.

Разумеется, прежде чем осуществлять те или иные межколхозные проекты и мероприятия, приходится основательно думать и держать совет. Скажем, если бы не виделось выгоды в этом предприятии, то вряд ли был бы выстроен кирпичный завод. Все было учтено и прежде всего то, что имеется местное, легко доступное сырье.

И вот когда все эти сельские организации и меколхозы представивши в комплексе, объединивши усилия, то сила получается поистине могучей. И с тем большим основанием, с тем большей настойчивостью напрашивается вопрос: если есть такая сила, такой размах, такой прочный фундамент, то почему на этом фундаменте не строить сразу то, что будет современным и через десятилетия?

Конечно, в общем-то везде имеются генеральные планы. Но дело опять-таки в том, насколько они соответствуют возрастающим требованиям теперешнего времени и возможностям, которые, повторяем, ныне очень велики. Из десятка сел, которые в этот раз удалось мне посмотреть, пожалуй, только в Лермонтовке (колхоз имени Чапаева) можно было отметить два—три новых дома запоминающейся архитектуры. Остальное — все те же «коробки» с крышами. Даже балконы не везде увидишь.

В заключение, вернемся к тому, с чего начинался разговор. Там и тут в селах поднимаются новые похожие на городские дома, улицы, производственные цехи и объекты. И уж, наверно, не осталось ни одного села, где не было бы хорошего, рассчитанного на многие годы Дома культуры. И пусть рано еще говорить о цельном, завершенном современном архитектурном облике сел, где было бы все, что сейчас требуется, но «завязь» уже обозначилась явно. И если прошлые годы были, в основном, годами производства материальных благ, то следующие наверняка станут годами развернутого культурного строительства. И если учесть всю мощь, все научно-технические возможности предстоящего строительства в селах, то кое-какие генпланы, наверно, придется пересматривать. Ведь каждое село должно быть не только крепко привязано к местности, но и должно быть памятным, неповторимым.



У КАЖДОГО СВОЙ ХАРАКТЕР

ОЧЕРК

«Дорогие товарищи!

Центральный Комитет Коммунистической партии Советского Союза горячо поздравляет вас, один из многочисленных отрядов строителей Байкало-Амурской железнодорожной магистрали, с первой трудовой победой — досрочным выполнением больших объемов работ на железнодорожной линии Бам — Тында в сложных условиях необжитого таежного края и открытием рабочего движения поездов на пять месяцев раньше установленного срока...»

Такими словами начиналась поздравительная телеграмма Генерального секретаря ЦК КПСС Л. И. Брежнева строителям железнодорожной линии Бам — Тында, которые к 30-летию Великой Победы, к 9 Мая 1975 года, закончили укладку последнего звена на 180-километровой трассе, соединившей Транссибирскую магистраль в будущем большим БАМом.

В своих путевых заметках я хочу рассказать о некоторых встречах с участниками этой стройки.

БАМ ЭКЗАМЕНУЕТ...

Просьба застала Николая врасплох. Пионеры из города Чебаркуля Челябинской области услышали его имя по радио и попросили рассказать о БАМе.

Вечером, после работы, столяр Николай

Захаров сел за стол, взял в руки письмо ребят, карандаш и задумался. О чем писать? О суровых морозах и коварной мерзлоте? О машинах, буксующих на обледенелых перевалах? А может быть, о людях, на долю которых выпала пусть и нелегкая, но почетная миссия быть первопроходцами? Конечно, о них!

Строчка за стройкой ложился на белый лист нехитрый рассказ Николая:

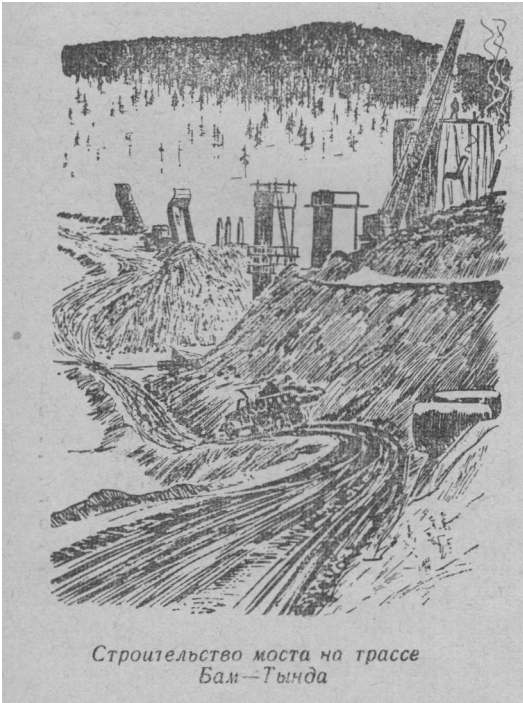
«Это было весной 1972 года. Таежный десант... В него вошли одиннадцать во главе с мастером Юрием Андреевым, Николай Парфентьев, Геннадий Кисель, Анатолий Иванов... Я знал их всех. Многие из них и сегодня живут в Аносовском, другие ушли дальше на север.

Был приказ: от станции Бам до 8-го километра проложить автотрассу и подготовить там плацдарм для высадки подразделений головного ремонтно-восстановительного поезда № 28.

Шестнадцать суток шел поединок с гайгой. На семнадцатые сутки был взят штурмом хребет Янкан, и у его подножия выросла первая палатка. С палатки этой и начался наш поселок, которому суждено стать железнодорожной станцией.

Сейчас в нем и теплые жилые дома, и клуб, и школа-десятилетка, и магазины... Все это появилось за два с небольшим года. А главное, сюда пришла железная дорога! Пришла и ушла уже дальше!...»

Писал незнакомым пионерам столяр из поселка Аносовский, строитель трассы Бам — Тында Николай Захаров. Писал о своих товарищах и ни словом не обмолвился о себе. А ведь он тоже на БАМе



Строительство моста на трассе
Бам—Тында

почти «с первого колышка». Любой дом возьми в поселке — есть его труд в каждом. В одном — оконные рамы, в другом — дверная «окосячка».

В июне 1972 года приехал Николай сюда. Приехал с благодатного Черноморского побережья, из Сочи. Иные хоть месяц в году мечтают побыть там, а он добровольно подался оттуда в тайгу.

Что потянуло сюда парня? Хорошие заработки? Но он и дома зарабатывал неплохо: столяр высшей квалификации все-таки. Потянуло парня в неведомые далекие края стремление увидеть новые места.

А еще, и это, пожалуй, главное, — желание почувствовать свою причастность к большому делу. Отцы наши после себя Магнитку и Турксиб оставили, Днепротэс и Комсомольск... Старшие братья целину поднимали. На долю его сверстников БАМ пришелся. Как же тут было усидеть дома.

Трудно приходится. Но такая уж стройка БАМ. Еще не строили в мире подобных железнодорожных магистралей в столь сложных природных климатических условиях.

В кабинет А. Н. Труфанова, начальника ГОРЕМ-28, уже под вечер вошел парень. Выбрал момент, когда народу станет поменьше. Нерешительно потоптался у порога и уже, осмелев, протянул Труфанову листок бумаги. Александр Николаевич прочел заявление. Глаза сделались колючими, сердитыми. Но голос не выдал чувств начальника. Голос ровный, спокойный:

— Когда приехали?

Парень приподнял голову:

— Месяц прошел.

— И уже назад?

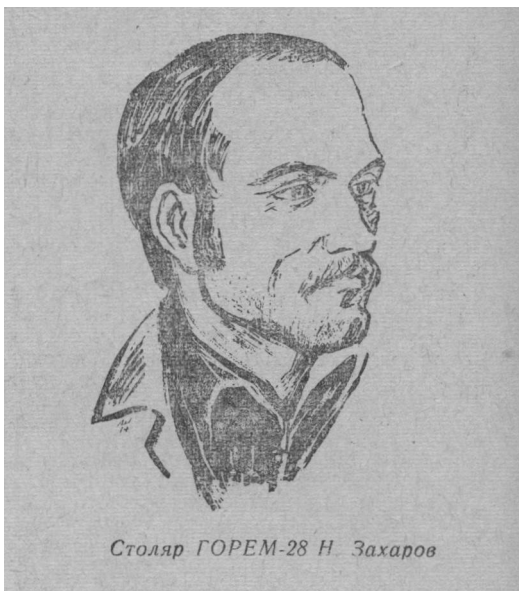
— И другие уедут, — неожиданно высоким фальцетом зататорил парень. — Думаете, я один? Заработки никудышные, в поселке скучота...

Он убеждал в своей правоте себя, а не Труфанова. Себе он старался доказать правомерность своего решения. Он думал, что здесь на деревьях булки растут, а рябчики сами в суп прыгают. Оказалось же, что осенью тут грязь бывает, мошара кусает, зимой — мороз, пурга. И еще работа тяжелая, каждодневная.

— За других не решайте, — прервал парня Труфанов, — Расчет получите. До свиданья.

Парень пошел к двери. Широкие, как литые, плечи, здоровенные кулачки, а вот не выдержал, уезжает...

Потом я встретил его в столовой. Одет он был в ту же спецовку, что и остальные парни и девчата, заскочившие сюда перекусить прямо с работы. И чем-то отличался он от других. Чем? Наверное, поведением. Говорил с соседом по столу, а слова были какие-то блеклые, без жизни, взгляд в сторону. И с ним говорили не зло, без издевки, скорее как с больным.



Нет, широкие плечи и крепкие мускулы решают на БАМе еще далеко не все. Так же, как не все они решали на Днепротэсе и целине. БАМ не для слабых духом.

...На стене конторы я увидел объявление. Броское, яркое. Оно приглашало всех желающих принять участие в фотоконкурсе. И тема была названа — жизнь поселка, дела людей его. Подпись: «Комитет ВЛКСМ» и приписка: «Фотографии нести в общежитие № 1 к Захарову».

В Аносовском Николай Захаров человек известный. Депутат, заместитель председателя поселкового Совета, председатель группы народного контроля. И, кроме того, душа всех клубных вечеров, диспутов, конкурсов... Сам не любит скучать и другим не дает. Неугомонная натура.

Найти комнату Захарова в общежитии — дело несложное, любой встречный покажет. Три кровати, стол, два стула, одно окно. На стенах несколько листов карандашных набросков: портреты, пейзажи. Рисует еще он. Когда только человек успевает?

В комнате всегда людно. Одни приходят о чем-то посоветоваться, другие — просто поговорить, третьи несут свои стихи, и в этом он судья.

Прямо со смены зашли Володя Мальков и Саша Свиридов. В бородах древесная стружка запуталась. Попахивает от ребят смолистой сосной, свежеструганным деревом. Володя и Саша плотники, ремеслу обучились уже здесь, в Аносовском. На БАМ приехали в составе комсомольского отряда Брянского обкома ВЛКСМ.

Саша и Володя двоюродные братья. В поведении это родство заметно: оба несколько стеснительные, на первый взгляд, флегматичные. Но лишь на первый взгляд. Когда дело коснулось стихов, от бойлой

флегматичности и следа не осталось. У Малькова вид «ученого мужа» — мягкий овал лица, борода. У Свиридова более тонкие черты лица, ладная фигура — ну прямо Атос из «Трех мушкетеров». Но за этой тонкостью, изяществом чувствуются сила, упругость мускулов. Саша закончил физкультурный техникум, всерьез занимается гимнастикой. Мальков студент-заочник факультета иностранных языков пединститута.

Захарову братья — первые помощники в организации всевозможных вечеров, диспутов. Володя пишет стихи. Печатаются на страницах областной газеты «Амурская правда», в сборнике «Приамурье мое». Хобби Александра — музыка. Он неплохо играет на гитаре, пробует писать песни на стихи брата.

Мальков и Свиридов вместе с Захаровым и Григорием Лободой организовали при поселковом клубе литературно-музыкальное объединение «Серебряное звено».

Вначале собирались в общежитии у Николая. Читали стихи, спорили о прочитанном. Но с каждым вечером желающих собиралось все больше, маленькая комната уже не вмещала всех. Решили проводить такие вечера в клубе. Боязно, правда, было. А вдруг придут только те, кто пишет стихи и рассказы.

Но в первый же вечер клуб был забит до отказа. Равнодушных в зале не оказалось.

А потом к любителям поэзии присоединились любители музыки: два «тезки» из Брянска, два Саши — Третьяков и Литвинов, — два парня из Гомеля — Валера Стаценко и Слава Железняков. К тому времени и инструменты в клуб поступили. Так литературные вечера превратились в литературно-музыкальные.

Литературно-музыкальное объединение «Серебряное звено» стало действительно первым, или, как говорят строители БАМа, «серебряным» звеном в организации досуга ановосской молодежи.

А сейчас его уже знают не только ановосцы. С концертами «Серебряного звена» познакомились рабочие многих участков Байкало-Амурской магистрали. Недавно в поселке Тындинском проходил районный смотр агитбригад. Ребята из «Серебряного звена» принимали в нем участие. Результат — первое место и аккордеон в качестве приза.

...Поздним вечером уходил я из гостеприимной комнаты Николая Захарова. На столе заметил недописанное объявление. При «Серебряном звене» создается театр миниатюр. Желающих приглашали записываться у Малькова. И вспомнил я встречу в кабинете начальника ГОРЕМ-28, встречу с увольняющимся парнем. Тому «романтику» и работа чересчур тяжелой показалась, и скука его одолела. Что ж, БАМ экзаменует характеры на прочность. Не каждый этот экзамен выдерживает. Мои знакомые ребята сдают его на «пятерки».

ОТ ОЦА К СЫНОВЬЯМ

В свои пятьдесят восемь лет Иван Максимович Юрин успел многое увидеть и многое сделать: валил лес в Сибири, добывал золото на Колыме, летал бортмехаником на Дальнем Востоке, работал завгаром в Приморье.

Кто-то, может, и пожмет плечами: «За что человека хвалят? У него не трудовая книжка, а географический справочник». В ответ могу сказать, что в этой трудовой книжке несколько десятков записей о благодарностях и поощрениях, а вот выговора — ни одного. Значит, на каком бы месте этот человек ни работал, он всего себя отдавал делу.

И не в поисках легкой жизни не раз снимался Иван Максимович с уже насиженного места, оставлял хорошую работу, квартиру. Просто годы не избавили его души ни от юношеского задора, ни от желания попробовать себя в новом деле, увидеть новые места.

Ирина Ивановна, жена его, первые годы совместной жизни была ярким противником всяческих переездов, а за четыре десятка лет так привыкла к ним, что теперь сама иной раз говорит мужу: «А не засиделись ли мы здесь, Ваня?»

Последний раз они прочно «навсегда» обосновались в Дальнереченске: дом свой поставили, сад завели, пасеку... В иное лето все шесть внуков разом отдыхать съезжались, сыновья, дочь. Живи, радуйся, чего еще надо?!

И вдруг письмо от Геннадия с Александром. Сыновья сообщали, что вместе со своим спецуправлением прибыли на строительство БАМа. И бессонница напала на Юрина. Не на шутку встревожилась Ирина Ивановна:

— Отец, опять чего надумал?! Дом-то на кого оставим?

Иван Максимович виновато глянул на жену:

— Я с соседями уже говорил, присмотрят. Ну что твоему дому за год-два делается?

Так в спецуправлении треста Трансвзрывпром, что ведет буровзрывные работы на всей трассе Бам — Тында, появился «семейный» экипаж бурильного станка. Трое из четверых его членов — Юрины. Геннадий и Александр — машинисты, Иван Максимович — помощник машиниста.

Русский народ издавна славен своими мастерами. Где найдешь еще таких чудоплотников, что одним топором красавцы терема строили?! А вспомните Левшу из сказки Лескова! Такие умельцы не только в наших сказках встречаются, их и в жизни немало. Годы идут, века сменяют друг друга, а мастера в народе не переводятся. Иван Максимович Юрин — один из них.

Вся его жизнь с металлом, с машинами связана. И на лесозаготовках, и на приисках, и в авиации он с моторами имел дело. Десятки, сотни их прошло через его



умелые руки. На слух мастер может уловить фальшивую ноту в рокоте двигателя и сразу «диагноз» поставить, наиболее эффективный метод «лечения» найти.

Эта любовь к металлу, к машинам у него от отца, слесаря Путиловского завода Максима Юрина. Нравилась маленькому Ванюшке и отцовы рассказы о своей работе, и его большие крепкие руки с черными крапинками намертво вевшейся металлической пыли... Какими сильными были они! Как ловко под самый потолок Ванюшку подкидывали! Они все могли, эти руки: любую слесарную работу, самую сложную, тонкую выполнить, и сына приласкать, игрушку ему хитрую смастерить... А когда потребовалось, они уверенно взяли и за чапыги плуга.

В 20-е годы вместе с несколькими своими товарищами по заводу уехал Максим Юрин из Петрограда в Сибирь. В селе Пронино, что неподалеку от Абакана, путиловские рабочие решили коммуны создать. Показать, так сказать, наглядно сибирским крестьянам, как надо новую жизнь строить.

И они создали коммуны. Она была первой в тех глухих тогда таежных местах. Это уже вслед за их коммуной и по ее примеру появились в окрестных селах колхозы. Но Максим Юрин не дожидаясь до тех радостных дней. От кулацкой пули погиб коммунар, основатель рабочей династии Юриных.

Сыновья Ивана Максимовича связали свою жизнь с металлом, с машинами. Геннадий более десяти лет машинист бурильного станка. Строил дорогу Хребтовая — Усть-Илим, работал в Бурятии... Чуть позже присоединился к нему и младший брат — Александр. Сейчас оба они лучшие бурильщики управления. Экипаж их был признан победителем в соревнова-

нии за право укладки последнего звена дороги Бам—Тында.

Всех троих Юриных редко можно заставить вместе. Экипаж их одним из первых в управлении перешел на двухсменную работу. И днем и ночью, сменяя друг друга, несет семья бурильщиков Юриных свою вахту. Работа у них серьезная, простоев быть не должно. Для отсыпки полотна требуются десятки, сотни тысяч кубометров скального и земляного грунта. Бурильщики вместе с взрывниками готовят его для экскаваторщиков, шоферов, монтеров пути...

О вечной мерзлоте, по которой прокладывается магистраль, уже немало написано. Но уступчивей мерзлота от этого не стала, то и дело она показывает свой норов, экзаменуя строителей на мастерство, находчивость. Особенно трудно держать этот экзамен бурильщикам, взрывникам, они с мерзлотой имеют дело ежедневно, ежечасно.

Во многих местах мерзлота соседствует с обильными подпочвенными водами. Не успел в короткий срок пробурить нужное количество шурфов, «начинить» их взрывчаткой, и вся работа может пойти на смарку: вода ждать не будет, мигом заполнит шурф, замерзнет в нем.

Часто встречаются плотные скальные грунты, а в них трещины, пустоты. Здесь от машиниста и предельное внимание требуется, и высокое мастерство.

Я видел, как работает за пультом управления бурильного станка Геннадий. Ни одного лишнего движения, машинист — само предельное внимание. Кажется, они слились, стали единым целым — молчаливый человек и шумный, гремющий станок БТС-150, установленный на базе гусеничного трактора.

На пульте Геннадий даже не работал, а, скорее, играл. Так, как играет музыкант-виртуоз на своей скрипке. И так же, как скрипач, чувствует свой инструмент, так и машинист должен чувствовать машину, грунт. Иначе не добьешься того, чего добились Юрины: сменную выработку на станок они довели до 110—130 метров при норме на грунтах этой сложнейшей категории 70 метров.

И все же, несмотря на высокое мастерство бурильщиков, станок БТС-150 на многих участках оказывается беспомощным. Вечная мерзлота не везде ему по зубам, БАМ требует более мощного бурильного станка. Это мнение и самих бурильщиков, и руководителей строительства. И такой станок будет! Его производство должны освоить машиностроители из Кривого Рога, а также благовещенский завод «Амурский металлист». Все дело в сроках. Новый станок нужен БАМу как можно скорее. Слышите, товарищи машиностроители, на стройке века его очень ждут! А мастера, готовые испытать его в деле, здесь есть, те же Юрины не отказались бы от этого дела.

САМОЕ ЗАВЕТНОЕ

Когда выезжали из Брянска, там всю весну бушевала, яблони цвели, а приехали в Тындинский — пурга. Здесь такое случается: на календаре май, а с неба вдруг неожиданный снег повалит. Приходится весне вторично у зимы свои права отстаивать.

Пока ехали, мечтали, как всем отрядом пойдут просеку через тайгу рубить. Ведь БАМ с просеки начинаться должен. В мечтах все здорово получалось — тайга и они, один на один.

На деле все по-другому оказалось. БАМ, сказали им, не с просеки начинаться должен, а с хорошей производственной базы, с плацдарма для дальнейшего наступления на тайгу. Чтобы создать его, сюда, в Тындинский, надо доставить тысячи тонн различных грузов. А как это сделать, если от магистрали до будущей столицы БАМа без малого двести километров тайги. Построить железную дорогу. И ее уже строят.

Всему отряду, всем сорока восемью посланцам. Брянской областной комсомольской организации предложили поехать во временный поселок Аносовский, на 82-й километр строящейся ветки. Одним пришлось плотничьему делу обучаться, жильё в поселке строить, другим стать бетонщиками. А Николай Андриюшин попал в землекопы. БАМ для него начался с рытья котлована под фундамент котельной.

Вечером принесут в общежитие газеты — почти в каждой об их стройке что-нибудь да есть. О мостовиках, шоферах пишут, об изыскателях, их портреты помещают. А вот о землекопах никто ни слова. Хотя работа эта нелегкая, дело ведь не с обычной землей имеешь, а с вечной мерзлотой. Шутят ребята: «Фотографам не до нас, романтики в нашей работе ноль целых ноль десятых...» Шутки шутками, а обидно иной раз бывало за такое невнимание. «Ну да ладно, в конце концов не за славой в тайгу ехали, а работать», — посмеивались над своими обидами парни.

Работа. Каждодневная, нелегкая. Она как доброе сито, просеяла людей, провела, кто на что способен. Николаю, после того как котлован был готов, предложили идти в бригаду Гуреева. Предложение почетное — ведь бригада Гуреева ведет, пожалуй, самую ответственную работу, она занимается укладкой железнодорожного полотна. По сути дела, труд всех — шоферов и плотников, трактористов и взрывников, бетонщиков и экскаваторщиков — сводится к одному: своевременно подготовить фронт работ для путеукладчика. Членом этой бригады и стал Николай Андриюшин. Из землекопов парень переквалифицировался в монтеры пути.

Раньше никогда и не слышал, что есть такая специальность — «монтер пути», а тут пришлось самому осваивать ее. Оказывается, это еще полдела еще — уложить на насыпь заранее собранное из шпал и рельсов 25-метровое звено. Путеукладчик лег-



Монтер пути Н. Андриюшин

ко подхватит семитонное звено, опустит в нужную точку, так что рельсы сойдутся в стык. А вот потом начинается самое трудное — подсыпка гравия, выравнивание его и так далее. Работа эта долгая и кропотливая. Ровный плотный 35-сантиметровый слой гравия должен лежать под рельсами.

Николай пришел в бригаду, когда укладка шла на 69-м километре. Вместе с бригадой к новому, 1975-му, году дошел он до 132-го километра. Дальше укладку повела другая бригада. А они остались, чтобы проложить дополнительные пути на станции Аносовская, чтобы продолжить подсыпку гравия на трассе.

Тридцать четыре километра дороги проложено с его участием. Каждый из этих тридцати четырех останется в памяти. И не только потому, что они были его первыми километрами.

А трудности... что ж, он знал, куда ехал, легкой жизни не искал. Это он, комсорг бригады Николай Андриюшин, предложил в октябре 1974 года перейти на круглосуточную работу. Потому что иначе могли бы и не выйти к 1 января на 132-й километр. А значит, и обязательства других бригад, что повели укладку дальше, оказались бы под угрозой срыва.

Бригада Гуреева разбилась на две. Ночью мороз особенно лют. Проволока и та иной раз не выдерживала, лопалась, как гнилые нитки. А парни выдержали — в середине праздничного дня пришли на 132-й. Вот это был праздник!

...Вечернее солнце, как тяжелый расплавленный шар, повисло на макушках сосен, а потом плавно скатилось за дальние сопки. И почти сразу же ранние зимние сумерки окутали тайгу, поселок, что, по-

теснив вековые деревья, разбежался своими прямыми улицами по отрогу Янкана. В окнах вспыхнули огни.

Николай только что вернулся со смены. Теплый стеганный бушлат ладно сидит на широких плечах. Скуластое лицо чуть забронзовело от мороза и ветра. Собеседник он интересный. В своих оценках категоричен, в суждениях прям.

Кое-кто за эту прямоту обижался на Андриюшину поначалу. На профсоюзной конференции, например, он так разнес «в пух и прах» местком своего ремонтно-восстановительного поезда, что в Аносовском до сих пор вспоминают. И прав оказался. Другие выступающие Николая поддержали, пришлось месткому, как говорится, менять стиль работы.

Да, он прям в своих суждениях. Он требователен к другим. Но так же строг и требователен он и к себе. За это его уважают. За этой прямотой и требовательностью чувствуется отличная школа рабочего коллектива. Где прошел ее Андриюшин?

— На одном из Брянских заводов, — улыбается мой собеседник. — До армии работал зуборезчиком, потом ГПТУ при заводе закончил, стал радиомонтажником. На участке регулировки мастером работал. А участок, знаете, у нас какой! Одним из первых на заводе звание коллектива коммунистического труда заслужил!

— А на БАМ когда и как решил ехать?

Задумался Николай, а потом опять веселые искорки в глазах заблестели:

— В электричке такое решение принял...

— ???

— Зина, жена моя, к матери в деревню погостить уехала. А в воскресенье я за ней отправился. Еду, свежую «Комсомолку» читаю, в ней — отчет с Семнадцатого съезда комсомола, рассказ о том, что первый отряд на БАМ отправляется. И меня как подтолкнуло что-то: дай поеду!

Теща, как услышала, в слезы: «Куда надумал! Руслану, — это сын у меня Руслан, — и месяца нету. Квартиру новую вот-вот должны получить!»

Ну, думаю, сейчас еще Зина расплатит-

ся и тогда — все: «Прощай, БАМ!» А она: «Конечно, поедем!».

На следующий день я пришел в обком комсомола. Трудно было в отряд попасть, желающих много, но помогла рекомендация нашего заводского комитета. Словом, попал в отряд и вот, как видите, здесь...

— А Зина, Руслан?

— Тоже в Аносовском. Я их в сентябре, как квартиру получил, привез. Вместе первый Новый год на БАМе встретили. Когда за ними ездил, к отцу с матерью заезжал. Они у меня в совхозе работают, отец — учетчиком, мать — свинаркой. Есть такое село у нас на Брянщине — Журавка. Красивое название, правда? И само село красивое. Родина моя... Так вот отец полушутя, полусерьезно спрашивает: «Домой скоро?» «Нет, — говорю, — пока весь БАМ не закончим, не ждите». Мечта это моя самая заветная — построить БАМ и из конца в конец по нему прокатиться. Так, чтоб рельсы под колесами звенели!

Сотни, тысячи первопроходцев по зову своих сердец приехали туда, где возводился Байкало-Амурская магистраль. У каждого свой характер, свои привычки, но они схожи своей неуспокоенностью, самозабвенным стремлением своими руками свершить большое дело.

Поздравительная телеграмма Леонида Ильича Брежнева к ним, участникам стройки, заканчивается словами: «Центральный Комитет КПСС выражает твердую уверенность в том, что комсомольцы и молодежь, все участники строительства Байкало-Амурской железнодорожной магистрали, приумножая славные трудовые традиции нашего народа, будут и впредь с честью выполнять поставленные перед ними задачи, еще шире развернут социалистическое соревнование за достойную встречу XXV съезда Коммунистической партии Советского Союза». Партия верит в них, и они это доверие с честью оправдают.

*Бам—Тында,
Амурская область.*

КОЛЕСНЫЙ ДИВИЗИОН

Три раза в месяц к причалам Комсомольской ТЭЦ или к пристани Амурск подводил баржи с райчихинским углем темно-желтый длиннотрубый старенький пароход.

Это судно хорошо известно благовещенским инженерам и хабаровским школьникам. Не раз красные следопыты поднимались на борт буксира «Баку» и торжественно обходили его помещения, разглядывали необычные для торгового судна узкие рельсы минных тележек, что протянулись к корме по главной палубе с обоих бортов, трогали руками броню нижней рубки, удивлялись узкости смотровых щелей.

А затем благовещенский капитан В. Н. Тимофеев подводил гостей к бронзовой мемориальной доске, где металлические буквы складываются в строки: «КАНОНЕРСКАЯ ЛОДКА № 37 В ОТЕЧЕСТВЕННУЮ ВОЙНУ В АВГУСТЕ 1945 Г. ПРИНЯЛА УЧАСТИЕ В РАЗГРОМЕ КВАНТУНСКОЙ АРМИИ ЯПОНЦЕВ».

Двадцать лет назад и я, в то время совсем молодой человек, только что окончивший водный институт, поднялся на борт «Баку» для проведения очередных теплотехнических испытаний амурского буксира.

Тогдашний капитан парохода К. А. Умпелев также показал мемориальную доску и с гордостью сказал:

— Наш «Баку» — солдат. Сражался в колесном дивизионе.

Когда я попросил рассказать о судне подробнее, Константин Александрович ответил:

— Вам лучше послушать механика. Константин Васильевич Исаев — теперешний механик «Баку» — в Отечественную служил начальником БЧ-5 на одном из кораблей флотилии и награжден боевым орденом Красной Звезды.

Так по рассказам очевидцев я узнал об удивительной судьбе амурских буксиров, ставших в грозный для Родины час солдатами.

Суrowы были в те дни амурские берега. По ту сторону нашей дальневосточной границы сосредоточены были крупные соединения Квантунской армии японцев. На реке Сунгари находились в постоянной боевой готовности Сунгарийская военная флотилия, насчитывавшая до тридцати боевых выпелов, и три полка морской пехоты. Это вынуждало Советское командование держать на Дальнем Востоке крупные Со-

единения Красной Армии, хотя на западных фронтах в это время шли кровопролитные бои с немецко-фашистскими захватчиками.

Настал час, когда и амурский трудяга буксир «Баку» должен был стать в боевой строй. В Хабаровске на заводе буксир ждали военные инженеры. По их чертежам котельщики, сварщики и слесари судоремонтного завода пароходства (ныне Хабаровский судоремонтно-судостроительный завод) превращали речные буксиры в боевые корабли. Партийная организация и руководство завода прорабом по выполнению фронтового задания назначили молодого коммуниста П. И. Родионова, судового механика, списанного по болезни на берег.

Он сумел хорошо организовать дело. Работы по переоборудованию судов не прекращались ни днем ни ночью. Борты «Баку» обрастали броней, на палубе узкой лентой протянулись рельсовые пути для минных тележек. Иллюминаторы штурманской рубки сузились до смотровых щелей. На носу и в корме появились фундаменты под поворотные платформы артиллерийских орудий.

Когда рабочие завершили свой труд, пароход «Баку» превратился в канонерскую лодку № 37. «Якутск» стал канлодкой № 31, «Новороссийск» и «Кузнецк» — канонерскими лодками № 36 и 30.

Из темно-желтых буксировщиков суда превратились в темно-серые шаровые боевые единицы, цвет которых помогал маскировке: шаровая окраска не так заметна в свинцового цвета речных водах.

Так в Третьей бригаде речных кораблей Краснознаменной Амурской флотилии появился дивизион колесных канонерских лодок или, как называли его в то время военные моряки, «дивизион ККЛ».

В новом соединении помощниками командиров кораблей, а со временем и командирами стали речные капитаны и штурманы, командирами БЧ-5 и старшинами котельных и машинных групп — судовые механики. Матросами и старшинами штурманской боевой части и боцманской команды, минерами и артиллеристами стали тоже речники, одетые теперь в военную форму.

В Третью бригаду речных кораблей входили канонерские лодки «Пролетарий» и «Монгол», отряд бронекатеров, дивизион

колесных канонерских лодок, минный заградитель «Сильный», три отряда катеров-тральщиков и плавбатарея. Командовал бригадой кадровый моряк капитан 3-го ранга А. В. Фадеев.

Обстановка на Дальнем Востоке накалялась. Японская военщина срывала судоходство на Тихом океане, закрыла выходы через проливы. Японские вооруженные корабли не раз открывали огонь по советским торговым судам, некоторые из них задержали. Подводные лодки самураев потопили мирные транспорты «Ангартрой», «Кола» и «Ильмень».

Но Амур работал. Не поддаваясь на провокации, речники проводили в города и села Приамурья суда с углем и хлебом, нефтью и лесом, перевозили пассажиров.

Трудовую вахту амурцев охраняли корабли из колесного дивизиона. Канонерские лодки несли бессменную вахту и на Уссури, и на Амуре. Речники верили, что их товарищи, одевшие военную форму и овладевшие боевым оружием, всегда придут в нужный момент на помощь. Эта вера подкреплялась практическими действиями колесного дивизиона.

День Победы над фашистской Германией дивизион амурцев встретил в боевом дозоре возле устья реки Сунгари. А в один из дней в дивизион на штабном корабле «Амур» прибыл Военный совет флотилии и оперативная группа штаба.

Контр-адмирал Н. В. Антонов поставил перед комдивом С. Г. Мельниковым задачу: форсированным ходом совершить переход дивизиона вверх по Уссури.

Над канонерской лодкой № 37 взвился флаг командующего.

В ночь с 8 на 9 августа 1945 года корабли дивизиона канонерских лодок приняли десант морской пехоты — и с потушенными огнями двинулись вверх по реке.

Несколько часов назад на кораблях зачитали приказ командующего, где говорилось: «...Соединениям и кораблям Краснознаменной Амурской флотилии содействовать войскам 15-й и 2-й Краснознаменной армий в захвате и удержании плацдармов на левом берегу Амура и Уссури путем высадки морских десантов и обеспечения переправ; не допустить прорыва кораблей и вооруженных судов противника в районы действий советских войск. Артиллерийской поддержкой и высадкой морских десантов в тыл противника помочь наступлению 15-й армии вдоль Сунгари, обеспечить воинские перевозки по Амуру, его притокам и на озере Ханка...»

...Ночь. Капитан-лейтенант Бадаев в боевой флагманской канонерке. Не горят огни створных знаков и бакенов. Замаскировали свет и близко расположенные к реке селения. На борту канлодок несколько сотен солдат и матросов, оружейные и пулеметные установки.

Ошибись с местом высадки — может

бесполезно пролиться солдатская кровь, может сорваться тщательно продуманная боевая операция. Но коммунист Бадаев и другие амурцы отлично выполнили боевую задачу: десант был доставлен точно в назначенное место и в срок.

Здесь, на левом берегу Уссури, против села Васильевка вступили в первый бой амурцы из дивизиона канонерских лодок.

Вот что вспоминал о незабываемых минутах первого своего боя командир БЧ-5 канлодки № 36 Василий Иванович Бутиков: «Первыми к вражескому берегу устремились катера воинов-пограничников. Бойцам в зеленых фуражках здесь был известен каждый куст, каждая ложбинка, любой камушек на откосе уссурийского берега. Вот потому-то и доверили пограничникам «вскрыть» границу. Стремительный бросок с катеров на берег — и в японские доты полетели связки гранат, ударили минометы. На врага ринулись наши десантники...»

Скоро линия укреплений противника во многих местах была прорвана. У сопки Офицерской, прикрывавшей со стороны реки городок Жаохэ, солдаты залегли. Болото, подковой охватывавшее город, не позволяло здесь пройти нашим танкам. А о сопки японцы вели губительный прицельный огонь.

К реке ползли первые раненые. Появились убитые. И тогда вступила в бой корабельная артиллерия, прочертили небо огненными полосами «катюши» с бронекатеров.

Японцы перенесли огонь орудий укрепления на наши корабли. Взметнулись в небо пленные столбы воды. Осколки снарядов поражали надстройки, свистели на палубах. Вражеский снаряд, а затем второй, третий упали у борта канлодки № 30. Ниже ватерлинии под броней в нескольких местах пробило борт корабля. Упругая струя воды хлынула в машинное отделение, заливая слани, грозя затопить котел.

Старший матрос отделения борьбы за живучесть судна Устин Кузнецов наложил на пробойну шпигованный пластырь и уперся в него своим могучим торсом. Товарищи-матросы пустили в ход аварийные клинья, корабль продолжал сражаться.

Меньше часа потребовалось артиллерии дивизиона для подавления огня вражеского укрепления. Войска поднялись, пошли в атаку.

Десантная операция на реке Уссури завершилась успешно. Приказом Верховного Главнокомандующего 15 сентября 1945 года Третья бригада речных кораблей Краснознаменной Амурской флотилии, в составе которой сражался дивизион колесных канонерских лодок, была удостоена почетного наименования — Уссурийской.

Мутные воды незнакомой нашим речникам реки Сунгари несли смывтый с затопленных берегов мусор, сорванные где-то

в верховьях камышовые крыши китайских фанз, изодранные в клочья циновки, шепу и солому. Вода заливала берега, смывала выставленные лощманской службой створные знаки.

Пытаясь задержать продвижение боевых кораблей Амурской флотилии и вспомогательных транспортов с войсками, противник пускал по течению разбитые плоты и бревна. Корабли дивизиона часто обходили затопленные на судовом ходу баржи, видимо, уничтоженные японцами специально, чтобы затруднить движение по реке.

Военный лощман лейтенант Борщов шел на флагманской канлодке капитан-лейтенанта Бадаева. Вот когда пригодилось ему знание лощи левого чужеземного притока Амура, которую тщательно изучали военморы, готовя операцию.

Позднее, после окончания войны, амурский штурман Н. А. Борщов стал капитаном трехсотсильного буксира «Астрахань», водил по Сунгари составы с баржами, загруженными металлом и техникой, бензином и смазочными материалами. Советский народ, воспитанный Коммунистической партией в духе интернационализма, бескорыстно помогал китайским трудящимся строить новую жизнь, новое государство.

...После боя у Жаохэ за плечами у Третьей бригады остались операции по обеспечению переправы главных сил 15-й армии через Амур на участке село Ленинское — город Тунцзян. До прихода кораблей с Уссури эту задачу здесь выполняли соединения Первой бригады совместно с судами Амурского речного пароходства.

Когда корабли подходили к селу Ленинское, матросы и офицеры дивизиона колесных канонерских лодок с радостью приветствовали своих товарищей-речников, которые пришли сюда, чтобы помочь войскам Советской Армии переправить личный состав и технику через Амур. Военные моряки по признакам, известным лишь речникам, узнавали буксиры и баржи пароходства, работавшие на переправе: «Коккинаки», «Сормово», «Донбасс», «Грозный», «Астрахань»...

Позднее, когда будут подводиться итоги сунгарийской кампании, амурцы узнают, что только на переправе в районе села Ленинское буксиры и баржи пароходства за десять дней переправили более девяноста тысяч солдат и офицеров Советской Армии, 150 танков, 413 орудий, три тысячи лошадей и 28 тысяч тонн военного снаряжения, боеприпасов и продовольствия.

Потом были бои на подходах к Фуцзину, где корабли флотилии встретили сопротивление мощного укрепленного района. Здесь к действовавшим соединениям примкнула Вторая бригада речных кораблей флотилии.

При подходе к городу Цзямусы капитан-лейтенант Бадаев доложил командиру дивизиона Мельникову, что видны огромные

пожары. В городе гремели взрывы — это японцы уничтожали военные склады и казармы, учреждения и жилые дома. Здесь отличились моряки с бронекатеров и монитора «Ленин», смелым броском они вытеснили врага из прибрежного района и подготовили плацдарм для наступающих советских полков.

Путь от Саньсиня до Харбина проделали быстро и утром 20 августа прибыли в Харбин. Советских моряков тепло встречали тысячи жителей Харбина с цветами, транспарантами и флагами в руках. Со всех сторон можно было слышать возгласы «Советскому народу — ура!» Состоялся парад советских моряков. Моряки прошли четким шагом по улицам города под несмолкаемый гул и рукоплескания харбинцев. Многие жители провели у причалов порта всю ночь, расспрашивая советских моряков о жизни в Советском Союзе.

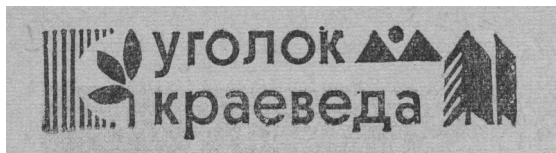
К 26 августа была полностью разоружена Сунгарийская флотилия противника. Она так и не покидала своей главной базы. Японские офицеры бежали, оставив на кораблях подрывные партии, которым надлежало затопить корабли при подходе советских войск к Харбину. Но этого сделать им не удалось. Китайские матросы сами расправились с подрывниками и сохранили корабли в строю.

В Сунгарийской операции достигнуто было надежное взаимодействие сухопутных войск и кораблей флотилии. Все задачи, которые ставились командованием, были выполнены, хотя времени на подготовку к боевым действиям практически было мало.

Войскам помогали и речники Амура. Транспортные суда вели опытные амурские капитаны, ходившие здесь еще до революции и помогавшие Особой Дальневосточной Армии в 1929 году, — среди них были старейшие речники Амура Д. Е. Ключко, Н. П. Корж и другие.

За проявленную отвагу, организованность и героизм в боях с японскими захватчиками Указом Президиума Верховного Совета СССР Третья бригада речных кораблей Краснознаменной Амурской флотилии была награждена орденом Нахимова I степени и именовалась «Третья Уссурийская ордена Нахимова бригада речных кораблей». Канонерской лодке «Пролетарий» была предоставлена честь носить гвардейский военно-морской флаг.

Свыше ста матросов, старшин и офицеров флотилии, бывших амурских речников, за героизм и отвагу во время боевых операций по разгрому Квантунской армии японцев были награждены боевыми орденами. Командир канлодки № 37 капитан-лейтенант В. А. Бадаев был награжден орденом Отечественной войны I степени, командир БЧ-5 корабля Н. П. Яловой — орденом Красной Звезды. Боевым орденом Красной Звезды были награждены офицеры колесного дивизиона, амурские речники В. Н. Бутиков, И. И. Попов.



Евгений СЫТНИКОВ

ЗАПОВЕДНЫЕ ЗЕМЛИ КРОНОЦКОГО

Мы летим над кальдерой вулкана Узон. Под нами — гигантская котлообразная впадина, расположенная на высоте 600—700 метров над уровнем моря. Дикие рваные скалистые стены окружают ее со всех сторон. Лишь в юго-восточном углу исполинского кратера река Шумная, выбегающая из озера, прорезает в левом плато узкий каньон.

Стоит солнечный сентябрьский день, и нам сверху хорошо видны Центральное озеро, блюдца небольших озер в северо-западной части кальдеры, желтое пятно березовой рощи, багровая тундра и лысые участки, от которых поднимаются столбы белого пара. На севере отливают свинцом воды кратерного озера Дальнего, окруженные шлаковым кольцом.

Вертолет садится на тундровую площадку. Мы выходим прямо в заросли голубицы. Это ее багровые кусты были так отчетливо видны сверху.

Наша экскурсия в кальдеру Узон и в Долину гейзеров началась...

Группу участников IV Всесоюзного вулканологического совещания построили на площадке перед палатками, и лесник Александр Стенченко произнес перед нами такую речь:

— Вы находитесь на территории Кроноцкого заповедника. Чтобы не нарушать биосенотоз, вам необходимо знать следующее. В кальдере можно ходить только по существующим тропинкам, удаляясь от них не более метра. Ягод не рвать ни в коем случае, так как может не хватить корма обитающим здесь птицам. В реке Шумной и озере Дальнем живет голец, но ловить его категорически запрещается: можно нарушить экологическое равновесие района.

И вот мы, выстроившись гуськом, идем по тропинке, «удаляясь от нее не более метра». Идем смотреть фумаролы и горячие источники — последние проявления активности вулкана Узон.

Более века назад кальдеру посетил Карл Дитмар — ученый, одним из первых описавший деятельность здешних термальных источников. Предоставим ему слово.

В своей книге «Поездка и пребывание в Камчатке в 1851—1855 гг.» Дитмар пишет: «Посреди зелени растительности здесь находилось место, около $\frac{1}{4}$ версты в поперечнике, совершенно лишенное всяких признаков растений. Множество плоских обнаженных глинистых и песчаных холмиков, с лежащими между ними такими же плоскими домиками, образуют почву этого места, из которого всюду... поднимаются многочисленные маленькие струи пара...

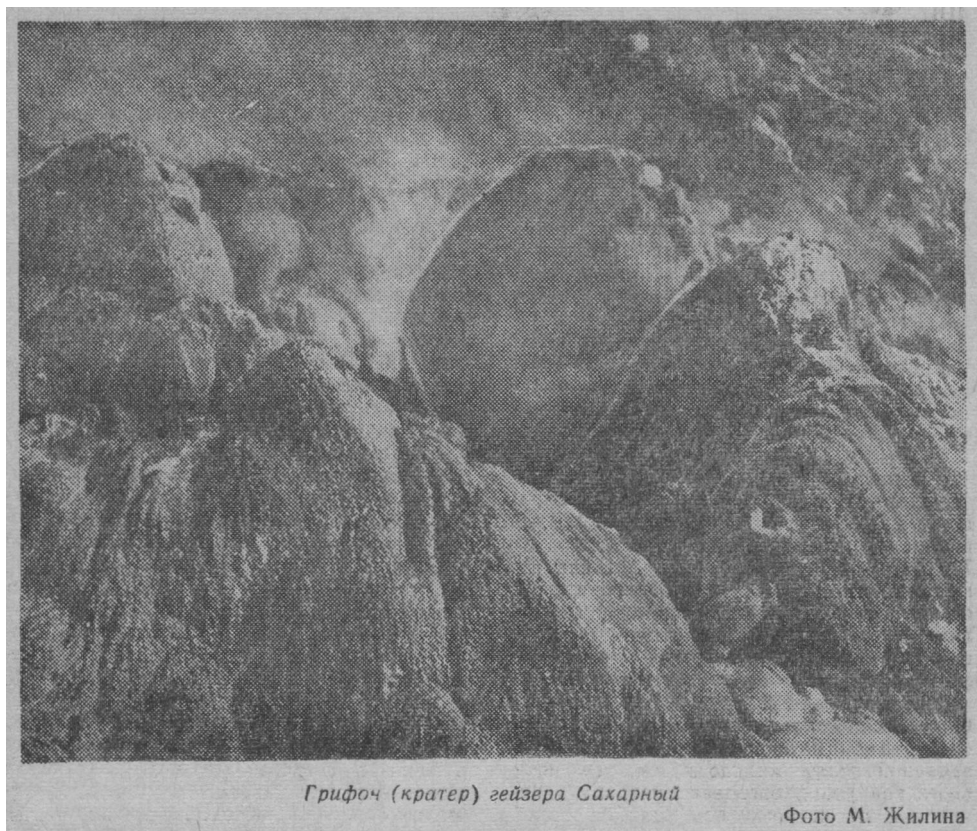
На этих холмах и между ними всюду в большом количестве видны конусообразно вырытые отверстия, в которых при высокой температуре кипит и бьет бурным ключом жидкая и очень тонкая светло-голубовато-серая глина... Каждый из этих маленьких конусов имел в середине своей маленький кратер, в котором кипела глина; в некоторых она переливалась через край наподобие потоков лавы... У подножия этих замечательных глиняных кратеров находится умеренно-теплый пруд, на котором я видел плавающих уток».

С тех пор прошло 120 лет. Но по-прежнему кипят в кальдере грязевые котлы, по-прежнему изливается из миниатюрных кратеров горячая глина, и так же парит кальдера, вознося к небу сотни туманных столбов и распространяя вокруг густой запах сероводорода. И в озерах по-прежнему плавают утки.

Туристский лагерь разбит в северной части кальдеры. Неподалеку от него высокими колоннами стоит над безжизненной площадкой пар, растекаясь вверх в грибовидное облако. Термальные поля... Земля под ногами дышит жаром, в бесчисленных воронках кипит вода, булькает жидкая розоватая глина, тут и там текут в небольшие озера горячие и холодные ручейки. Из многочисленных щелей со свистом вырываются струи пара.

— Как в преисподней. — мрачно пошутил кто-то.

Не знаю, не бывал. Мне эти термальные поля представились той уходящей в глубь веков первозданностью, когда Земля, постепенно остывая и успокаиваясь после



Грифоч (кратер) гейзера Сахарный

Фото М. Жилина

катастрофических извержений, начинала создавать жизнь. И мы, люди двадцатого века, стоя на термальных полях, словно переносимся «машиной времени» к началу начал, к бесконечно далеким временам когда мир был юн. Вот это и есть главное чудо кальдеры Узона. Забегая вперед, скажу, что на меня (да и на многих других участников нашей группы) Долина гейзеров в этом смысле произвела меньшее впечатление. Там хочется смотреть, здесь — размышлять о жизни.

Разнообразен животный мир Узона. Мы в своих походах по кальдере то и дело вспугивали стаи диких уток и куропаток видели лебедей, которые круглый год живут на теплых озерах. Лесник Стенченко рассказывал, что водятся здесь горные бараны, лисица, соболь, горностай, заяц, евражка.

А однажды к нам в лагерь пришел медведь. Пришел среди бела дня, ничуть не смущаясь тем обстоятельством, что более тридцати взрослых дядей и тетей, возбужденно крича и толкаясь, торопливо щелкали затворами фотоаппаратов, стремясь подойти к нему как можно ближе. Он спокойно стоял на противоположном берегу ручья — огромный, мощный, с белесой мордой и густой темно-коричневой шерстью на спине и груди. Каких-то шесть-семь метров разделяли его и нас. Вернее, его

и кашу, которая варилась на костре. Медведь задира морду, жадно нюхал воздух, идущий к нему от костра, и хмуро поглядывал на нас — назойливых и шумных. Потом повернулся и неторопливо пошел к мусорной яме. Не дают, мол, попробовать свежей каши, так полакомлюсь обедками...

Профессиональный охотник Хантер, долгие годы живший в Африке, в своей книге «Охотник» рассказывает об экспедиции в кальдере вулкана Нгоро-Нгоро. Там он и его спутники видели большие стада диких животных, пасущихся в котловине кальдеры. У нас на Камчатке Узон, пожалуй, — единственное место, где в течение одного дня можно встретить самых различных представителей животного мира. Увидеть их в естественном состоянии, сосуществующих рядом с человеком и в то же время совершенно независимо от него. Это еще одно чудо кальдеры вулкана Узон. Чудо, которое необходимо всячески сохранять, не нарушая того экологического равновесия, о котором мы уже говорили,

Что же собой представляет кальдера Узон? Как образовалась эта гигантская котловина, в результате каких геологических потрясений? Что происходит в ней сейчас?

Исследования в этом районе ведутся давно. После Карла Дитмара научную работу вели здесь известные русские и советские ученые В. Л. Комаров (1909), Б. И. Пийп (1937), С. И. Набоко (1954). В середине шестидесятых годов в кальдере работала большая группа вулканологов: В. В. Аверьев, Г. Е. Богоявленская, О. А. Брайцева, Е. А. Вакин, С. Ф. Главатских, С. И. Набоко, Г. Ф. Пилипенко. Сейчас здесь ведет исследования отряд Института вулканологии под руководством кандидата геолого-минералогических наук Г. А. Карпова.

Б. И. Пийп объясняет образование кальдеры следующим образом. Когда-то Узон был коническим стратовулканом, с конусом высотой порядка трех тысяч метров над уровнем моря. В период между 80—50 тысячами лет до нашей эры происходила серия крупных извержений вулкана, вследствие чего конус обрушился и образовалась колоссальная вулканическая депрессия — кальдера, размером девять на двенадцать километров. Более поздние исследования показали, что в районе нынешней кальдеры было несколько вулканов (в том числе и Узон), извержения которых и привели к образованию этой гигантской воронки. В результате извержений было выброшено 150—200 кубических километров вулканического материала. Для сравнения: объем выброшенного материала во время катастрофического извержения вулкана Кракатау составил восемнадцать кубических километров.

Последним актом этого геологического катаклизма было образование в северо-восточном углу кальдеры маара — кратерной воронки диаметром около одного километра, заполненной водой. Это озеро Дальнее. Кольцевая стена кратера представляет собой обрывы высотой шестьдесят метров.

Вулканическая деятельность на Камчатке в силу малозаселенности полуострова практически не отражалась на жизни и деятельности народностей, ее населяющих. Но известно немало примеров того, как геологические катастрофы становились трагедиями целых народов.

Знакомясь с материалами по вопросам образования кальдеры Узон, я невольно вспомнил историю взрыва другого вулкана, уничтожившего высокоразвитую древнюю цивилизацию. Эхо этого гигантского извержения отразилось в Ветхом завете, в легендах и мифах древних греков, египтян, евреев.

Зарубежные ученые Д. Нинкович и Б. Хейзен, выступая с докладом на Кольстонском симпозиуме (Англия) в 1965 году, рассказали об извержении вулкана Санторин. Он находится в 120 километрах к северу от острова Крит, располагаясь в пределах дуги потухших вулканов Эгейского моря. Катастрофическое извержение около 1400 года до н. э. разрушило остров. Облако, образовавшееся из выбросов газов, паров и пепла, покрыло весь Крит,

многие районы Пелопонесса и Малой Азии. Волны цунами, которые неслись со скоростью триста пятьдесят километров в час, обрушились на северный берег Крита. Через три часа после извержения огромные волны затопили прибрежные земли Северной Африки и Аравийского полуострова от Туниса до Сирии. Катастрофа сопровождалась сильными землетрясениями и воздушными волнами.

В то время на островах Эгейского моря существовала так называемая минойская цивилизация — первая доэллинская цивилизация, с политическим и культурным центром на острове Крит (ее еще называют критской). После одновременного разрушения всех минойских городов критская цивилизация перестала существовать. На смену ей приходит микенская цивилизация материковой Греции.

События, связанные с извержением Санторина, — тучи пепла, вызвавшие солнечное затмение, разрушительные волны цунами, затопившие огромные территории суши, адский грохот взрывов, землетрясения, пожары — все это нашло отражение в египетских священных книгах, устных сказаниях, песнях и легендах той эпохи. Историки давно отмечали сходство между событиями, изложенными в египетской письменной и устной литературе, и бедствиями, описанными в Ветхом завете. Ученые считают, что именно в результате катастрофы острова Санторин родились в древние времена мифы и легенды о всемирном потопе, исходе израильтян из Египта, предсказания о приходе мессии и многие другие, дошедшие до нашего времени. Д. Нинкович и Б. Хейзен полагают, что и сказание о гибели легендарной Атлантиды — это отголоски минойской цивилизации, разрушенной катастрофическим извержением Санторина...

А теперь вернемся в кальдеру Узон. Сегодня она привлекает внимание вулканологов как район интенсивной гидротермальной деятельности. Естественная тепловая мощность термопроявлений узонско-гейзерной депрессии, по данным специалистов («Вулканы и геотермы Камчатки», Петропавловск-Камчатский, 1974), составляет 140 тысяч ккал/сек. Чтобы читатель мог зримей представить себе, сколько тепла выделяется в этом районе, скажу, что на этом тепле могла бы работать электростанция мощностью 100 тысяч киловатт.

В кальдере «собраны» все формы гидротермальной деятельности — и в этом ее уникальность. Бурлящие и кипящие воронки, грязевые котлы и вулканчики, парящие площадки с выходами воды, газа и пара... Главные участки термопроявлений находятся севернее озера Центрального, располагаясь на полосе длиной три километра и шириной двести-четыре метра.

Таковы основные сведения об узонской кальдере — уникальнейшем уголке Камчатки. Но, прежде чем покинуть ее, напомним читателю, что в кальдере уже не-

сколько лет функционирует турбаза. Со всех концов страны едут сюда туристы — от школьника до академика. За семнадцать дней пути многое успевают увидеть на вулкане Бурлящем, в кальдере Узон, в Долине гейзеров. Но многое ли успевают узнать?

Инструкторы, которые ведут группы по маршруту, как правило, не специалисты. Сведения, доведенные ими до туристов, сводятся лишь к параграфам запретительного характера: чего нельзя делать в заповеднике. А откуда туристы могут почерпнуть сведения познавательные, без чего семнадцатидневный поход по этим удивительно интересным местам превращается в бездумную развлекательную прогулку? Кто, где, когда популярно описал, к примеру, историю возникновения кальдеры или Долины гейзеров, их научную ценность? Ни популярных книг, ни брошюр о Кроноцком заповеднике нет. Изучать инструкции о правилах поведения в заповеднике? Замечу: бесперспективное это занятие.

Наша группа покинула кальдеру Узона в 10 часов утра. Накануне руководители экскурсии планировали выход на три часа раньше, но густой туман, накрывший котловину ночью, задержал нас.

И вот наконец мы идем, вытянувшись прерывистой цепочкой, по восточному склону кальдеры, держа направление туда, где река Шумная убегает в сторону Долины гейзеров. Узкий клинообразный каньон, по дну которого течет река, был образован прорывом вод некогда гигантского озера, расположенного в западной части кальдеры.

Как совершаются такие прорывы? В течение длительного времени небольшой поток воды долбит и долбит себе дорогу в скальном грунте, упорно выискивая наиболее рыхлые, податливые породы; методично «пропиливая» их, он постепенно расширяет русло, готовя дорогу для основных масс воды. Все это время озеро находится в напряженном состоянии, готовое излиться, как только поток пробьет ему путь в горах. И, когда этот момент наступает, огромные массы воды устремляются вниз, разрушая стены каньона и расширяя их.

Именно поэтому мы нередко встречаем на Камчатке некие внешние парадоксы: долины рек, текущих в горах, бывают неизмеримо шире самих речек. Примером такого несоответствия может служить Долина гейзеров и речка Гейзерная, текущая по ней. Долина ниже водопадов расширяется до трех с половиной километров и в глубину уходит на полкилометра. А речка — ее можно преодолеть в три прыжка...

Мы проходим невысокий увал, где тропинка вьется в кедровых, и спускаемся вниз, к левому берегу реки Шумной. Она течет здесь неторопливо, плавно, делая причудливые петли по дну каньона. Идем по крутому берегу, мимо белых пемзовых озерных отложений. Специалисты считают,

что в пределах Узонско-Гейзерной депрессии существовал не один озерный бассейн, а система озер. По берегу реки, вдоль тропы, обнажаются отложения второго, более молодого озера. Его уже нет — река унесла его воды в океан. Но геологи, читая «книгу» береговых отложений, уверенно прослеживают и возраст водоема, и его бывшее местоположение.

На крутых белых осыпях группа неожиданно замирает. Стоим, зачарованные картиной, открывшейся у нас под ногами: в прозрачных водах Шумной, у самого берега, неторопливо плавают большие рыбы. Это горный голец. Рыб много, они то и дело собираются в стаи по десять — пятнадцать штук и плывут вдоль берега, словно демонстрируя себя. Прямо как в аквариуме...

Шумная уходит вправо, а группа, обойдя высокую сопку, удаляется в широкую долину с болотистым дном. Осенние краски полыхают на крутых склонах, чавкает под ногами вода, неистовствует солнце в прозрачном горном воздухе, и стоит та оглушительная тишина, которую мы, горожане, с непривычки воспринимаем чисто физически: она давит на барабанные перепонки, и невольно оглядываешься в поисках источника раздражения. А источник — тишина...

Начался затяжной подъем на перевал, за которым нас ждет Долина гейзеров. Мы взяли его сравнительно легко, а потом, «форсировав» речку Сестренку, стали углубляться в долину. Туда вел узкий каньон, по которому тропа стремительно петляла, как заяц убегающий от погони.

Гейзеры, как и положено чуду, открываются неожиданно. Крутой, дух захватывающий спуск в глубокое ущелье. Сползаем почти на четвереньках, цепляясь за корни деревьев, буквально выбитых из-под земли ногами бесчисленных туристов, прошедших здесь до нас. Мы катимся вниз, думая лишь о том, чтобы удержаться, устоять на этом неверном крутом склоне. Мы уже чувствуем, догадываемся, мы уже наверняка знаем, что вот-вот что-то должно произойти, что-то должно совершиться. И ноги, уставшие от затяжного спуска, в последнем усилии цепляются за эти бесчисленные обнаженные корни, тормозят, скользят, нащупывают тропу, словно чувствуют, что скоро финиш, конец (или начало) нашего путешествия.

И вот — свершилось! Мы стоим на плоском выступе, а под нами спрессованная, зажатая чудовищной силой в узком каньоне, дымит, клокочет, изливается и фонтанирует Долина гейзеров. От противоположного крутого склона тут и там поднимается пар, белые облака которого висят над каньоном. Тишина...

Встретивший нас сотрудник заповедника сказал, что гейзер Великан будет работать примерно минут через сорок, и увел группу вверх по ущелью. Успеем, мол, вернуться... А я остался. Видимо, потому что просто устал. Сидел на рюкзаке, смотрел



В Долине гейзеров

вниз, где с грохотом неслась речка Гейзерная и клокотала в каменных воронках горячая вода, стекая по крутым уступам небольшими водопадами,

И мне повезло. Грифон Великана стал быстро наполняться: вода кипела, выплескивалась через края, текла вниз, к речке.. И вдруг раздался грохот, из грифона вырвался огромный столб воды и пара и устремился вверх, заполняя собой ущелье. Сколько это длилось — минуту, две? Не помню. Клубы белого пара достигли верхних краев каньона, а потом стали медленно оседать, растворяться в воздухе... Земля вздохнула...

Долину гейзеров открыла в апреле 1941 года геолог, сотрудник Кроноцкого заповедника Татьяна Ивановна Устинова. Вот как она сама пишет об этом: «Весной 1941 г. при обследовании долины р. Шумной, впадающей в Кроноцкий залив, в удаленной и с моря труднодоступной части этой долины, нами был обнаружен активно действующий источник — гейзер, впоследствии получивший название Первенец, и близ него ранее не известный крупный приток Шумной с теплой водой.

Летом того же года заповедник организовал специальный выезд для обследования этой теплой речки. Достичь ее удалось со стороны верховий. В результате рекогносцировочного осмотра в долине было обнаружено несколько крупных гейзеров и много активно пульсирующих горячих источников разной величины, в том числе весьма мощных; река была названа нами Гейзерной».

Так скромно, в стиле истинного ученого, рассказала Татьяна Ивановна будущим посетителям этих мест о своем уникальном открытии.

Сейчас все просто. Вертолет доставит вас в любую точку полуострова — и вы с воздуха сможете увидеть то, что недоступно человеку, с трудом пробирающемуся сквозь горные ущелья, бесконечные заросли кедрача, через хаотические нагромождения каменных глыб, через пороги и водопады горных рек. И тем удивительней открытие Т. И. Устиновой, которая вдвоем с проводником поднялась вверх по Шумной — коварной и опасной горной реке. И не просто поднялась — открыла гейзеры Камчатки, собрание которых с тех пор

стало одним из лучших в мировой коллекции этих источников.

История любого открытия полна внутреннего драматизма. Вспомним, с каким нетерпением, преодолевая бесчисленные опасности, стремились к Южному полюсу английский исследователь капитан Скотт. А когда достиг заветной цели, его ждало жестокое разочарование: незадолго до него на Южном полюсе побывала норвежская экспедиция. И, быть может, именно сознание бесполезности тех нечеловеческих усилий, которые пришлось приложить Скотту, чтобы достичь самой южной точки планеты, ускорило драматическую развязку: он и его товарищи погибли на обратном пути, были погребены в белом безмолвии Антарктиды.

С Долиной гейзеров дело обстояло иначе. Ее никто не стремился открывать. Больше того — до Устиновой ни один человек просто не знал о ее существовании. А проходил мимо многие. Прошел в 1853 году Карл Дитмар, стремясь до первого снега достичь устья реки Шумной. Почти по самому борту каньона шел и академик Комаров — и даже видел облака пара, поднимавшиеся из ущелья. Но принял их за уже знакомые ему по другим местам фумаролы. Ходил в этих местах и Б. П. Пийп. Но никто не спустился в долину.

Гейзеры на речке с тем же названием находились в сторону от находящейся тропы... Правда, сегодня дорога в Долину так «накатана», такие бесчисленные массы туристов прошли по ней, что просто не верится, что еще совсем недавно гейзеры были труднодоступными. Но ведь это сегодня...

Ущелье, где расположены гейзеры, называют Долиной тысячи дымов, Полеми битвы титанов, Серебряным каньоном, Долиной утренних рос... Но эти поэтические образы, прекрасные сами по себе, мало что рассказывают об уникальном творении природы, о причинах его зарождения и механизме действия.

А действительно, что такое гейзеры?

Гейзеры — это периодически бьющие горячие источники. Названы они по имени исландского Большого Гейзера, изучение режима работы которого положило основу для научного объяснения деятельности подобных источников.

Давно уже в географической науке существует понятие «самый». Самый активный вулкан мира... Самая большая река... Самое низменное место на Земле... Самая высокая вершина планеты... Но вынужден разочаровать читателя: самый мощный гейзер находится не у нас, а в Новой Зеландии. Его зовут Вайманг; во время извержения он выбрасывает струю воды на высоту 450 метров, выливая в этот момент 600 тысяч литров воды. Я видел, как фонтанирует камчатский Великан, — это потрясает. У него струя воды вылетает на высоту 25—30 метров, а столб пара поднимается до 300 метров. Представляю, ка-

кое фантастическое зрелище являет собой извержение Вайманга...

Гейзеры известны людям с древнейших времен. Первые были обнаружены в Исландии — стране, по своим климатическим условиям во многом сходной с Камчаткой. Гейзеров здесь много, расположены они, в основном, у края огромной ледяной пустыни, которая образует возвышенное плоскогорье острова.

Кроме Исландии и Новой Зеландии, гейзеры обнаружены в Америке (Йеллоустонский национальный парк), Японии, Новой Гвинее, на Тибете, в Чили, Гватемале, Коста-Рике. Как считают специалисты, камчатские гейзеры по силе извержений не уступают гейзерам Америки и Исландии.

Теорий о механизме действия гейзеров существует много, но самое точное объяснение дали сравнительно недавно советские ученые. Внешние проявления деятельности гейзеров может проследить каждый. После извержения (или фонтанирования, выброса воды) гейзер какое-то время находится в состоянии покоя. Потом начинается стадия наполнения воронки горячей водой, которую подпирают новые порции, более нагретые, — и в результате мы видим стадию излива. Вода пока имеет температуру ниже точки кипения. Но мы уже ждем: вот-вот состояние относительного покоя закончится, и гейзер начнет извергаться... Все эти стадии у разных гейзеров (по времени) различны, зависят они от многих причин. Принципиально важно главное — в любом случае достигается один, необходимый для действия гейзера эффект: наступает такой момент, когда очередной выплеск перерастает в мощный выброс воды и пара.

Но что же происходит там, в глубине канала? Какие силы заставляют гейзер периодически извергаться?

На Паужетских термальных источниках давно ведут исследования камчатские вулканологи. Сотрудники Института вулканологии В. В. Аверьев и В. М. Сугровов в 1966 году блестяще провели оригинальный научный эксперимент. Они создали гейзерный режим на пробуренной скважине. Это позволило им с максимальной достоверностью объяснить механизм действия гейзеров. В книге «Паужетские горячие воды на Камчатке» Аверьев и Сугровов пишут: «Гейзеры представляют собой разновидность пароводяных кипящих источников. Обязательным условием существования гейзеров является питание их термальными водами с температурой значительно выше ста градусов: только в таком случае вода при приближении к поверхности может вскипеть, а упругость пара будет достаточной для преодоления давления и выброса водяного столба...

В отличие от непрерывно действующих пароводяных источников, образовавшийся в канале гейзера пар в своем движении намного опережает породившую его воду».



Кулики

Именно эффект опережающего движения пара в канале гейзера и является основой формирования гейзерного режима в термальных источниках.

Вот, пожалуй, и все о гейзерах. Но я отлично понимаю, что (вольнo или невольнo) своим очерком о Долине создаю ей некую рекламу. А этого делать мне не хочется ни в коем случае. И не потому, что автор — эгоист. Просто сегодня дела в Долине обстоят таким образом, что ее впору закрывать от любознательных и, заметим, не всегда корректных туристов. Заповедные земли Кроноцкого требуют к себе самого пристального внимания нашей общественности.

Сегодня ученые многих стран мира, занимающиеся изучением экологических проблем, приходят к безусловному выводу, что человек все более активно влияет на природные процессы, причем, часто влияет отрицательно, нарушая экологическое равновесие, разрывая естественные связи между растительным и животным миром, созданные тысячелетиями эволюционного развития.

Несколько хрестоматийных примеров. Ученые с горькой иронией говорят о том, что древнегреческую цивилизацию уничтожили козы: интенсивно поедая кустарники и травы на склонах гор, они разрушали биологическую систему, ускоряли эрозию почв. Французский ученый Жан Дорст в своей книге «До того, как умрет природа» пишет о том, что в результате варварского уничтожения совершенно исчезли с лица земли 310 видов млекопитающих, 320 видов птиц и более 90 видов рыб. По данным комиссии ЮНЕСКО, в 1969 году от морских перевозок и добычи нефти в прибрежных водах в океан попало нефти в 20 раз больше, чем от естественного загрязнения.

Этот печальный перечень можно продолжить. Но суть не в количестве примеров. Важно понять главное: любое вмешательство человека в природные процессы не остается без последствий. Причем, по-

следствия нередко оказываются трагическими.

Общезвестно, что природа Камчатки уникальна. Мы, жители полуострова, с законной гордостью говорим и о сказочной красоте окрестностей Эссо, и о целебных свойствах начикинских и паратунских источников, и о неповторимости Долины гейзеров, и о величественной панораме кальдеры вулкана Узон... Да, нам есть чем гордиться, есть что прославлять. Но, как гласит восточная мудрость, если новорожденного подержат сто рук, пусть даже самых нежных, он заболит. Так и с нашими камчатскими красотами. Сегодня приходится не прославлять их, а защищать. И прежде всего защищать Кроноцкий заповедник.

У него сложная, запутанная судьба. Создан он был еще в 1882 году как соболиный заказник. Но шло время, и о заказнике постепенно забыли, уникальные земли оказались безнадзорными. Лишь в 1936 году, после работы на Камчатке комплексной экспедиции Академии наук СССР, Кроноки были объявлены соболиным заповедником. Тогда же здесь начались первые научные исследования, в частности, геологические. Но в 1951 году Кроноцкий заповедник по необъяснимой причине ликвидировали... А через шесть лет создали вновь. Наступил 1963 год — и опять не стало заповедника. Прошло четыре года. Кроночские земли снова (надолго ли?) объявлены заповедными.

Закрыли — открыли... Эти непонятные манипуляции не пошли на пользу уникальному уголку нашего полуострова. Научные исследования в этих местах проводились урывками. И не случайно, что до сих пор не проведена инвентаризация фауны и флоры Кроноцкого заповедника. А ведь это начало начал любой научной работы в заповедных землях. Прежде чем охранять, надо точно знать, кого и что охранять.

В начале шестидесятых годов беспризорные земли «захватили» областной совет по туризму. И начал напористо, деловито и абсолютно безграмотно эксплуатировать, их. Приведу выдержки из рекламного про-



спекта о Долине гейзеров, выпущенного в Москве по заказу Камчатского областного совета по туризму: «Что может быть лучше сувениров, добытых самим путешественником! Привезенные домой ракушки, крабы, морские звезды, прекрасная ветка кораллов долго будут напоминать о чудесной земле камчатской... А вот рыбакам на привале у реки Новый Семьячик можно блеснуть мастерством. В ручьях в изобилии водится голец, ничем не уступающий форели... День туристов заканчивается конкурсом на лучшее приготовление блюд из даров природы... В пути встречаются нерестилища лососей: кеты, горбуши, кижуча».

Это напечатано в 1972 году, через пять лет после объявления кроноцких земель заповедными. Щедрый у нас областной совет по туризму! Взял и объявил на всю страну: приезжайте, дорогие туристы, и владейте! Ловите рыбу, готовьте блюда

из даров природы, не обходите стороной нерестилища лососевых! Увозите с собой сувениры!

И все это происходит в заповеднике, в местах уникальных, неповторимых и, заметим, невозстановливаемых. Просто диву даешься: откуда идет это непонимание элементарных азбучных истин? Кто, где, когда внушил работникам областного совета по туризму, что им все позволено?

А никто. Сами. Еще в то время, когда не было заповедника. С тех пор и орудуют, как бог на душу положит.

Сколько писалось за последние годы о Кроноцком заповеднике! Нет пешеходных дорожек, мостов, не оборудованы смотровые площадки... Уничтожаются деревья, кустарники, гейзериты... Какой-то прохвост бросил камень в жерло гейзера... Туристские лагеря примитивны, в них негде обсушиться и согреться в непогоду... Туристы уничтожают флору и фауну заповедника...



Бурый медведь — обитатель Узона

А областной совет по туризму и в ус не дует. В чем причина?

В бесчисленных спорах мы как-то упустили из виду, что Кроноцкий заповедник подчиняется не областному совету по туризму, а Главному управлению охотничьего хозяйства и заповедников при Совете Министров РСФСР. В Положении о государственных заповедниках говорится, что они создаются с целью охраны редких или ценных животных и растений, а также для изучения процессов, протекающих в природе. Любая хозяйственная деятельность, отрицательно влияющая на флору и фауну, в заповедниках категорически запрещается.

Так что Кроноцкий заповедник находится под охраной закона. Вот с этих позиций, на мой взгляд, и нужно сегодня говорить об этом уникальном уголке нашего полуострова, нашей республики, нашей страны.

Туристский маршрут в том виде, в каком он находится сейчас, наносит непоправимый вред заповеднику. И пора бы уже нам опустить полемические копы, открыть забрала и применить закон об охране заповедника. На Камчатке существует организация, которая правомочна это сделать. Я имею в виду дирекцию Кроноцкого заповедника.

К сожалению, эта организация ведет себя на удивление пассивно. В Долине гейзеров и кальдере Узон, правда, на свой страх и риск что-то пытаются делать лесники. Можно спорить по поводу мер, которые они принимают, охраняя природу от бесчисленных туристов, но нужно отдать должное их искреннему желанию сохранить Долину и кальдеру в первоздан-

ном виде. В других местах заповедника нет и этого контроля.

Среди научных сотрудников заповедника нет ни одного специалиста-вулканолога. Правда, в кальдере Узон и в Долине гейзеров ведут исследования ученые Института вулканологии. Но работники заповедника, вместо того, чтобы установить с институтом тесные научные контакты, нередко мешают вулканологам работать, ставя всевозможные ограничительные условия. О подобных «контактах» мне рассказывал начальник гидротермального отряда на Узоне кандидат геолого-минералогических наук Геннадий Карпов.

Тут есть над чем задуматься. С одной стороны, заповедник отдан на откуп туристам, с другой — изучается слабо, научные работы продвигаются медленно (я уже говорил о том, что до сих пор не проведена инвентаризация фауны и флоры). И выходит, что Положение о государственных заповедниках в нашем примере не выполняется.

Автору приходилось бывать в различных заповедниках страны: Беловежской пуще, Аскании-Нова, Воронежском, Ильменском. Там туризм введен в очень жесткие рамки, посетители имеют право осматривать строго определенные места (все они прекрасно оборудованы) и обязательно в присутствии сотрудника заповедника. Отлично поставлена в них и научная работа. Этого, к сожалению, не скажешь о Кроноцком заповеднике. А он представляет собой «одну из немногих и самую крупную в стране природную лабораторию для изучения процессов термальной деятельности, и, в частности, термального рудообразования», как сказал о нем академик А. Л. Яншин.

Поэт о поэте



В 1934 году, когда Московское товарищество писателей выпустило тоненькую книжку Ильи Сельвинского «Тихоокеанские стихи», я был учеником 7-го класса. Все мы тогда буквально бредили подвигами, авиацией, дальними суровыми походами. Каждому хотелось быть настоящим человеком. И человек этот чаще всего представлялся нам рослым, плечистым мужчиной в кожаном реглане, в лихо заломленной набекрень (или же, наоборот, низко надвинутой на глаза) советсрфлотовской форменной фуражке. Ведь 1934 год — год «Челюскина», год первых Героев Советского Союза, год капитана Воронина и профессора Шмидта. И именно таким глядел на нас с голубой суперобложки автор книги — поэт Илья Сельвинский.

Мне особенно с того времени и на всю жизнь полюбили стихотворение И. Сельвинского (почему-то не вошедшее ни в одну из его последующих книг) — «Марш океанского полка». Романтика морской пограничной службы сочеталась тут с необыкновенным ритмом, напоминавшим ритм океанского прибоя, звонкой изощренной

рифмой, «густой», как говорили тогда, образностью:

Там, где курится Курильская гряда,
Где в вулканах раскаляется руда—
Выполняет свой гражданский

Долг
Пограничноокеанский
Полк.
И граница дни и ночи
Начеку,
Не завалится-то очень
На щеку.
И граница дни и ночи
Боевые щурит очи —
Пограничник дни и ночи
Начеку.

Каждому времени — свои настроения. Прошли годы. И я пережил полосу увлечения творчеством другого поэта. Также писавшего о романтике пограничной службы, также беспрдельно увлеченного неоглядными просторами и подвигами. Но воспринимавшего эти просторы по-иному и писавшего о них по-своему. Звали этого поэта Петром Комаровым, и стихи о пограничье звучали у него так:

Надо мной изогнулись
Крутые дороги вселенной.
Разводящий с постами
Еще не пришел на развод.
Тишина и песок.
И звезда, что горит иступленно...
Так кончается полночь
И утро на смену идет...

Даже по этим отрывкам нетрудно понять, что у второго поэта меньше эксцентризма, изощренности, игры словом, больше задушевности, больше естественности, так и рвущегося из души чувства. А размах вселенский все тот же. И любовь к природе, особенно поражающей воображение, — дальневосточной природе — все та же.

И вот недавно, перечитывая произведения любимых поэтов, я подумал: а были ли у них еще какие-нибудь точки соприкосновения, не сохранились ли в их ар-

хивах какие-либо отзывы друг о друге? И стал копаться в библиографических справочниках.

Возможно, знатокам творчества И. Сельвинского и П. Комарова мои предположения и поиски покажутся наивными. Но я бесконечно был рад, обнаружив (а это не так-то уж трудно было обнаружить), что автор «Тихоокеанских стихов», оставил два отзыва о творчестве автора «Золотой просеки» и «Зеленого пояса».

Что ж, читаем их.

Редактор «Октября» Ф. И. Панферов задумал опубликовать на страницах журнала подборки стихотворений наиболее интересных поэтов, относившихся в то время к среднему и младшему поколению. Каждую подборку должна была предварять небольшая заметка, принадлежащая перу поэта более известного, начавшего свой творческий путь значительно раньше. К сожалению, этот замысел не осуществился, подборки стихов стали появляться на страницах «Октября» без всякого сопровождения...

Однако И. Сельвинский, деятельный сотрудник журнала, серьезно отнесся к воплощению намерений своего редактора. Он написал две кратких, но чрезвычайно емких и выразительных заметки, посвященных Галине Морозовой и Петру Комарову. Вот эта-то последняя заметка меня заинтересовала.

К счастью, она сохранилась в архиве поэта Льва Озерова и опубликована им в журнале «Вопросы литературы» (1970, № 2). Стремясь подметить, выделить, выпятить самое существенное в манере, почерке, характере творчества автора «Маньчжурской тетради», И. Сельвинский писал: «В лирике дальневосточного поэта Петра Комарова немало положительных сторон. Она располагает к себе читателя свежестью мыслей, благородной простотой стиля, естественностью интонаций, неожиданностью концовок. Но если все эти достоинства довольно часто можно встретить и в стихах других поэтов, то такого острого ощущения Дальнего Востока, как у Комарова, я у других поэтов не помню» (с. 160).

Эта лаконичная похвала звучит в данном контексте особенно выразительно: ведь мы-то знаем, что особенно «острым ощущением Дальнего Востока» обладал и сам И. Сельвинский. И вообще для нас, литературоведов, любителей и ценителей советской поэзии, в этом отзыве многое знаменательно: поэт учит нас тому, как распознавать и выразительно характеризовать поэтические достоинства творений мастера. «Свежесть мыслей», «благородная простота стиля», «естественность интонаций», «неожиданность концовок»... Каждое из этих замечаний само по себе может показаться даже несколько банальным. А вот все вместе они звучат неожиданно, оригинально, дают отчетливое понятие о самой сущности поэзии П. Комарова.

От общей характеристики его творче-

ской манеры И. Сельвинский переходит к наблюдениям над стилем одного стихотворения. Эта часть заметки воспринимается как удачно приведенный пример. И пример этот помогает старшему поэту довести до конца выявление сущности индивидуального почерка своего младшего товарища. По мысли И. Сельвинского, Петр Комаров — «поэт с обостренной культурой метафоры». Эта мысль иллюстрируется разбором стихотворения «Ночной пейзаж». Мне захотелось восстановить в памяти этот маленький шедевр П. Комарова. Вот он:

Стынет небо сизое,
Звездами пыля,
И шумят чумизой
Черные поля,
И деревня сонная
Залегла у гор.
Валом обнесенная,
Как тюремный двор.
(1945)

А вот замечания И. Сельвинского: «И шумят чумизой черные поля...» Вы не знаете, что такое «чумиза»? Тем лучше. Незнание это лишь углубит ощущение не нашей нивы с ее знакомой зеленью... Спящая деревня, обнесенная валом, «как тюремный двор», — это весит больше целого исследования о страданиях китайского крестьянства» (с. 160).

Добавить тут нечего. Хочется заметить только, что звучат эти строки и сейчас, спустя почти тридцать лет после их написания, чрезвычайно современно. Все тут тонко подмечено, точно, остроумно сказано. Обидно только становится при мысли о том, что Петр Степанович не был, по всей вероятности, знаком с текстом этой выразительной заметки Ильи Львовича. Зато с удовольствием и пользой для дела мог он прочитать другой отзыв маститого поэта...

Речь идет о рецензии И. Сельвинского на сборник стихов П. Комарова «Под небом Азии» (выпущенный в 1947 году, в Москве издательством «Советский писатель»). Рецензия называлась «Поэт и его кругозор» и была опубликована в четвертой книжке «Нового мира» за 1948 год.

«Года два назад, — писал И. Сельвинский, — в одном из номеров журнала «Октябрь» я обратил внимание на несколько стихотворений, подписанных П. Комаровым. Стихи Комарова говорили о его наблюдательности и хорошем чувстве колорита. Я запомнил имя Комарова и ждал его новых стихов. И вот они передо мной, напечатанные чуть ли не петитом в маленькой песчаного цвета книжечке с непомерным названием «Под небом Азии». Перелистывая страницы сборничка, я хотел убедиться в том, что не ошибся в первом впечатлении. И я действительно не ошибся...» (с. 312).

В сборник произведений П. Комарова «Под небом Азии» вошли, как известно, его стихотворные зарисовки, созданные

под непосредственным впечатлением от участия в освободительном походе Советской Армии в Маньчжурию, северную Корею. Стихотворения этого сборника овеяны пафосом справедливой борьбы с насилием и интервентами. Много в них и зорких наблюдений над жизнью людей, малознакомых, но близких по принадлежности к великой всемирной семье тружеников. Много в них и выписанных акварелью и гуашью картин природы. Все это сразу же подметил и отметил рецензент.

«Монгольский цикл сменяется маньчжурским — корейским, и вы остро ощущаете своеобразие этих краев, — писал И. Сельвинский. — Оно создается не просто внедрением в русскую лексику экзотических слов типа «черемша», «гаолянь» или «фанза», но хорошо схваченными деталями, отменно выполненной живописью.

Мерцает и качается едва

Цветной фонарь из рисовой бумаги, —

говорит он в стихотворении «Санчагоу», и эта рисовая бумага дает ясное и яркое впечатление о фонаре» (с. 312). «...Но Комаров не только живописец. Он прекрасный график с очень скупой, но четкой манерой. Нелегко написать законченное стихотворение в четыре строчки. Комаров отменно справляется с этой задачей:

РИКША

Он возит всех. Его коляска тут

И день и ночь мелькает на дорогах.

А час придет — и рикшу повезут,

Но только раз.

На похоронных дрогах» (с. 312).

Вот эта-то афористичность, чеканность, точность словесного рисунка, в высшей степени присущая и самому автору «Тихоокеанских стихов», заметно импонирует И. Сельвинскому. Ему хотелось, чтобы это свойство поэзии П. Комарова получило дальнейшее развитие. И в знаменитых циклах «Золотая просека» и «Зеленый пояс», написанных вскоре, оно действительно проявилось... И Сельвинскому был близок мир растений, рыб, птиц, таежных зверей, насекомых. С особой радостью говорит он о жизни этого мира в стихах своего младшего товарища: «В сборничке «Под небом Азин» читатель найдет очень подробно представленный мир дальневосточной природы. Здесь и растения: дубы, чернотал, чернопольник, молочай, болиголов, пырей, мышиный горошек, ромашка; тут и звери: медведь, горностай, олень, лань, соболь, суслик, голубой песец, барсук и др.; тут и птицы: дрозды, дрофы, утки, совы, перепела, выпи; даже насекомые: шмель, «раскрывший вошанные крылья», и «комары-толкунцы». Но с человеком дело обстоит хуже. Не в том смысле, что людей у Комарова мало: мы не в праве требовать от лирика портретной галереи эпического поэта или драматурга. Но внутренний мир

лирического героя, от имени которого говорит поэт, слишком беден по сравнению с нарисованным Комаровым миром природы» (с. 212—213).

И тут с И. Сельвинским трудно, более того — невозможно согласиться: богатства мира природы, наблюдаемого, усвоенного полюболюбившегося, и является живым отражением богатства внутреннего мира того, кто все это увидел и полюбил, то есть лирического героя. Этот герой очень чуток, отзывчив. В суровых испытаниях войны он не утратил своей человечности. Он любит природу, обреченную на хищническое уничтожение империалистами, уничтожающими и людей, живущих среди этой природы. Спасая природу, советский человек спасал от вымирания и беспощадной эксплуатации и тех, кто сам являлся частью этой природы, сливался с нею. Это хорошо показал П. Комаров. И жаль, что не до конца почувствовал это И. Сельвинский.

Зато он почувствовал другое. И замечательно сказал об этом. В рецензии «Поэт и его кругозор» И. Сельвинский нашел поистине великолепные слова для того, чтобы сказать о главном: «Герой Комарова любит свою родину самой нежной любовью» (с. 313). Верно! С этого следовало бы начать. И очень хорошо, что этим главным, основным, определяющим закончил маститый поэт свою рецензию. Написана-то она ведь чрезвычайно дружелюбно, с большой симпатией к дальневосточному поэту. Лейтмотивом обоих высказываний могут служить слова И. Сельвинского: «Комаров молод и талантлив» (с. 313).

Жаль только, что молодое дарование П. Комарова не смогло себя в дальнейшем выявить с полной силой — спустя полтора года после появления в «Новом мире» рецензии И. Сельвинского неумолимая болезнь вырвала Петра Степановича из жизни, которую он так любил, которую воспевал с такой проникновенной силой.

Внимательное прочтение отзывов одного поэта о творчестве другого принесло большую пользу: явственнее представилось то время, с его спорами, поэтическими поисками, находками. Явственнее представились и масштабы дарования двух замечательных русских советских поэтов — И. Сельвинского и П. Комарова. Поучительным, полезным оказалось и усвоение принципов критического анализа, которыми руководствовался автор «Тихоокеанских стихов».

И теперь меня волнует неотвязная мысль: а сохранились ли отзывы или высказывания П. Комарова о творчестве И. Сельвинского? Может быть — сохранились. А если порыться в архивах? А если еще раз побеседовать с друзьями поэта? Путешествие в мир молодости продолжается. И, надо сказать — это интереснейшее путешествие.

Л. ЯКИМОВА

ЕДИНАЯ, МНОГОЛИКАЯ

(Национальные писатели в
«Молодой прозе Сибири»)

По мере того как возникала и укреплялась в нашей стране новая социально-историческая общность людей — советский народ, — утверждалась и новая художественно-эстетическая общность — советская литература. С первых своих шагов она развивалась как литература многонациональная, и уже Первый всесоюзный съезд советских писателей (1934) со всей очевидностью подтвердил это. В работе съезда приняли участие писатели более пятидесяти двух национальностей, представлявших тогда более сорока национальных литератур. Ныне советская литература являет собой союз более семидесяти равноправных национальных литератур как с многовековым опытом развития, так и рожденных после Октября.

В этом союзе достойное место занимают и литературы народов Сибири и Дальнего Востока. И, хотя многим из них обрести письменность удалось только после Октября, за короткое время здесь выросли кадры талантливых национальных писателей. Сегодня в духовный мир современного человека на равных основаниях входят книги, созданные как представителями литератур с богатыми историческими традициями, так и писателями, творческий путь которых иногда равен или лишь немногим короче пути, пройденного их родной литературой. Трилогии чукотского писателя Юрия Рытхэу «Время таяния снегов» и нанайского писателя Григория Ходжера «Амур широкий», роман тувинца Солчака Тока «Слово арата», повесть удэгейца Джанси Кимонко «Там, где бежит Сукпай», по достоинству оценены и заслуженно пользуются любовью и признанием широкого круга читателей.

Одним из замечательных проявлений глубокого интернационализма советской литературы, единства целей и устремлений всех составляющих ее национальных литератур стала серия книг «Молодая проза Сибири». Это уникальное и беспрецедентное в своем роде издание, подлинное знамение времени, вызванное к жизни всем строем и духом советской действительности. Задуманное как постоянно действующий семинар молодых писателей Сибири, оно уже давно вышло из берегов перво-

начального замысла, обнаружив свой глубинный общественный и историко-литературный смысл. Оно воспринимается не только как постоянно действующая лаборатория творческих исканий писательской молодежи, но и как конкретно-зримая форма выявления новой идейно-эстетической общности, каковой является советская литература. В серию книг «Молодая проза Сибири» наряду с произведениями русских писателей-сибиряков В. Чивилихина, Г. Машкина, В. Распутина, В. Лихоносова, В. Шугаева естественно и органично вошли лирическая повесть манси Ювана Шесталова «Синий ветер каслания», романы нивха Владимира Санги «Ложный гон», алтайца Лазаря Кокышева «Арина», тувинца Алдан-оол Даржаа «Удаль молодецкая», юкагира Семена Курилова «Ханидо и Халерха». Затем в этом издании появилась маленькая трилогия нанайца Петра Киле «Идти вечно», сборник повестей и рассказов алтайца Дибаша Каинчина «Люди одной долины». Повесть корякского писателя Владимира Косыгина (Коянто) «Месяц молочных важенюк» дала название коллективному сборнику повестей.

Немногим больше десяти лет прошло с тех пор, как появились произведения крупного прозаического жанра — романа — в тувинской («Слово арата» С. Тока), хакасской («В далеком ауле» Н. Доможакова), алтайской («Арина» Л. Кокышева), нанайской («Конец большого дома» Г. Ходжера) литературах. Еще позднее обрели «свой роман» юкагирская, нивхская и другие младописьменные литературы Сибири. Это событие не относится к числу рядовых, а знаменует новый этап в развитии каждой национальной культуры. Рождение первого социально значимого национального романа в любой литературе справедливо рассматривается как свидетельство ее художественной зрелости и гражданского возмужания народа, которому она принадлежит.

В процессе невиданного по интенсивности развития в короткой истории младописьменных литератур как бы спрессовался опыт русской литературы, переплавившись тесно с богатством национального фольклора. И вот почему, обретя способность к созданию произведений «большой прозы» — романа и повести, — молодые литераторы Сибири обнаружили при этом богатство и разнообразие национальных подходов к использованию испытанных временем классических форм литературы.

Эту художественно-эстетическую многоплановость национального романа и повести демонстрируют книги, вошедшие в серию «Молодая проза Сибири». Даже прочитанные одновременно, одна за другой, они не оставляют впечатления какого-либо однообразия или сориентированности на общий образец. Они подкупают свежестью восприятия мира, своеобразием жизненного материала, самобытностью своей поэтики и стилистики, неповторимостью, несхожестью поэтических красок и образов.

Многонациональная литература Сибири представлена здесь поэтической повестью мансийского писателя Ю. Шесталова «Синий ветер каслания»*, интересным произведением, где стихи уживаются с прозой, а романтическая возвышенность чувства с реалистической точностью социально-бытовых и психологических зарисовок. Лирический герой повести — молодой человек, получивший высшее образование в Ленинграде и вернувшийся домой с чувством гражданской ответственности за судьбу своего народа, в том числе и за судьбу древнего занятия манси — оленеводства. В составе оленеводческой бригады он отправляется в каслание — кочевье оленеводов: «Длинна эта дорога, как жизнь. Трудна эта дорога, как жизнь. Сложна эта дорога, как жизнь! Только в каслании я почувствовал, кто я такой!..»

Трудная дорога каслания, овеванная синими ветрами бескрайних просторов тундры, помогает герою найти самого себя, свое настоящее место, в сопричастности к жизни трудового народа обрести подлинное счастье. Собственно повествование и представляет собой цепь лирических раздумий героя о судьбах манси на дорогах истории. Свободная, непринужденная композиция повести вбирает в себя и мысли о настоящем, и воспоминание о прошлом, и мечту о будущем, и картину жизни целого народа, и рассказ о судьбе отдельного человека, портреты и характеры людей, живущих рядом с героем, — доброй тети Саны, умеющей разговаривать с кедрами и понимать мысли оленей; опытного оленевода Сильки, одновременно почитающего шаманов и верящего в коммунизм; ворчливой, как лягушка в пруду, Окры, признающей, несмотря на свою молодость, лишь мудрость старых обычаев; юной Итья Татты, смело бросившей вызов косности, со смыслом и по-хозяйски распоряжающейся своей жизнью.

Со своим творческим почерком и неповторимым видением мира пришел в многонациональную советскую литературу нивхский писатель В. Санги. Его роман «Ложный гон»** вернее было бы назвать

повестью. Это ярко выраженное социально-психологическое повествование, в центре которого не широкая картина народной жизни, а всего три человеческих характера, но нарисованных глубоко и полно. Писатель изображает типичную для Сибири ситуацию: трое охотников, составляющих одну бригаду, — старик Лучка, вчерашний десятиклассник Пларгун и бригадир Нехан — на время оказываются выключенными из общественной жизни и оставленными наедине с тайгой.

Но каждый из них пришел сюда уже со своим жизненным опытом, со своим представлением о счастье, добре и зле, смысле и целях жизни. И если внутренний мир старика Лучки сразу предстает перед читателем как воплощение многих светлых черт национального характера нивха и в чем-то неувлимо ассоциируется с миром арсеньевского Дерсу Узала, то подлинное лицо хищника и браконьера Нехана раскрывается не сразу. Писатель изображает действительность глазами нивха Пларгуна. Ему, едва вступившему на дорогу самостоятельной жизни, предстоит самому разобраться в ее сложности, отделить правду от лжи, претворить полученные за школьной партией уроки в реальное действие, конкретные поступки. Во весь рост поставлена проблема выбора жизненного пути, и идейно-художественным стержнем произведения оказывается изображение духовного и нравственного возмужания юноши, первый раз столкнувшегося с трудностями жизни и сдающего экзамен на гражданскую зрелость.

Художественную многогранность национальной прозы убедительно иллюстрирует и роман алтайского писателя Л. Кокышева «Арина»*. В отличие от произведений Ю. Шесталова и В. Санги, действие которых локализовано на небольшом отрезке времени, в романе Л. Кокышева действительность представлена в большом хронологическом разрезе, от первых лет советской власти до конца Великой Отечественной войны. В России произошла революция, и мощные волны ее докатились до далекого Горного Алтая. Как нечто должное и естественное принимает перемены в жизни алтайцев героиня романа — Арина. Она еще слишком молода, чтобы сразу постичь смысл происходящего, но достаточно зорка, чтобы понять всю его значительность. В самом времени, разрушающем одряхлевшие устои старого, черпает она силы для критического пересмотра тех норм, обычаев и порядков, которыми веками бездумно подчинялись ее предки. Для воссоздания трудной судьбы героини писатель прибегает к сложной форме композиции, широко используя фабульные перебивы, временные перемещения.

Роман открывается главой, рассказыва-

* Ю. Шесталов. Синий ветер каслания. Новосибирск, Западно-Сибирское кн. изд., 1968.

** В. Санги. Ложный гон. Новосибирск, Западно-Сибирское кн. изд., 1968.

* Л. Кокышев. Арина. Новосибирск, Западно-Сибирское кн. изд., 1968.

ющей с рождением у Арины четвертого ребенка — сына Аржана. Рождение ребенка растревожило душу, всколыхнуло память, заставило оглянуться на прожитые годы. Вспомнилась обманутая юность, закончившаяся браком с нелюбимым человеком. Бегство из его дома вопреки вековым запретам и обычаям. Молодость, совпавшая с бурными годами гражданской войны. Зверское убийство матери белобандитами и горькая судьба отца Санала, попавшего в тенета контрреволюционного заговора. Возвращение дсяйлинцев к мирной жизни и первая попытка объединиться для совместного труда. И первое большое, настоящее, на всю жизнь единственное чувство к Одою, оказавшемуся, однако, человеком слабым и трусливым. Боясь скомпрометировать себя связью с дочерью человека, прошлое которого было под подозрением, Одой не нашел в себе сил открыто встать на защиту своего чувства, любимой женщины, семьи. Чайнеш, Кара, Кула, Аржан — его дети, но растут они, не зная отца.

Перед нами женщина, устоявшая перед напастями судьбы, и в тех тяжелых обстоятельствах, которые выпали на ее долю — двусмысленного положения жены человека, который скрывает от всех свою любовь к ней, матери четырех детей, не знающих отца, — сохранившая и свое женское достоинство, и материнскую гордость, и гражданскую ответственность перед обществом.

Выстоять, не сломиться, почувствовать себя активной созидательной силой помогла ей вера в гуманные и справедливые основы советского общества. Удивительная восприимчивость Арины к добру, ее тяга к знанию, духовному росту, нравственному совершенствованию оказались глубоко созвучны духу советской действительности, предоставившей каждому человеку богатые возможности для развития личности: «Время теперь такое», — размышляет Арина. В этом смысле значение романа Л. Кышьева шире, чем раскрытие судьбы одной женщины, как бы своеобразна и поучительна ни была эта судьба, оно — в стремлении проследить пути развития национального характера, исследовать истоки психологии и сознания советского человека.

Хорошей заявкой на современный «колхозный» роман явилась книга тувинского писателя Алдын-оол Даржаа «Удаль молодецкая»*. Ее действие переносит нас в один из тувинских колхозов, новым председателем которого становится главный герой романа — Александр Ламаевич Дандар. Сменивший не один руководящий пост, он на первых страницах романа изображается как типичный представитель тех руководителей, которые ограничивают свои отношения с коллективом голым ад-

министрированием, безоговорочным приказом. Но «кожа растягивается, а человек растет», и под воздействием непреложных фактов самой жизни председателю приходится многое пересмотреть в своих отношениях с коллективом — стать мягче, человечней, внимательней к людям. К сожалению, писателю не удалось показать глубинных процессов колхозной действительности. Главный конфликт романа, завязанный взаимоотношениями председателя и колхозников, выглядит несколько упрощенно и находит свое разрешение лишь в морально-этическом плане.

Глубоко своеобразен по характеру жизненного материала и эстетическим способам его освоения роман юкагирского писателя С. Курилова «Ханидо и Халерха»*. В серию «Молодая проза Сибири» он вошел пока в своей первой части, обращенной к изображению прошлого юкагирского народа. Непосредственно и подкупающе просто ведет свое повествование автор, но за этой внешней простотой скрыт подлинный драматизм человеческих судеб, отданных под власть предрассудков, суеверий, злой воли шаманов. Насыщая повествование этнографическими деталями и элементами национального фольклора, писатель показывает, как в борьбе за власть и могущество шаманы натравливали друг на друга юкагирских, чукотских, ламутских (ламутами раньше называли эвенов) и якутских духов и разжигали национальную вражду, как прикрывали свои земные интересы ссылкой на волю богов и какой кошмарной была в прошлом жизнь юкагирского народа.

Повесть молодого нанайского писателя Киле «Идти вечно»** не поражает воображение читателя ни остротой драматических ситуаций, ни широтой охвата действительности. Это маленькая книжечка, и рассказывается в ней о вещах будничных и повседневных. Но обыденное изображено так пронзительно впечатляюще, что именно это и придает произведению особую поэтическую прелесть. Нанайский юноша уезжает из родного Орона, что расположен на протоке Амура, в Ленинград и поступает на филологическое отделение университета. Первый план повести и составляют впечатления героя от новой обстановки, второй же слой ее содержания создается ретроспективой, постоянным возвращением к детству, отрочеству, ранней юности. Эти два плана, два повествовательных слоя уживаются друг с другом легко и естественно, потому что, по мнению героя, вступая в новую полосу жизни, нельзя отмежеваться от пройденного. Накопленный опыт трансформируется в потоке новых впечатлений, они проливают свой свет на прошлое, а в целом всем этим определяют

* Алдын-оол Даржаа. Удаль молодецкая. Новосибирск, Западно-Сибирское кн. изд., 1971.

* С. Курилов. Ханидо и Халерха. Новосибирск, Западно-Сибирское кн. изд., 1970.

** П. Киле. Идти вечно, Новосибирск, Западно-Сибирское кн. изд., 1972.

ся человеческая индивидуальность. «Юность звала, а детство не отпускало» — вот это и определяет композицию повести, построенной как постоянный наплыв прожитых дней на день бегущий.

Автор не боится утомить читателя подробностями, деталями, мелочами. Любая из них исполнена для его героя особого значения — приобщения к тайнам бытия, к богатству человеческого мира. При этом насыщенность повествования деталями не ведет к дробности или разорванности общей картины жизни, потому что отличительную особенность героя как раз и составляет цельность и первозданность его мироощущения, способность включить частные и конкретные наблюдения в жизненную «систему». Во всем чувствуется его личность, его взгляд на вещи, его отношение к жизни.

Своеобразие повести в том, что в ней тема духовного и нравственного формирования характера нашего современника преломляется через тему становления художника, писателя. Важно и то, что герой — представитель одного из малых народов нашей страны, возрожденных Октябрем к новой жизни, и в силу этого в его приобщении к профессиональному творчеству заложен особый смысл, потому что до Октября у этого народа не было ни своей письменности, ни литературы, ни писателей. Устами своего героя автор сказал нечто и о себе в частности, например, отметил и то обстоятельство, что у представителя младописьменной литературы связь с судьбой своего народа острее, острее, чем у любого другого писателя: «Все пишут об открытии мира ребенком, подростком, отдельным человеком — это, конечно, важно, да, но здесь новизна мира относительна: каждый человек, в сущности, открывает то, что всем известно, а когда целый народ внезапно открывает новый мир, совершенно небывалый, когда делается скачок невидимый, мгновенный, через тысячелетия — здесь нечто грандиозное, великое! И при чем тут козни шамана, помолвки грудных младенцев: вся эта этнография? Все это щепка в море народной жизни, имя которой — **НОВАЯ ЖИЗНЬ**».

И автор, и герой проникаются глубокой ответственностью «младописьменного» писателя перед своим народом: его открытие мира представляется им актом исторически значимым, ибо вместе с ним открывает мир его народ и сам он открывает мир глазами своего народа. Отсюда при всей видимой обыденности содержания повести емкость ее философского и социально-исторического подтекста, ее высокий публицистический настрой.

Внутренний мир героя далеко не безоблачен: Филипп рано лишился матери и отца, его мама Аня умерла от туберкулеза, а Боло, его отец, кончил жизнь самоубийством; ему подолгу приходится жить в отрыве от дома, от родного края. Но в его одиночестве нет безысходности, оно не переходит в отчуждение, не превра-

щается в духовную и моральную изолированность. Он дитя своего времени, взращен в атмосфере человеческого доверия, прочности коллективистских уз и интернационального содружества, ему привычно пребывать изо дня в день в «этой системе внимания и ласки». С детства в него вошло ощущение единства Родины и России; благодаря школе, книге, радио, доносившему песни и русскую речь, и еще многому другому, что определяет понятие «новая жизнь», он привык чувствовать близость Москвы. Из этого сознания неразрывности личной судьбы с судьбой страны родилось и ощущение прочности бытия, и тот высокий тонус жизнеутверждения, который характерен для лирической исповеди героя: «Как хорошо! Это правда! — говорит он о своих сверстниках, уходящих из детства и вступающих в юность, живущих и на Амуре, и в Ленинграде. — Вот откуда эта спокойная уверенность, милая вежливость, и нежность, и важность, и тайная грусть, и вечная юность, потому что пройди я здесь и через сто лет — все так же будут идти люди непрерывным праздничным потоком».

Однако это чувство бытия («пройди я здесь и через сто лет») в герое не бездумно, оно подкреплено богатством духовных и нравственных исканий, напряженной жизнью его внутреннего «я». Свежесть и первозданность мироощущения счастливо соединились у него с высокой мерой интеллектуализма, широтой кругозора, постоянными раздумьями о своем месте в жизни, сопричастным отношением ко всему, что волнует и тревожит человечество. В духовный мир его вошло и богатство русской культуры — Толстой, Блок, Левитан, Шишкин, он приобщен и к духовным ценностям мира — ему понятны Шекспир и Гете, близки Ватто и барбизонцы, Клод Моне, Ван-Гог, Гоген, Матисс и Пикассо, его волнует красота древней Греции, страшат «Освенцим и Хиросима и так называемая сексуальная революция на Западе», ибо «ведь все, что происходит на Земле, происходит и с тобой».

Неповторимость облика героя формируется как под воздействием духовного опыта всего советского народа, так и не без влияния психологического склада его сородичей. Коренные перемены в судьбе нанайцев произошли еще до рождения Филиппа: о прошлом он знает только понаслышке, но тем не менее то, чем жил его народ «в начале века и тысячу лет» не ушло еще из памяти его родных, оно близко, вот оно — рядом, живет и в страхах бабушки Дени перед силами природы, и в сохранившихся преданиях о Пудин-амбе, притаилось в облике одноглазого шамана Кендери. От этой близости прошлого острее и пронительнее становится взгляд героя на современность, ответственнее и глубже его отношение к ней: «Я знаю, я живу в России, я свободен и счастлив, но я не могу забыть и об индейцах в резервациях, о неграх, в гетто, и тени их уни-

жения и позора я чувствую на своем лице и сейчас».

В творчестве национального писателя естественно это внимание к проблеме интернационализма. Здесь она присутствует не в качестве темы или сюжетной ситуации, а насквозь пронизывает всю повествовательную ткань произведения. Сироте Филиппу иногда представляется, что он усыновлен какой-то четой интеллигентов из Ленинграда и, поддержанный их любовью, пьет ненасытно из чистого родника богатейшей русской культуры, так щедро представленной именно в городе на Неве. Мотив этот, мелькнув на страницах произведения, не умирает, а приобретает какое-то символическое звучание. Как нанайский мальчик усыновлен русским народом — каждый русский готов принять в его судьбе участие: помочь, поддержать, научить, ободрить, так и весь его народ вошел в братскую семью советских народов, обрел узы социального и духовного родства с ними.

Поэзия книги в естественности ее тональности, в открытости чувства и мысли писателя. «Чтоб ни малейшей фальши ни в чем» — это девиз одновременно и автора, и его героя.

П. Киле прав: в работе над таким специфическим жизненным материалом, какой лег в основу его повести, искренность повествовательной интонации обретает глубокий идейно-эстетический смысл. Писатели младописьменной литературы да и любой русский писатель, работающий над инонациональной темой, знают, как легко сбиться с верного тона на фальшивую ноту при изображении новой жизни малых народов, еще полвека тому назад отделенных от цивилизации чуть не тысячелетием! Так необыкновенен происшедший в их истории переворот, что при его осмыслении не каждому писателю удастся сохранить эмоциональную точность — не впасть в ложную умиленность, сентиментальную восторженность или показную беспристрастность.

Об опасности появления подобного рода тенденций в освещении новой действительности не случайно предупреждал еще в тридцатые годы Т. Семушкин устами одного из героев книги «Чукотка». Чукотский депутат Тынанват обращается к русским учителям с просьбой учить чукотских детей без скидок на их национальное происхождение, а на экзамене «спрашивать по самой полной программе». «Должен вам сказать, — сетует он, — что до сих пор еще есть работники, которые приходят в умиление, когда видят чукчу, держащего в руке, скажем, учебник алгебры. И, если он еще не совсем хорошо знает ее, они с улыбкой на губах готовы сказать: «Ничего. Для чукотских юношей и это очень большое достижение». А если вдуматься во все это, то станет обидно за наш народ, это унижает наш народ».

Это высказывание носило программный характер и вытекало из самого существа

ленинской национальной политики. Не абстрактная, ничего не стоящая благожелательность, и не снисходительность к отсталому народу, а бескорыстная помощь ему и развитие его общественного сознания до уровня, который бы превращал право па социальное творчество в способность самому строить свою жизнь по самой полной программе исторических требований. В этом состоит подлинный гуманизм, этим определяется и подлинность повествовательной интонации писателя, обращающегося к изображению судьбы малого народа.

О том, насколько обоснованными были опасения Т. Семушкина относительно появления отдельных фальшивых нот в раскрытии национальной темы, говорят реальные факты истории советской литературы 30-х годов. Так, в ряду произведений о народностях Дальнего Востока обращают на себя внимание повести Геннадия Гора: «Ланжеро» (1937), «Неси меня, река» (1938), «Синее озеро» (1939). Три десятилетия спустя они были переизданы* и стали известны современному читателю, знакомому с именем Г. Гора по книгам совсем другого характера, главным образом, научно-фантастического. Его повести тридцатых годов весьма своеобразны по своей стилистике и свидетельствуют о многообразии тех путей, которыми шли русские писатели к овладению инонациональным материалом. «Странный, угловатый, живописный и необычайно выразительный язык» ранних повестей Г. Гора отметил современный критик. «Влияние этнографии на произведения Гора тех лет несомненно, — утверждает он, — но этнографические наблюдения превращены им в великолепную прозу — метафорическую, энергичную, прозрачную, рельефную и эпическую — с чуть ли не библейскими интонациями**».

Действительно, там, где Г. Гор передает особенности национального быта, нравов, искусства гиляков, орочей, тунгусов безотносительно к происходящим в их жизни переменам, он добивается большой глубины и силы эмоционального воздействия на читателя. Сказово-стилизаторская струя и имитирующая особенности национального фольклора повествовательная манера делают его произведения поэтически притягательными. Однако, когда писатель обращается к изображению нового в жизни народов Дальнего Востока, его образительное мастерство ослабевают. Заметными становятся черты репортажности, сухого протокольного стиля. А главное, молодой Г. Гор не избежал той снисходительной интонации в изображении исторически отсталых народностей, об опасности

* Г. Гор. Большие пихтовые леса. Л., «Сов. писатель», 1968.

** В. Соловьев. Возвращение Геннадия Гора. М., «Дружба народов», 1974, № 9, с. 268.

которой предупреждал Т. Семушкин. В произведениях Г. Гора часто прорываются нотки сентиментального отношения к «малым сим», абстрактно-созерцательного любования свежестью психологии человека из другого тысячелетия. Не столько вовлечение этого человека в общий, исторический процесс, не столько пробуждение в нем чувства социальной активности поэтизирует писатель, сколько создание таких условий, которые автоматически поднимают отсталую народность до уровня цивилизованного мира.

Особенно заметна эта тенденция в повести «Ланжеро», рассказывающей о прихотливо сложившейся судьбе гильяцкого мальчика. Вырвавшись из дремотной тишины родного стойбища, герой попадает в бурную атмосферу социалистической стройки и становится предметом особого внимания и забот со стороны членов комсомольской бригады: «Человек этот... — делегат другого тысячелетия... Нам его из первого века надо перетащить в наш, комсомольский».

Г. Гор не ставит перед собой задачу показать сложный и противоречивый процесс социальных и психологических перемен, происходящих в сознании гильяков. Утверждая великую силу гуманизма, заложенную в новой общественной системе, он фиксирует лишь конечные, заметные с первого взгляда результаты ее воздействия. Тут и обнаруживаются главные недостатки повести. Малый народ показан не как социально деятельная единица, а как объект воздействия со стороны. Это ощущение становится особенно сильным у читателя тогда, когда ему рассказывают историю возникновения Ногликов «Ноглики... это город. Мы выстроили его для туземцев...» «Для гильяков там строят дома. Провели электричество». В этом все дело — в переносе акцента. Поэтому неубедительны в повести и зарисовки их нового быта: «В этом доме жили Вако и Питансита — счастливая парочка. Счастье для них смастерил сам Иван Петрович». Есть что-то вызывающее недоверие в счастье, дарованном чужими руками. Читатель не может не почувствовать интонации сентиментальной умиленности («счастливая парочка!»). И образ доброго русского доктора Ивана Петровича, бескорыстно отдающего всего себя служению малому народу, все-таки не обладает той глубиной социальной и психологической достоверности, которая отличает, например, героев Т. Семушкина. Все его дела и поступки, продиктованные самыми добрыми намерениями, отвечают все же больше сиюминутным нуждам гильяков, нежели объективно ориентированы на исторические перспективы развития гильяцкого народа.

Может быть, и не имело бы смысла останавливаться здесь на повестях Г. Гора тридцатых годов, если б они остались лишь фактом литературной истории тех лет, а не были переизданы в шестидеся-

тые годы и не представлены современному читателю с самой высокой похвалой. Как своего рода эстетического образца.

Но и сегодня, когда «новая жизнь» малых народов стала объектом творческого постижения не столько русских, сколько самих национальных писателей, проблемы истинной и ложной интонации не утратила своей актуальности.

Повесть корякского писателя В. Косыгина (Коянто) «Месяц молочных важенков»*, как и многие другие произведения писателей младописьменных литератур, как и повесть П. Киле «Идти вечно», автобиографична, а биография писателя свидетельствует о типичности жизненного пути представителя национальной интеллигенции: школа-интернат, учеба в большом городе, чаще всего — Ленинграде, возвращение на родину, стремление отдать свои знания родному народу. Как и сам писатель, его герой — культпросветработник по образованию. Учитель красной яранги, он кочует от одного оленьего табуна к другому, преодолевает огромные расстояния, выделяющие оленеводческие бригады, выполняет роль их связного с большим миром, страной, всем народом.

Ведя повествование от первого лица, автор становится неотделимым от своего лирического героя. Его повествование — это эмоционально насыщенный, публицистически взволнованный рассказ о перипетиях кочевой жизни, о радостях и горестях оленеводческого труда, о повседневных заботах и нуждах пастухов-олeneводсв, о перспективах развития оленьего дела. В повести нет сюжета в его традиционном значении, это повествование, построенное на сцеплении жизненных ассоциаций, рожденных дорожными встречами, раздумьями, воспоминаниями. Герой искренне хочет быть полезным своему народу, как и его жена Лена, приехавшая из далекой Владимирской области помогать его землякам «строить новую жизнь». Однако героем руководит не столько пафос ломки старого, отрицания прошлого, сколько разумное стремление строить новое на прочном фундаменте ценных национальных традиций, прежде всего трудового опыта народа. Понятие «новой жизни» коряков неразрывно связано в его сознании с верностью трудовым заветам предков, «тропе отцов», уводящей в тундру, к древнему занятию корякского народа — оленеводству.

Коряки — «оленные люди», героя зовут Коянто, что значит — «оленный человек»!

Повесть В. Косыгина и воспринимается как поэтически-страстная агитация за возвращение коряков к исконно-национальному роду занятий, но уже на уровне завоеваний «новой жизни» и технического прогресса. Теперь, когда оленеводство перестает носить характер первобытно-прими-

* В. Косыгин (Коянто). Месяц молочных важенков. Новосибирск, Западно-Сибирское кн. изд., 1974.

тивного труда, поднимается на уровень научно организованного производственного процесса, молодежь начинает мечтать о профессии оленевода, обретающей и романтическую привлекательность, и высокую народно-хозяйственную значимость. «Очень скоро, совсем скоро, красивый олень вашей мечты, натянет, как тетиву, ваш чаут. Сбудутся ваши мечты, мальчишки: оленеводами станете!»

Вся атмосфера трудовых будней оленеводческой бригады в повести наполнена своеобразной поэзией, производственный процесс сознательно эстетизирован, а в облике пастуха-оленевода подчеркнуто простое романтизирующее начало. Если говорить о ведущей повествовательной интонации произведения, то она, несомненно, носит патетически-возвышенный, лирически-взволнованный характер. Поэтическое мышление писателя во многом ориентировано на национальный фольклор. В его повести «старой шаманкой на камлании» воет пурга, «красивый олень мечты» натягивает пастуший чаут, «барабанит дождь по палатке дробью оленьих копыт». Образ Каевыеля — месяца молочных важенков, время появления оленят, превращается в поэтический символ прочности земного бытия, приумножения национального богатства, радости человеческого труда и неизбывной связи человека с природой.

Тем более досадно, что в произведении, несомненно, отмеченном печатью творческой одаренности и жизненной зрелости писателя, прорываются «неверные звуки»

В отдельных местах повести как-то незаметно поэтизация оленного дела и пафос утверждения нового бытия переходят в однотонную восторженность; восхищение профессиональной сноровкой и производственным опытом оленевода — в авторскую умиленность героями. Временами ошутимой становится легковесность в разрешении конфликтов. Собственно, все проблемы, вопросы, конфликты перенесены в план диалогов, размышлений, обсуждения, зафиксированы, так сказать, лишь словесно, не претворены в сюжетное действие, и это придает повествованию черты некоторой очерковости, риторичности. Но в полном соответствии с законами творчества даже малейшее отступление от жизненной подлинности находит отражение в слове, слоге, стиле, поэтических средствах. Герои В. Косыгина часто не столько говорят, размышляют, сколько восклицают, восторгаются. Умилительность прорывается не только в интонации, но и в характере словоупотребления: «Весело бегут собачки...» «Резвятся оленята, отдыхают большие олени. Мы... сидим на бугорке...» Бабушку Чагам дружно уговаривают: перейти из юрты в «домик». При этом многоцветная палитра жизни грозит быть прикрытой розовостью и голубизной. И, хотя такие ноты прорываются в повести В. Косыгина лишь местами, они не могут остаться незамеченными.

Возможность подходить сегодня к оцен-

ке произведений младописьменной литературы Сибири с общими для общесоюзной литературы критериями со всей наглядностью подтверждает творчество алтайских писателей. Книга Д. Каинчина «Люди одной долины» является второй из числа тех, что в серии «Молодая проза Сибири» принадлежат алтайской литературе. В кратком предисловии к ее изданию справедливо отмечено, что «она вносит собственное, самостоятельное слово... в горноалтайскую прозу, делает новый шаг в ее развитии»*.

Это действительно так. С приходом этого писателя в алтайскую литературу более четко прорисовывается линия ее преемственного развития, появляется как бы то необходимое звено, которое сообщает цельность всей цепи литературного развития. Аналитическое исследовательское начало, отличающее творческую манеру Д. Каинчина, придает в алтайской литературе особую устойчивость той традиции социально-психологического повествования, которая во многом, выходя из инонационального романа, в частности, «Великого кочевья» А. Коптелова, приводит к рождению первого национального романа социально-психологического типа, каким явился роман Л. Кокышева «Арина», а вслед за ним к появлению повести Е. Галкина «Алан» и Б. Укачина «Горные духи».

Книга Д. Каинчина представляет сборник произведений малого жанра — повести «Голова жеребенка» и нескольких рассказов. Действие повести отнесено к годам коллективизации и является своего рода прологом к современности, отраженной в большинстве рассказов. Автор обращается ко времени, когда строительству новой жизни противостояла не только бешеная ненависть классового врага, но и неразвитость общественного сознания самой алтайской массы. Не прямым, как стрела, путем шел алтайский народ к созданию колхозов. шел, ошибаясь, заблуждаясь, давая обильную пищу для вражеского злопыхательства, но шел упорно, самоотверженно сражаясь за будущее, самозабвенно веря в торжество правого дела. В повести есть драматически напряженное действие, но повествование держится не на остроте развития событий, а на внимании к человеческим характерам, людским судьбам. Трусливый Кепеш, запутавшийся в силках байских козней; коварный Йугуш, жирной пьявкой присосавшийся к советскому учреждению; негнбимый в своей убежденности Байюрик, постигающий мудрость страниц «Капитала» с той же силой самоотверженности, с какой сражается против классового врага, — все это живые люди, чьи характеры привлекают читателя психологической убедительностью, достоверностью мыслей и поступков, реалистической мотивированностью всего образа их жизни.

* А. Никольков. «Об авторе». В кн.:

Д. Каинчин. Люди одной долины. Новосибирск, Западно-Сибирское кн. изд., 1974, с. 6.

Хотя книга состоит из отдельных, самостоятельно читающихся произведений, есть в ней внутренняя целостность как жанровая, так и проблемно-смысловая. Если большинство рассказов книги строится как повествование об отдельной жизненной судьбе, то и повесть, представляющая собой взаимосвязанный поток человеческих судеб, тоже разбивается на главы, похожие на подобные рассказы: «Байюрик», «Йугуш», «Яна», «Кепеш». В целом книга так и воспринимается, как живописная портретная галерея, что точно отмечено в ее заглавии: «Люди одной долины». Внутреннюю глубинную задачу книги автор видит в исследовании национального характера своего соплеменника — и его истоков, и того, что рождено в нем советской действительностью.

Образы отдельных героев наталкивают читателя на открытую ассоциацию с определенным типом характера, имеющим общечеловеческую распространенность. В этом плане особенно любопытна фигура старика Кактанчи. Создавая образ человека незадачливого, неловкого, вралю, фантазера, выдумщика, склонного к балагурству — своего рода алтайского деда Щукаря, — автор помогает читателю выйти на прямую аналогию с Мюнхаузеном: «Наверное, знаете того старика, как его?.. Мюнхауса? Мунгауза? Не поверите, — рекомендует себя Кактанчи, — я говорю не хуже его. Ведь он, старик Мюнхаус, небылками народ кормил, а мои истории настоящие. Хоть сейчас поезжайте в Корболу, спросите у любого — подтвердит».

Ближе всего Д. Каинчину тот тип национального характера, который в общечеловеческом масштабе проявляется в человеке нрава веселого и жизнерадостного, жарком до работы, постигающем свое ремесло на уровне подлинного Творчества и Мастерства. Полнее всего он воплощен в образе тракториста Ортокула, в неистощимом жизнелюбии которого, профессиональной виртуозности и способности трудиться до самозабвения, есть что-то от Кола Брюньона.

У писателя есть свой собственный аспект художественного исследования человеческой сути, свой способ испытания личности на моральную прочность — не любовью, не дружбой, не бытом, а отношением к труду, хваткой в работе, любовью к делу. Своих героев он предпочитает изображать непосредственно в трудовой обстановке: в те моменты психологического состояния, когда человек и втягивается в ритм работы, когда напряжение его духовных и физических сил достигает предела, когда охваченный страстью и азартом созидания он забывает об усталости, голоде, невзгодах, возвышается до ощущения подлинной полноты и счастья жизни, радостного упоения трудом. «Жить, трудиться, быть счастливым», — для автора и для любимых его героев это понятия равнозначные. Он поэтизирует радость труда; можно сказать, что поэзия труда —

лейтмотив большинства его рассказов, но при этом, в отличие от В. Косыгина, избегает приемов, придающих повествованию характер романтической приподнятости и эмоциональной взволнованности. Повествовательная атмосфера книги светлая, но строгая и спокойная.

И то важно, что поэзия труда возникает в книге Д. Каинчина не за счет его облегченного изображения. Он не только не идеализирует характера труда своего соплеменника, не только совлекает с него все покровы идилличности, но как бы даже предпочитает показывать его со сторон, для глаза мало привлекательных. Он, например, полемизирует с тем легковесно-пасторальным изображением чабанского дела, когда «думают, только чабану и забота, что песни распевать. Попробуй: запоешь тут. Эта животина и знать ничего не хочет — устал ты, или болен, или отлучиться тебе куда надо... Все бы им жрать, жрать... Чего хорошего дожدهшься с этими баранами?» — так в тяжелую минуту неудач в работе думает герой рассказа «Хорошо чабану, хорошо». Ну, а разве есть еще на свете работа хлопотливей, чем заготовка сена? — Черткиш, например, героиня рассказа «До свидания, перевал — Каменное седло» — не знает. А тяготы полевой, с большой силой живописного мастерства изображенные в рассказе «Его земля»! Но и при этом писатель умеет показать и ни с чем не сравнимое удовлетворение человека плодами своего труда, и тот огромный запас жизненных сил, прочное чувство духовной и моральной устойчивости, которую обретает трудящийся человек. У каждого из его героев есть свой почерк в работе, по этому почерку его можно узнать, как узнают по лицу. По работе до самозабвения, по виртуозности владения трактором, даже по удалству и молодечеству какому-то узнается Ортокул, герой одноименного рассказа. Маленькую, сухонькую, ловкую, как белка, Черткеш отличает в работе усердие, хлопотливость, способность и сноровка к любому делу и почти рукодельная аккуратность. Творческая интуиция, умение придавать плодам рук своих выражение живого существа и одухотворенности делает неповторимой работу плотника Абайыма. Так, о построенной им избе сказано, что «лицо у избы вышло светлым, веселым».

Выявляя специфические начала национального характера в глубоком соотношении его со всей сферой трудовой жизни алтайцев, в соответствии с традиционными видами их занятий, писатель прочно стоит на почве современной действительности. Он чутко улавливает тенденции ее развития, показывая, как и что меняется и в труде человека, и в его собственном характере. Мотив связи поколений, их нравственной, духовной и трудовой преемственности отчетливо звучит в книге Д. Каинчина. Дикое упорство в труде, помогшее кочевнику выжить, переплавляется в психологии современного человека в твердую

волю, сцементированную высокой идеей труда на общее благо. Эта идея не декларируется в книге. Но когда писатель изображает чабана, потерявшего во время трудного перегона несколько овец и готового, не ставя никого об этом в известность, возместить ущерб овцами из личного хозяйства, в этом факте отчетливо проступает ориентация героя на новые общественные ценности. Не материальная выгода, не карьеристский расчет, а забота о добром имени в глазах односельчан руководит им. «Покажешь, как надо работать, — говорят мальчишке Сунеру, в первый раз севшему за саялку. — Ты у нас комсомол...» И этот, по общему мнению, «маленький сынок», способный «только день и ночь книжки читать» ценою буквально неимоверного напряжения сил выдержал трудное испытание. Слышится в этом эпизоде переключки с традициями советской литературы, шолоховский мотив измерения возможностей человека в труде силою владеющей им идеи. Вспоминается питерский рабочий Семен Давыдов, первый раз в жизни вставший за плуг, чтобы показать гремечинцам, на что способен тот, кто руководствуется высокой целью.

Как бы ни был своеобразен поэтический строй каждой из названных книг, вошедших в «Молодую прозу Сибири», их авторов роднит острое сознание необыкновенности и величия того времени, в котором живут они и их народ. Образ Времени как социально-исторической категории органически входит в художественную структуру их книг, определяя и идейный пафос, и поэтические средства: «Жизнь теперь бежит не шагами лыжника, несется не оленьей рысью, а летит космическим кораблем. И тебя, быть может, подхватит скорость этого корабля, пусть ты еще каслаешь, пусть даже спишь в древней люльке», — так размышляет Ю. Шестаков. «Время помчалось с быстротой нарты, запряженной сильной, откормленной упряжкой...» — вторит ему В. Санги.

Властной рукой времени неизменно меняется жизнь всей страны, ее больших и малых народов. И все приметнее становятся в книгах советских писателей, разных по национальности, черты, свидетельствующие о принадлежности их героев к единой социалистической Родине, к той новой культурно-исторической общности людей, имя которой — советский народ.

■ ■ ■

МЫ ИХ ВИДЕЛИ

Мы видели героев романа японского писателя Симота Сэйдзи «Японский солдат»*. Это военнопленные солдаты и офицеры

бывшей императорской армии Японии. Более того — я сам написал о них роман и повесть. Конечно, мне было трудней писать о них, чем Симота Сэйдзи: чужой народ, идеология, обычаи, нравы Чужая империалистическая армия с самой жесткой в мире воинской дисциплиной и бесчеловечным оболваниванием личности.

Впрочем, и японскому прозаику, очевидно, было бы нелегко написать роман о своих соотечественниках в советском плену. Для этого ему надо было знать и нашу страну, наши обычаи, наш советский образ жизни.

И хотя в романе Симота Сэйдзи действие разворачивается на тихоокеанских островах, на острове Б. и в Рабауле, где австралийское командование сосредоточило большие массы военнопленных, основное — процесс прозрения военнопленных, их раздумья над причинами начала войны и поражения Японии — во многом у нас сходны. Конечно, этот процесс проходил у героев романа «Японский солдат» медленно и мучительно. Никто в австралийском плену не помогал им разобраться в истинных причинах войны на Тихом океане, развязанной милитаристской Японией, в причинах ее капитуляции. До всего пленные доходили сами, путем долгих размышлений, сопоставлений. Никто, естественно, ни из американского, ни австралийского командования не содействовал этому процессу.

Начинается роман «Японский солдат» с того, что группа пленных в пятьдесят два человека, одетые в старую австралийскую форму, специально окрашенную в красный цвет, плывут на корабле, считая, что это начало их возвращения на родину. Но их высаживают в Рабауле, на Новой Гвинее, и присоединяют к капитулировавшим японским войскам. Там внешне все сохранилось: звания, беспрекословное повиновение, опостылевшая субординация, словно ничего не изменилось, словно эта армия не стала бывшей армией.

Главными героями романа являются четыре человека: бывшие фельдфебель Такано, старший унтер-офицер Ёсимура, младший унтер-офицер Тадзак и ефрейтор Кубо. Только один из них — ефрейтор Кубо, более образованный и способный критически мыслить человек, добровольно сдался в плен. Первые трое были пленены при безвыходных обстоятельствах.

«К тому времени в роте из двухсот человек в живых оставалось двенадцать. Только пятеро или четверо из них могли кое-как передвигаться. Остальные лежали, завернувшись в одеяла, распухшие от голода, обессиленные. А по джунглям, словно голодные волки, рыскали дезертиры, убивали своих товарищей, чтобы есть... они сбрасывали трупы умерших в глубокую речную долину — чтобы их не вырыли из земли и не съели».

Посланные на бессмысленную гибель в джунгли, японские солдаты ели корни, листья, земляных червей а дошли до людоедства.

* Симота Сэйдзи. Японский солдат. Роман. М., «Прогресс», 1975,

Оболваненные, приученные к слепому выполнению приказов, безоговорочному подчинению, они в подавляющем большинстве уже не верили в победу, но страшились плена и умирал.

Они боялись попасть в плен потому, что «...народ осудит их, будет презирать за поведение, недостойное солдата императорской армии».

«А как, ты считаешь, тебя будут встречать в Японии? — спрашивает Ёсимура другого пленного. — Как преступников без роду и племени! Вот как! Думаешь, платочками махать будут? Как же! Дожидайся. Головы поднять не посмеешь, как сойдешь с корабля да по улице пойдешь. А мать и жена? Думаешь, они тебя пустят на порог?»

Кроме того, японские солдаты хорошо знали, как обращались с теми, кто попадал в плен к их императорской армии.

«На этом острове он ни разу не встречал, — размышляет Ёсимура, — но в Центральном Китае ему часто приходилось видеть их... Когда рота в ходе какой-нибудь «операции» совершала карательный рейд в соседний район, пленных либо расстреливали на месте, либо убивали прикладами винтовок, а то и срубали головы — просто так, для «пробы меча». Однако, когда рота стояла на месте, патрули нередко приводили китайцев... трудно было отказать себе в удовольствии ударить в лицо или пнуть тяжелым ботинком беззащитного человека. Обычно пленного окружали со всех сторон и били — под предлогом, что тот ведет себя неподобающим образом».

Естественно, что сами, зверски обращаясь с пленными, японские солдаты, попав в плен, ожидали, что так будут поступать и с ними.

Конечно, в плену они ощущали презрение со стороны некоторых австралийских офицеров, назначенных командовать пленными, но ожидаемых зверств не встретили.

Начались сравнения, которые говорили не в пользу порядков, царивших в императорской армии, где не только к пленным, но и к самим ее солдатам относились бездушно, жестоко.

Но и австралийское командование поступило по отношению к военнопленным весьма, мягко выражаясь, своеобразно. Вот как размышляет об этом Такано:

«...он знал, что в Рабауле находится несколько десятков тысяч разоруженных японских солдат, и слышал... что положение их в лагере самое плачевное — они погибают от голода, так как не получают от австралийцев никакого продовольствия. Официально они не считались пленными; в отличие от Такано и его однополчан их называли разоруженными солдатами армии противника и поэтому поместили их отдельно и перевели на самообеспечение». Добавим еще, что полностью сохранили власть японских офицеров над солдатами.

В сознании даже такого убежденного в справедливости» целей императорской

Японии в войне, человека, как фельдфебель Такано, по-своему честного, возникает много недоуменных вопросов и нарастает вполне логическое чувство возмущения.

«Последние полгода Такано наблюдал, как с треском рушился авторитет Японии и уничтожались моральные принципы, на которых основывался этот авторитет. Он видел, что высшие чины армии, которые, казалось бы, должны были покончить с собой во имя искупления своей вины перед народом, вовсе не собирались признать свою ответственность... Он слышал, что командующий воинскими частями на острове без всякого смущения заявил, что не несет никакой ответственности за «военные преступления низших чинов». Все это ломало прежнее представления Такано об императорской армии».

И в лагере военнопленных Такано увидел, что японские солдаты: «Худые, как проволока, изможденные... были похожи на китайских кули», в то время как офицеры жили обеспеченно, не зная никакой нужды, за счет своих солдат.

Более того, он убеждается, что война ничему не научила его отечественных милитаристов, что они не испытывают никаких угрызений совести за гибель миллионов соотечественников. Они даже в плену уже мечтают о новой войне. Вот перед пленными выступает командир батальона подполковник Хагивара с назидательной беседой. Он говорит им, что война между Японией и ее противниками не закончилась;

«...эта война не может быть завершена в ближайшие пять—десять лет, это длительная война обоих лагерей, на которую они бросят все свои силы, и продлится она сто лет. А раз так, не следует отчаиваться, оттого что мы потерпели поражение в результате каких-то пяти лет войны.

Германия, разбитая во время первой мировой войны возродилась через двадцать лет... И, если мы сохраним преданность императору, усердие и стойкость, свойственные народу Ямато, нам не так уж трудно будет восстановить государственную мощь Японии. Мы должны в ближайшем будущем возродить ее, покончить с господством Европы и Америки в мире... Вы, господа, — основа возрождения империи. От вас зависит, как скоро Япония восстановит из пепла. Поэтому вы должны твердо соблюдать уставную дисциплину... чтобы вернуться на родину исполненными несгибаемого духа Ямато».

Эта речь нераскаявшегося милитариста окончательно открывает глаза фельдфебелю Такано:

«Так кто же, в конце концов, виновен во всем? — думает он. — С одной стороны — солдаты, которые выжили в джунглях в настоящем аду, где люди поедали трупы, а с другой — эти гады, которые жрали до отвала в тылу, и теперь заявляют, что Япония потерпела поражение исключительно из-за тех, кто добровольно сдался в плен, и нет ничего особенного в

том, что проиграно несколько сражений. Что же это такое? Неужели это и есть тот самый принцип справедливой восточной морали, который противопоставляется гегемонистским устремлениям Европы и Америки?»

Нечто подобное происходило и среди военнопленных японцев в Советском Союзе. Подавляющая часть офицеров бывшей императорской армии отказалась выехать в офицерские лагеря и осталась со своими подчиненными. Но это было сделано не из чувства солидарности. Многие из них пытались сохранить прежние порядки бывшей армии, удерживать солдат в повиновении и, таким образом, не допустить в их умы никакой «крамолы».

Но процесс прозрения у их подчиненных происходил гораздо быстрее, чем в лагерях на острове Б. и Рабауле. В этом им помогла правда, которую они узнали о нашей стране, об общественном устройстве первого в мире социалистического государства, о советском образе жизни. Их потрясло то, что с ними обращались исключительно гуманно, защищали от произвола их же бывших начальников-офицеров. И то, что, невзирая на трудное послевоенное время, их кормили так же, как и советских людей.

В романе Симота Сэйдзи «Японский солдат» одиссея Такано и его соратников заканчивается стихийным бунтом против несправедливости, против попыток реакционного офицества сохранить незыблемость устоев уже несуществующей императорской армии.

Симота Сэйдзи написал свой роман ярко, с большой разоблачительной силой. Несомненно, что его роман станет в ряду таких великолепных антивоенных романов японских писателей, как «Тростник под ветром» Тацуо Иосикава, «Зона пустоты» Хироси Номы, «Взлетная полоса» Такако Накамото, «Лабиринт» Яэко Ногами, «Памятник» Есио Хотта и других прогрессивных японских писателей.

В. ЕФИМЕНКО.

■ ■ ■

«ГОД ОГНЕННОЙ ЗМЕИ»

Имя Цыденжапа Жимбиева, как поэта и прозаика, хорошо известно не только у нас в Бурятии, но и в соседних областях. Его сборники стихов «Первая борозда», «Богатая нива», «Стихи — мои хулэги», сборники рассказов «Подснежники», «Новые улызгэры», роман «Степные дороги» нашли признание читателей. Сборники стихов поэта были изданы в Москве и Чите.

Цыденжап Жимбиев имеет свою тему, выбрал свою дорогу в литературу. Он пишет о своих современниках, чьи руки вырабатывают хлеб на «богатых нивах», доят

коров, стригут «золотое руно», о людях труда с чувством гордости за них, с любовью и вдохновением.

И в своем последнем романе «Год огненной змеи»^{*} писатель рассказывает о своих современниках — сельских тружениках грозных военных лет. Этот роман вошел в число лучших произведений прозы 1974 года, и автор его удостоен премии лауреата Всесоюзного Ленинского комсомола.

Сначала роман был опубликован на бурятском языке в журнале «Байкал», издан отдельной книгой в Бурятском книжном издательстве, а затем в переводе М. Н. Асламовой и В. Тендрякова увидел свет в журнале «Дружба народов» (1974, № 2). В конце 1974 года он вышел в издательстве «Советский писатель».

Читатели с большим одобрением и интересом встретили новое произведение писателя, что свидетельствует о больших достоинствах романа, о росте писательского мастерства Цыденжапа Жимбиева.

О каких же достоинствах романа речь идет? Что нового, интересного, внес писатель в бурятскую и многонациональную советскую литературу? В чем выражается рост писательского мастерства автора?

Роман «Год огненной змеи» написан сжато и броскими мазками, читается легко и непринужденно. Мы находим в нем продуманное переплетение серьезного со смешным, сложного с простым, трагического с комическим, беспокоейства, озабоченности взрослых с беспечностью, наивностью детей, добра со злом, радости с горем.

Неожиданная весть о войне, уход мужчин на фронт, трудная работа в колхозе, ожидание родных с фронта, религиозные предрассудки улусников, встреча с дезертиром и приезд фронтовиков — вот, пожалуй, основная сюжетная линия романа.

Название романа Цыденжапа Жимбиева весьма удачное: под этим символическим названием, взятым из бытующего у бурят тибетского календаря, подразумевается тяжелый, очень трудный для советского народа сорок первый год, «год огненной змеи». Это было трудное, «огненное» время не только на фронтах Великой Отечественной войны, но и в тылу, даже в далекой Бурятии.

Все здоровые мужчины ушли на фронт. Не хватало рабочей силы. В колхозах выполняли непосильные работы старики, женщины и дети. Но советские люди работали самоотверженно. Испытывая нужду во всем, они производили для фронта мясо, молоко, хлеб и другие продукты питания. Перед писателем стояла задача показать все это художественно интересно и правдиво. Следует отметить, что автор романа справился с этой трудной задачей. Мы видим, чувствуем жизнь далекого бурятского

^{*} Цыденжап Жимбиев. Год огненной змеи. М., «Сов. писатель», 1974,

улуса в первый год войны. Проводы мужчин на фронт, отбор лошадей, сбор теплой одежды и денег для фронта, нелегкий труд детей и женщин, вставших на место мужчин, религиозные предрассудки некоторых слабовольных улусников — все это в бурятской литературе до этого так тонко и убедительно не изображалось. Цыденжап Жимбиев этим самым внес в свою литературу что-то свое, интересное и новое.

Читатель запомнит, как работал юный табунщик Батажаб, как убирала сено его мать Дэжэд, как трудилась трактористка Сэрэн-Дулма, как молилась богу его бабушка — Шабганса, как Хурла-почтальонка обманывала своих одноулусников. Выпукло и зримо писатель нарисовал образы Батажаба, его бабушки, Хурлы и Зины. Все они имеют свои отличительные черты: Батажаб — мальчик шустрый, находчивый; Хурла — грубая, сварливая сплетница; Зина — честная, добродушная девочка.

Многие картины романа написаны рельефно и зримо. Например, ночная пастыба лошадей, приключения Батажаба, сеноуборка. Они привлекают внимание читателей своей красочностью и динамичностью.

Форма романа для бурятской литературы новая, интересная я необычная: повествование ведется в основном от имени Батажаба — главного героя произведения неторопливо, спокойно.

Язык романа богат, насыщен образными выражениями. Писатель умело использует диалектные слова.

Можно отметить и другие достоинства романа. Но наряду с положительным нам хочется отметить, и те некоторые недостатки, до конца еще непродуманные моменты, которые имеются в романе. Есть эпизоды и образы бесцветные, бледные, написанные сухо и поверхностно. К таким эпизодам относятся, например, встреча Батажаба и Мунхэ с волком, дезертирство отца Зины, исчезновение коня Рваного Подколенка и другие.

Хотя образ Батажаба в целом «соткан» неплохо, даже зримо и осязаемо, но в некоторых местах он показан с неправдоподобными чертами. Батажаб не любит курить, но почему-то автор насильно заставляет его курить. Мы понимаем, что автору хочется показать желание своего юного героя стать как бы побыстрее взрослым. Но этот детский внутренний психологический процесс «взросления» остался, к сожалению, нераскрытым. Батажаб окончил семь классов, знает довольно хорошо героев эпосов разных народов — Нюрган-Батура, Давида Сасунского, Илью Муромца, Манаса, Фархада и других. Читал о них, очевидно, на русском языке. Но при такой грамотности, просвещенности он, к нашему удивлению, не может правильно произнести по-русски слово «хозяин» (говорит «хужайн»); даже очень плохо понимает по-русски, простой разговорный язык (ему с русского на бурятский переводит какой-то лейтенант). Он материаль-

но ни в чем не нуждается, мальчик обеспеченный; школа находится рядом, никто не заставляет его стать табунщиком, но почему он оставил свою школу — совершенно не понятно для читателя. Школа, мать и родные остаются в стороне от судьбы мальчика: никто не интересуется его судьбой, жизнью. Не совсем убедительно показана детская дружба Батажаба и Зины. Все эти причинно-следственные явления, внутренний психологический мир, компоненты, мизансцены следовало бы показать так, чтобы читатель ни на секунду не сомневался в их действительности, типичности, жизненности.

К сожалению, казалось бы интересные образы Сэрэн-Дулмы, Дэжэд, Ендона остались еще недописанными. Непонятным, загадочным остается и то, почему и по какой причине отец Батажаба попал в тюрьму, почему муж Сэрэн-Дулмы так долго не писал письма, почему Хурла ненавидит Сэрэн-Дулму. Остались «в тени», незавершенными и образы Гомбы, Урбана и отца Зины.

Писатель в своем романе стремится показать обычаи, традиции народа. Но, к сожалению, иногда он навязчиво употребляет те или иные слова. Вызывают удивление и такие слова, как «аул», «джигит», «акробатические номера», которые встречаются в речи бригадира Ендона и подрастающего Батажаба.

Хочется надеяться, что при дополнительной доработке автором роман «Год огненной змеи» станет еще более заметным явлением в бурятской литературе.

М. МАДАЕВ.

■ ■ ■

ОЛЕНЕВОД ОБ ОЛЕНЕВОДАХ

В московском издательстве «Мысль» вышла в свет книга Леонида Баскина «Сегодня кочевка»*.

Книга эта выгодно отличается уже тем, что автор не смотрит со стороны на мало-знакомое явление, пытается привнести свои чувства и мысли героям. Леонид Баскин сам много лет провел в оленеводческих бригадах, работал зоотехником и директором совхоза и смог досконально изучить оленеводство и оленеводов. О пастухах рассказывает пастух, рассказывает достоверно и убедительно.

Ныне он — зоолог, кандидат наук, автор ряда научных трудов по оленеводству.

По жанру рецензируемое произведение скорее всего можно отнести к разряду «записок бывалого человека», за публикацию которых в свое время активно ратовал А. М. Горький. Свободной формой по-

* Л. Баскин. Сегодня кочевка. М., «Мысль», 1974.

строения, близкой к дневниковой, полудокументальностью, наконец зоркостью наблюдений она примыкает к снискавшим всеобщую любовь произведениям Арсеньева, Федосеева. Книга читается на одном дыхании, настолько интересен собранный в ней материал.

Сюжет книги не замысловат. Молодой специалист приезжает на Камчатку, впервые встречается с Севером. Описываются первые поездки в тундру, порой смешные, а порой почти трагические коллизии вживания в незнакомый и нелегкий уклад жизни северян. Мужает автор (или герой — в данном произведении это понятие одноплановое), зорче становится его глаз, содержание записок насыщается наблюдениями, раздумьями, представляющими не только литературный, но и научный интерес. Пастухи и молодые специалисты почерпнут для себя из книги немало полезного.

Автору этих строк не раз доводилось бывать в оленеводческих хозяйствах, изучать опыт передовых пастухов, знакомиться со специальной литературой. И тем не менее чуть не в каждой главе в книге Баскина я находил что-то новое, ускользавшее ранее от внимания.

Но возникает вопрос: не снижает ли такая профессиональная заостренность, углубление в специфику оленеводства художественного уровня книги, не оттолкнет ли «технология» массового читателя? Отнюдь, нет.

Невозможно писать о людях труда, не вникая в суть того, что составляет основу их жизни. Пристальный интерес к рабочей тематике, присущий советской литературе, изучение и опозитивирование мастерства каменщика, плотника, сталевара, породили уже немало высокохудожественных произведений. Конечно, если при создании их выдерживаются два условия: доскональное знание предмета и живой образный язык.

В какой мере это удастся автору?

Приведу один пример. Бригаде предстоит переправить табун через реку. Пастухи знают, что операция эта не из легких и порой требует немалых усилий. Вот как рассказывает об этом Л. Баскин:

«Страшась быстрой и глубокой реки, олени сгрудились в большой, крутящийся на месте клубок. Пастухи махали арканами, стремясь пересилить шум реки. Временами уже весь табун оказывался на мелководье, взбитая тысячами ног вода кипела вокруг него, и все же на глубину олени не шли. Боясь потопить в судококе телят, мы каждый раз отступали, позволяли оленям снова выйти на сушу, немного успокоиться. Приехал Делянский... Старый мастер задумал гнать табун в реку с ходу... Кинин подгонял табун очень неспешно, а когда тот уперся в реку, совсем притих. Часть оленей начала пить, другие принялись объедать прибрежную зелень. Постепенно вперед выдвинулись отставшие из-за телят

важенки, над водой замаячили мохнатые рога ездовых быков. Тотчас Кинин и Долганский усилили нажим. Наступила критическая минута. Очень важно было соблюдать меру — и толкать табун вперед, и не напугать его. Пастухи управляли оленями, словно дирижеры оркестром. Изумительна была их способность одновременно подмечать возбужденность отдельных оленей и состояние табуна в целом. Наконец одна из важенок зашла в воду и поплыла. Тотчас за ней потекла и основная масса оленей. Это было удивительное зрелище! Реку пересекала сплошная стена рогов. Мы смотрели на оленей сади и невольно обращали внимание на то, что все они задрали вверх свои коротенькие хвостики, белые нижние поверхности которых словно платочки трепетали над серой беспокойной водой. Зоологи называют поднятый хвост «флажком». Считается, что он помогает при ориентировке следующим сади животным...»

Динамизм повествования делает читателя сопричастным к разворачивающимся действиям. Вместе с автором и его героями мы переправляемся через стремительные реки, выручаем из беды геологов, карабкаемся по кручам, подстерегая снежных баранов. А главное, занимаемся делом — пасем оленей, кочем с двумя тысячами полудиких животных.

Тепло и образно описывает Баскин тоvariщей по работе — оленеводов, рисует колоритную картину Северной Камчатки. И от главы к главе все ярче вырисовываются самобытные, мужественные характеры.

Люди Севера в книге Л. Баскина вовсе не противостоят природе, не борются с ней, как о том любят порой писать не слишком близко знакомые с Севером литераторы и журналисты. Они живут среди природы, умело используя ее щедрые дары, учась у нее мудрости. И жизнь их, внешне не богатая событиями, по-своему насыщена и интересна. Описания оленных гонок, пастушеских праздников, ритуального заклинания оленя, встречи с морем — лучшие страницы книги.

Последний раз я встречал Леонида Баскина в Москве года два назад. Узнав, что через сутки мне вылетать на Камчатку, он загрустил, притих.

— А мне на Памир скоро. Группа аспирантов там работает, надо проконтролировать. А так бы хотелось с тобой, хоть на месяц. Но рано или поздно я туда вернусь. Неповторимый край, чудесные люди.

Что же, Леонид Баскин выполнил свое обещание. Он вновь на Камчатке, в кругу своих друзей-олeneвoдoв, молодых специалистов романтиков, влюбленных в Север. Он вернулся к нам своей хорошей книгой, которую, конечно же, оценят и полюбят читатели.

Ф. ШАМАЗОВ.



КНИГА ПО ИСТОРИОГРАФИИ

ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ

В СИБИРИ

Историография есть история исторической науки. Разработка методологических вопросов советской историографии имеет огромное значение. Она раскрывает закономерности развития исторической науки, дает оценку уроков исторического опыта, подводит итоги научных исследований, раскрывает глубокие связи истории и современности.

Новая книга*, посвященная вопросам историографии гражданской войны в Сибири, является серьезным исследованием процесса становления марксистско-ленинской концепции истории гражданской войны в Сибири. Следует отметить, что до появления этого труда М. Е. Плотниковой никто из авторов, писавших о гражданской войне в Сибири, специально не занимался в историографическом плане подобной характеристикой соответствующих трудов.

Автор проделал большую работу, подвергнув обстоятельному анализу обширную литературу: монографии, статьи, воспоминания, сборники документов. Книга М. Е. Плотниковой состоит из введения и пяти глав. Во введении определены периодизация историографии гражданской войны в Сибири и круг проблем, исследуемых автором книги.

В первой главе автор показывает роль Сибистпарта в создании архивных фондов и в организации изучения истории гражданской войны и партийной организации Сибири. Подчеркивается, что широко издававшиеся в двадцатые и тридцатые годы произведения В. И. Ленина являются не только методологической основой, но и ценнейшим источником по многим вопросам истории гражданской войны и интервенции. Ленинские выводы по важнейшим вопросам истории гражданской войны и интервенции в России являются основополагающими и в подходе к истории гражданской войны в Сибири и на Дальнем Востоке.

Труды В. И. Ленина положили начало советской историографии гражданской войны в СССР.

Вторая глава книги посвящена советской историографии контрреволюции и интервенции в Сибири. Хотя автор ограничивается территориальными рамками Западной и Восточной Сибири, он вынужден затрагивать также и Дальний Восток. Разграничить работы, касающиеся только Сибири и только Дальнего Востока, подчас

бывает невозможно. Возьмем хотя бы рассматриваемые в книге воспоминания Жанена, Уорда, Пишона, Гревса и ряда других активных участников антисоветской интервенции. Речь в них идет как о Дальнем Востоке, так и о Сибири в целом. Непонятно только, почему автором книги не упоминаются также воспоминания вдохновителей интервенции — Черчилля и Ллойд-Джорджа.

Во второй главе уделено большое внимание разоблачению буржуазных фальсификаторов, искажающих историю интервенции и гражданской войны в СССР. В главе подвергаются критике ошибки некоторых историков в освещении истории антисоветской интервенции и роли в ней США.

М. Е. Плотникова, говоря о событиях гражданской войны на Дальнем Востоке, ссылается на литературу, вышедшую в пятидесятых-шестидесятых годах, но не упоминает ни об одной книге, вышедшей в первый период историографии гражданской войны.

В третьей главе — «Историография большевистского подполья в Сибири» — отмечаются трудности изучения деятельности большевистских подпольных организаций Сибири, связанные с тем, что документов о них сохранилось чрезвычайно мало. В главе подчеркивается огромная роль большевистского подполья в организации борьбы трудящихся Сибири против внутренней и внешней контрреволюции. Следует отметить, что Дальневосточная подпольная организация большевиков была связана с ЦК РКП (б) через Сибирский подпольный комитет РКП (б). На III Сибирской подпольной конференции РКП (б) в марте 1919 года присутствовали делегаты Владивостокской, Благовещенской, Читинской и Верхнеудинской организаций. Делегат Владивостокской организации А. Н. Усов был избран в состав Сибирского подпольного комитета РКП (б). Автор уделил должное внимание критике эсеро-троцкистской фальсификации истории большевистского подполья в Сибири.

Большой интерес представляют четвертая и пятая главы, посвященные историографии рабочего класса, крестьянского и партизанского движения в годы гражданской войны в Сибири. Автор подвергает обстоятельной критике эсеро-троцкистские взгляды о том, будто бы немногочисленный рабочий класс Сибири был неспособен возглавить борьбу трудящихся за восстановление Советской власти. В книге показывается ведущая роль сибирского пролетариата в организации борьбы трудящихся против интервентов и белогвардейцев. Партизанское движение являлось формой военно-политического союза рабочих и трудящихся крестьян. Оно с самого начала проходило на ярко выраженной советской позиции, под преобладающим влиянием большевиков.

Решающей силой, разгромившей колчаковскую армию, была Красная Армия, а

* М. Е. Плотникова. Советская историография гражданской войны в Сибири (1918 — первая половина 1930-х гг.). Томск, 1974.

партизанские отряды были ее подсобной силой.

Таковы основные положения историографии темы о советском характере партизанского движения, в котором организующую роль сыграли коммунисты.

Автор подвергает острой критике эсеро-меньшевистские и троцкистские взгляды о классовой, политической сути партизанского движения в Сибири. Сибирский эсер Е. Е. Колосов в своей книге «Сибирь при Колчаке», вышедшей в 1923 году, грубо фальсифицирует историю партизанского движения в Сибири, отрицает руководящую роль в нем Коммунистической партии, умаляет роль рабочего класса в борьбе с колчаковщиной и отрицает советский характер партизанского движения, пытаясь изобразить его как борьбу крестьян якобы за демократическую республику.

Троцкистские взгляды на сущность и роль партизанского движения в Сибири высказывал бывший председатель Сибревкома И. Н. Смирнов. Он умалял значение партизанского движения в борьбе с Колчаком и рассматривал его как стихийное движение, отрицающее революционные возможности крестьянства.

Значительное место в общей массе литературы о гражданской войне в Сибири занимали воспоминания и популярно-публицистические работы,

В заключении автор подводит итоги первого периода историографии гражданской войны в Сибири (1918 год — первая половина тридцатых годов).

«Главный итог первого периода советской историографии гражданской войны, в целом, — пишет М. Е. Плотникова, — и советской историографии гражданской войны в Сибири, в частности, состоит в утверждении марксистско-ленинской концепции гражданской войны».

Прав автор, придя к выводу, что основы марксистско-ленинской историографии гражданской войны и интервенции в Сибири, заложенные трудами первого поколения советских историков, явились достаточно прочной базой для последующего развития историографии данной темы, в немалой степени обусловив успехи современных советских исследователей, работающих в области истории гражданской войны в Сибири.

В целом книга М. Е. Плотниковой заслуживает серьезного внимания. Она, безусловно, вызовет интерес среди историков, преподавателей и пропагандистов, изучающих историю гражданской войны в Сибири и на Дальнем Востоке.

Пожелаем автору успеха в завершении начатой им работы.

Г. РЕЙХБЕРГ,

А. ШУРЫГИН.



НОВЫЕ КНИГИ ДАЛЬНЕВОСТОЧНЫХ ИЗДАТЕЛЬСТВ

ХАБАРОВСКОЕ КНИЖНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО

Бутинов Н. А. ПУТЬ К БЕРЕГУ МАКЛАЯ. Путевые очерки. Хабаровск, Кн. изд., 1975. 304 с. (Серия «Первопроходцы»), Тираж 30 000 экз. Цена 51 коп.

В июне-октябре 1971 года в южном секторе Тихого океана работал отряд советских ученых-этнографов, посетивший Берег Маклая на Новой Гвинее, где сто лет назад, в 1871 году, впервые высадился Н. Н. Миклухо-Маклай. Доктор исторических наук Н. А. Бутинов, участник этой экспедиции, рассказывает о подвиге замечательного русского ученого-гуманиста, а также о сегодняшнем дне папуасов, меланезийцев, полинезийцев и микронезийцев.

Книга иллюстрирована фотографиями, сделанными автором.

ХАБАРОВСКИЙ КРАЙ. ГОД 1974. Люди. События. Факты. Выпуск шестой. Сост. П. В. Баранов и М. И. Ханух. Хабаровск, Кн. изд., 1975. 208 с. Тираж 2000 экз. Цена 56 коп.

Шестая книга ежегодника включает в себя хронику, очерки, репортажи, сообщения, заметки, фотодокументы, рассказывает о наиболее значительных событиях определяющего года девятой пятилетки, о первых шагах всенародной стройки — Байкало-Амурской магистрали, — о людях города и деревни о трудовых буднях дальневосточников. Широко представлены в выпуске сообщения, сведения о науке, технике, сельском хозяйстве, искусстве, литературе, погоде, климате, заметки о пограничной службе и зарубежных гостях дальневосточников. Книга рекомендована пропагандистам, краеведам, всем, кто стремится пополнить свои знания о Дальнем Востоке.

Бушелева Б. МЫ И ДРУГИЕ. Худ. Е. Ведерников. Хабаровск, Кн. изд., 1975. 80 с. (Для среднего школьного возраста). Тираж 15 000 экз. Цена 13 коп.

Что такое правила этикета, как вести себя со своими сверстниками и со старшими дома и в общественных местах? Как добиться того, чтобы ваши манеры были

непринужденными и приятными, а общение с вами доставляло людям радость? На эти вопросы поможет ответить книжка, которую предлагает ребятам кандидат педагогических наук Б. В. Бушелева. Книга будет полезна не только школьникам, но и их родителям, педагогам.

Нечаев А. П. ЗЕЛЕННЫЕ СТРЕЛЫ. Рассказы амурского ботаника. Ред. В. С. Шевченко. Худ. А. В. Колесов. Хабаровск, Кн. изд., 1975. 208 с. Тираж 15 000 экз. Цена 43 коп.

Почти полвека отдал изучению растительного мира Дальнего Востока профессор Хабаровского педагогического института А. П. Нечаев. В лесах Приамурья и Приморья, в отрогах Сихотэ-Алиня. Баджала и Джугджура ученому довелось наблюдать удивительные явления природы, вникать в таинственную жизнь растений. Рассказы А. П. Нечаева написаны с большой любовью к дальневосточной природе.

ПРОИЗВОДСТВО КОРМОВ НА ДАЛЬНЕМ ВОСТОКЕ. Коллектив авторов. Науч. ред. академика ВАСХНИЛ Г. Т. Казьмина. Хабаровск, Кн. изд., 1975. 288 с. Тираж 2000 экз. Цена 68 коп.

В книге дается характеристика кормовых угодий Дальнего Востока и возделываемых в зоне кормовых культур, обобщены результаты научных исследований и производственного опыта по улучшению и рациональному использованию лугов и пастбищ, приводится технология заготовки высококачественного сена и сенажа

Дубко П. М. МАТЕРИАЛЬНОЕ СТИМУЛИРОВАНИЕ ТРУДА В СОВХОЗАХ. Хабаровск, Кн. изд., 1975. 64 с. («Экономическая библиотечка дальневосточника»). Тираж 2000 экз. Цена 9 коп.

В брошюре кандидата экономических наук П. М. Дубко рассматриваются формы и методы материального стимулирования труда, применяемые в сельскохозяйственном производстве Дальнего Востока. Специальный раздел посвящен шекинской системе стимулирования роста производительности труда.

А. ЕВГРАФОВ.



Олег КУЗНЕЦОВ

МОРЕ И ЯЩЕРИЦА

Бежала по лесу ящерица. Между травинок, по сучкам. через пеньки. Бежала, бежала и вдруг — лес кончился.

Смотрит ящерица с бугорка — перед нею море. Больше всех полян. Больше всего леса. Как небо!

«Отдохну-ка я у моря», — решила ящерица. Легла на камушек. Греется. Хорошо.

Прилетела белая чайка. Поплавала, клювом перышки почистила и улетела.

Прилетел взъерошенный баклан. Плюхнулся в воду, шумно взмахнул крыльями и умчался куда-то.

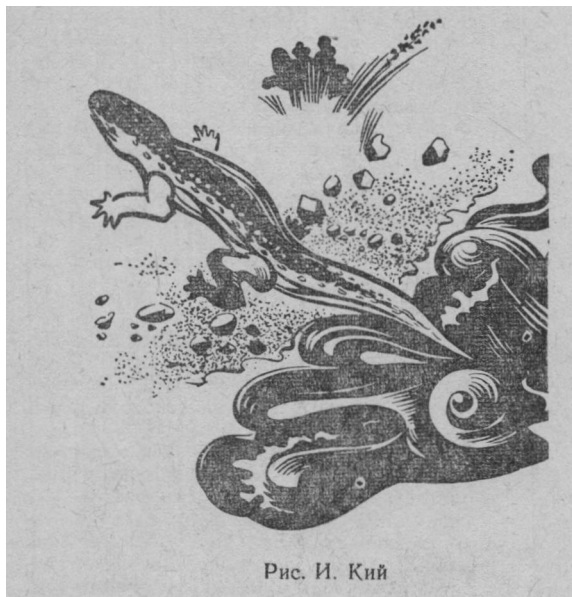


Рис. И. Кий

Прилетел воробей. Носится туда-сюда, но не садится. Все кричит:

— А ч-что? А ч-чего?

— Ясно чего, — сказала ящерица, — боишься. А я вот искупаюсь!

По песку побежала. К самой воде. И тотчас море, словно ладошкой, хлоп — и накрыло ее волной.

Испугалась ящерица, вырывается, изо всех сил к берегу гребет. А вода уже назад, в море, скатывается. Скатывается и ящерицу за собой тянет. Прямо за хвост. Прямо за самый кончик.

Совсем перетрусила ящерица.

— На! — кричит. — Забери его! Только меня отпусти!

И отбросила хвост.

Выбралась ящерица на песок — и без оглядки в лес. Залезла под корешок. Притаилась. Здесь и нашли ее подруги.

А где же хвост? Ворона напала? Крыса схватила? Тебя мальчишки ловили?

— Да нет! — сказала ящерица. — Мой хвост морю понравился.

Оно же огромное, а без хвоста. Некрасиво как-то. Вот я и дала ему свой хвост. Пускай поносит...

КТО ИЗ НАС ПТЕНЧИК?

Воронье гнездо было на самой вершине лиственницы. Однажды вороненок посмотрел вниз.

— Интересно,— сказал,— когда это я сюда забрался?

Глянул налево, глянул направо — мамы нет. Опять куда-то улета.

— Хорошо. Я тоже полечу!

Подпрыгнул, замахал крылышками. Крылышки слабые, а голова большая, тяжелая — перекувыркнулся вверх ногами.

— Вот это да! — закричал. — Вот это я лечу!

Шлеп на ветку. Тут же вскочил и увидел синицу с черной шейкой и белыми щеками.

— Пр-ивет!

Синица обиженно отвернулась:

— Надо говорить «здравствуйте». Я все-таки взрослая, а ты — птенчик.

— Ка-ак? — удивился вороненок. — Да ты же меньше меня. Ты сама птенчик. Сама...

Сорвался с ветки, еще раз пять перевернулся в воздухе и упал возле куста.

На кусте ровным кругом висела паутина и поблескивала каплями росы.

— А я тебя знаю, — сказал вороненок. — Ты луна. Ты ночью под моим гнездом что-то делала. Потом закапал дождь, и ты куда-то пропала. Вот ты. значит, куда спряталась? И вода на тебе еще осталась, я вижу. Только почему-то ты сейчас в дырочках?

— Позвольте, позвольте!.. — выбежал паук. — Кто это чепуху такую говорит?

— Я! — задрал клюв вороненок — Здор-рово, блоха!

— Ужас! — сразу пятью лапами обхватил голову паук. — Да как ты смеешь?..

— А ты что, разве не блоха? — спросил вороненок. — А кто же ты?

Паук весь затрясся от гнева. И сказал:

— До чего глупые птенчики стали появляться!

— Ну ты! — нахохлился вороненок. — Не обзывайся!

И кинулся драться. И попал в паучью сеть. Затрепыхался. Вырвался. Бежит весь в липкой паутине, и кричит;



— Я вам покажу, как дразниться! Еще посмотрим, кто из нас птенчик!

На тропинку выползла змея. Серая, с розовыми полосками.

— И ты хочешь сказать, что я птенчик? Ну-ка, скажи!

— Конечно, птенчик!

— Ах ты, червяк! Я знаешь, сколько таких уже съел? Только поменьше...

— А теперь я тебя съем. — И змея раскрыла зубастую пасть.

Тут откуда-то сверху кинулась ворона, схватила вороненка лапами и поднялась с ним в воздух.

— Мама, отпусти! Я хочу червяка клонуть!

— Ах ты, птенчик... — вздохнула ворона.

Вороненок притих с раскрытым клювом.

ОСЬМИНОГ, БЫЧОК И ПРАВЫЙ БОТИНОК

Весь этот берег скалистый. Одни скалы врезаются в море — остро, как носы кораблей, другие как бы разворачиваются, пятаются — так и кажется, что отступают перед идущими на них высокими волнами.

Здесь всюду большие, глубокие бухты. А наша — мелкая, и в ней много пухлых серых окуней. Живут они под камнями, тоже серыми, и, если какой окунь вылезет к ляжет на камень, все равно его трудно заметить, хотя вода чистая, словно хорошо протертое стекло.

Мы с Вовкой всегда тут рыбачим. Солнце, упершись лучами в море и рущо, висит прямо над нами — припекает наши носы.

— Вот видишь, — сказал Вовка, — нос у тебя загорел, а спина еще нет.

— Сейчас загорит. — Я разулся, снял рубашку и брюки. Лег на живот.

В эту секунду, будто нарочно, поплавок моей удочки дернулся.

— Подсекай! Тащи! — закричал Вовка.

Я бросился к удочке и нечаянно поддел ногой ботинок. Он плюхнулся рядом с поплавком, хлебнул воды и пошел ко дну.

Я упал на колени и растерянно смотрел вниз, на свой правый коричневый с толстой губчатой подошвой ботинок. Эти ботинки подарил мне позавчера папа, и я их очень полюбил. Как же теперь?.. Снова обувать старые?..

— Вовка, я брошусь! — сказал я.

— Море — лед. Бррр... — поежился он.

— Я ж не собираюсь купаться. Схвачу, и все, — я поднялся, шагнул. Вдруг меня словно кто отпихнул. — Там это... гляди...

Маленький осьминог, возможно, еще детеныш, полз, неторопливо шевеля щупальцами, шаря по камням, будто что-то потерял здесь. Туловище его, похожее на пузатый темный кувшинчик, плавно скользило по дну. Неожиданно осьминог сжался и замер. Но тут же вытянул щупальце, кончиком дотронулся до ботинка. Понял: неживой. Вероятно, решил: а чего тогда бояться? Взобрался на ботинок и начал медленно вталкивать в него свое мягкое тело. И втокнул. Потом втянул и щупальца.

— Надо же! — почесал Вовка макушку. — Любят же осьминоги во всякие посудины залезать. Но чтоб в ботинок?.. Какого размера ты ботинки носишь?

— Смеешься, да? — обиделся я.

— Чудак. — Вовка наклонил удочку; было видно, как прямо на ботинок снижается крючок. — Главное подцепить. За дырочку.

Быть может, Вовке удалось бы подцепить и вытащить ботинок вместе с осьминогом. Но в бухточку заплыл большеротый бычок и моментально оборвал леску. Немного пожевал губами: что это такое колючее проглотил? Заметил ботинок, подплыл. Кажется, он догадался, что в нем кто-то есть.

Осьминогу то ли надоело сидеть, то ли захотелось узнать, кто приплыл. Он высунул щупальце. Бычок, рванувшись, попытался схватить. Не вышло. Тогда он стал впихивать голову в ботинок. Впихнул до самых глаз и — никак не смог открыть рот. Выдернул голову, широко разинул рот — голова совсем не лезла в ботинок.

Вдруг щупальце опять высунулось и стукнуло бычка по лбу. Бычок отплыл за камень, лег, тяжело дыша, — жаберные крышки так поднимались, что мы видели красное кружево жабер. Отдохнув, бычок снова кинулся к ботинку, вцепился зубами в толстый шнурок, как в щупальце, и давай тянуть, дергать. И тут в ботинке словно что-то взорвалось. Звука не было слышно, но повалил густой черный дым. Точь-в-точь такой, когда горит резина.

— Ура! Выстрелил! — запрыгал радостно Вовка. — Знаешь, я впервые вижу, как осьминог выпускает свои чернила.

Вся бухточка стала темной. Как ночное, закрытое тучей небо.

Я потрогал свой левый, сиротливо лежавший возле брюк ботинок.

— А тот ботинок не почернеет, а?

— Кто его знает?... Может, и почернеет. Ну и что? Будешь оба черным кремом чистить.

— Нет, Вовка, не хочу!.. Я все-таки брошусь!

— Не делай глупостей! Вода уже светлее.

Темные осьминожки чернила серели, как бы опускались на дно. И вот показался ботинок...

По камням, волоча свое туловище-кувшинчик, уползал осьминог. А бычка нигде не было, — наверное, удрал из бухточки после выстрела осьминога.

Вовка быстро подцепил ботинок крючком и вытащил. Я схватил его и внимательно осмотрел. Он был ужасно мокрым. Но все же коричневым. Понюхал. Ничем подозрительным от ботинка не пахло. И я положил его на просушку.





Эмблема турнира

Более месяца продолжался в газете «Тихоокеанская звезда» конкурс на лучший вариант эмблемы предстоящего в январе 1976 года в Хабаровске международного турнира по хоккею с мячом на приз газеты «Советская Россия».

Около ста различных предложений пришло в редакцию. Среди прославивших письма — инженеры, преподаватели, военнослужащие, школьники. Были даже семейные послания.

Из всех вариантов жюри, в которое входили представители краевого комитета по физкультуре к спорту и Хабаровского отделения Союза художников РСФСР, отобрало работы Г. И. Коробко и С. Т. Ботезата. Они признаны победителями конкурса. В дни турнира эти лауреаты будут награждены клюшками с автографами победителей и абонементом на все матчи.

А. БОГРАД.
Фото С. Балбашова

ХАБАРОВСКИЙ НАРОДНЫЙ

В ноябре 1975 года народному ансамблю русской песни и танца Дома культуры завода «Дальдизель» исполняется десять лет. Конечно, десять лет срок небольшой, но, оглядываясь на пройденный путь, можно сказать, что проделана большая творческая работа, обслужены сотни тысяч зрителей, а это уже много.

Начинал ансамбль свой путь под руководством большого энтузиаста хорового искусства Ф. Н. Нестеренко. Большой вклад в создание собственного репертуара внес самодельный композитор, баянист хора Виктор Баранов. Много написал он песен для своего хора. Одна из них — «Завод-ветеран», написанная на слова А. Карасика, — стала как бы эмблемой хора. Другой наиболее популярной песней слушателям и хористам является «Наш край» (слова С. Феоктистова). В создании репертуара хора большую помощь оказал и Дом художественной самодеятельности. По его инициативе мос-

ковский композитор Л. Дмитриев, побывавший в Хабаровске, оставил дальдизельцам песню на слова Т. Алексеевой «О Хабаровске родном». Сам он и разучил ее с хором.

Помогает творческому росту коллектива и постоянная связь с такими профессиональными ансамблями, как Государственный Рязанский хор и другими заслуженными коллективами.

В 1967 году на зональном смотре художественной самодеятельности Сибири и Дальнего Востока хору присвоено звание лауреата Всесоюзного фестиваля самодеятельного искусства. На следующий год произошло объединение хорового, танцевального коллективов и оркестра народных инструментов. Организатором балетной группы стал первый балетмейстер ансамбля В. Харченко. Танцевальная «Комсомольская свадьба» в его постановке, шуточная танцевальная картинка на музыку В. Захарова «Ходят двое» и





другие получили заслуженное одобрение публики.

Много усилий для создании оркестровой группы ансамбля приложил дирижер оркестра А. Мусаханов. Под его руководством оркестр стал не только аккомпаниатором плясок и хора, а и самостоятельным исполнителем.

Росли исполнительское мастерство, сценическая культура. Росло и число выступлений. Ансамбль песни и танца стал непременным участником всех ответственных концертов города.

Не раз приходилось народному ансамблю представлять советское искусство перед многочисленными иностранными туристами. Но главная задача

ансамбли — обслуживание рабочих своего завода, здесь самодельные артисты выступают прямо в цехах. Ансамбль хорошо известен жителям многих районов края и воинам пограничникам.

В 1970 году коллективу ансамбля присвоено звание народного. В следующем году ансамбль Дома культуры «Дальдизель» заслужил право представлять Хабаровский край на родине великого Ленина. Многочисленные выступления на концертных площадках Ульяновска вылились в яркую демонстрацию дружбы волжан и дальневосточников.

Неоднократно хабаровчане видели артистов ансамбля на своих телевизионных экранах. Заслуженным успехом в теле-

зрителей пользуются выступления солистов, ветеранов ансамбля — В. Олифренко, Д. Чернявской, Л. Лариной. А. Пахомова. В. Бражникова.

В канун своего десятилетнего юбилея коллектив народного ансамбля (художественный руководитель И. П. Поклад) находится на творческом подъеме, его юбилейная программа отразит такие животрепещущие темы, как всесоюзная стройка БАМ, предстоящий двадцать пятый съезд КПСС и, конечно, заводские будни с их повседневными заботами и радостями.

П. ВОЛЬХИН,
дирижер-хормейстер.
Фото А. Шкулина.

ХУДОЖНИК-НАТУРАЛИСТ

Маленький пастух с лицом, вырезанным из моржового клыка, в зимней национальной одежде, с чаагом в руке, отправился в путешествие. Адрес: ГДР, город Карл-Маркс-штадт, Габриэле Зейферт. У известной фигуристки лучшая в мире коллекция кукол, их присылают ей со всего света. И вот еще один подарок: пастух с веселой и лукавой улыбкой...

Габриэла не единственная, которой художник Евгений Плечев доставил радость. Каждая его работа — замечательный подарок людям. Большой знаток природы, он уже много лет работает и над темой Севера.

Увлечение началось еще в детстве. В доме Плечевых всегда было много зверюшек и птиц. Их на досуге любили «оживлять» отец, а потом и мать — Зинаида Николаевна, работавшая много лет егерем под Ленинградом.

Еще юношей Е. Плечев много путешествовал с экспедициями, учился наблюдать за различными явлениями природы, за жизнью и повадками «жильцов» тайги и тундры. В походах и начал рисовать, делать чучела птиц, а затем это стало смыслом его жизни, профессией.

Получив художественное образование в Ленинграде. Евге-

ний уезжает в Магадан, где в музее до сих пор экспонируется гордый красавец лось, с ветвистыми рогами — работа его отца, выполненная еще в 1935 году.

Евгений увлекся скульптурной таксидермией — пока еще новой областью изобразительного искусства. Случай помог ему в достижении поставленной цели — создать чучела животных и биологические группы в их естественной обстановке для колхозного музея.

Мысль об открытии подобного культурного учреждения давно занимала руководителя колхоза имени Ленина из села Лорино

на Чукотке Г. С. Гутникова. Однажды он ее высказал на заседании правления артгели. Председателя поддержали. Начались поиски художника. Григорий Семенович, страстный охотник, любитель и почитатель природы, искал прежде всего художника-препаратора. Музей, по его мысли, должен был начаться с отдела природы, в котором будет отражен животный мир Чукотки. К работе пригласили Евгения Плечева.

Плечев изготовил для музея диорамы «Тундра осенью», «Птичий базар», чучело белого медведя и другие экспонаты.

Новая страница в творческой биографии художника связана с жизнью в Приамурье. В Вяземском лесохозяйственном техникуме для музея он создает диорамы «Ревущий изюбрь», «Кабан веской», «Тигр зимой», «Косуля летом».

Особое мастерство проявил Евгений Плечев в скульптурной таксидермии, работая над сложной композицией «Уссурийский тигр над поверженным кабаном», которая сейчас украшает один из центральных залов Хабаровского краеведческого музея. Ее вы видите на нашем снимке.

Сейчас художник-натуралист Евгений Плечев живет в Хабаровске. В городе на Амуре он создает вторую в стране лабораторию экспериментальной скульптурной таксидермии. Первая — в его родном городе на Неве. Работает он и над новой композицией «Бой изюбров».

В. ШЕВЧЕНКО
Фото А. Галушко.



НАХОДКИНСКИЕ ЮННАТЫ

Станция юных натуралистов в Находке — самая крупная в Приморье. Ее хозяйство занимает почти десять гектаров. Здесь и фруктовый сад есть, и овощи разные выращивают ребята, опыты проводят. Особенно много цветов. Мальчики и девочки с увлечением занимаются в кружках юных садоводов, полеводов, цветоводов.

Развиваются и деловые связи с рядом научно-исследовательских институтов Советского Союза и хозяйств Приморского края. Ленинградский агрофизический институт поставил

перед находкинскими юннатами задачу: производить опыты над облученными семенами ячменя с целью расщепления родových признаков и выведения нового высокоурожайного сорта для дальневосточных земледельцев. На станции выведен высокоурожайный сорт томатов. Он прошел испытания в совхозе «Восток» Партизанского района. Как сказала агроном этого хозяйства А. Д. Конькова, результаты испытаний весьма обнадеживающие. Спасибо юннатам!

Юные натуралисты ежегодно

выращивают тысячи саженцев плодово-ягодных культур и декоративного кустарника южного Приморья: амурский виноград, лимонник, актинидию, бархатное дерево, элеутерококк. Для этого создан специальный дендрарий. И все эти ценные породы деревьев и кустарников ребята высаживают в парках, скверах и на улицах родного города.

Внуки Мичурина с честью выполняют его заветы.

И. ШИМАНСКИЙ.

ДОРОГИЕ ТОВАРИЩИ!

В 1976 году в журнале «Дальний Восток» вы познакомитесь с новыми произведениями дальневосточных прозаиков и поэтов. Журнал расскажет Вам о строительстве Байкало-Амурской магистрали, о покорении Зеи гидростроителями Зейской ГЭС, о важнейших стройках десятой пятилетки, о труде рыбаков, хлеборобов, лесозаготовителей и горняков советского Дальнего Востока. Вы узнаете о богатствах дальневосточной тайги и морей, о природе и животном мире края, об его истории.

В 1976 году редакция намерена предложить читателям следующие произведения:

Василий БАЛЯБИН — «Забайкальцы», четвертая, завершающая книга романа о гражданской войне и становлении Советской власти в Забайкалье.

Юрий ВАСИЛЬЕВ — «Дом Варга». Повесть о мужественных, устремленных своей мечтой и делами в завтрашний день людях Севера. Читатели, знакомые с повестью «Ветер в твои паруса», вновь встретятся с капитаном Варгом и другими героями этой книги.

Георгий ХАЛИЛЕЦКИЙ — «Океанский проспект», роман о наших современниках, строителях городов, моряках Тихоокеанского флота.

Лев КНЯЗЕВ — «Время любить», роман о молодых строителях, их судьбах и стремлениях.

Для журнала работают над новыми произведениями:

В. Никонов — «Шилка», роман. О. Щербановский — «Слепой капитан», роман. П. Нефедов — «Профиль на обелиске», повесть. Г. Поротов — «На околице Руси», повесть. А. Мишкин — «Птицы летят без крыльев», повесть. С. Бухаев — «Погасло Ульяновкино солнце», повесть. В. Сукачев — «На маленьком забытом полуострове», повесть. Р. Шойхет — «Земля родная», роман. В. Гусаров — «Спасатели», повесть. Н. Наволочкин — «Забытая история», повесть. Н. Задорнов — «Хеда», роман. П. Халов — «Следствие по делу о жизни», роман.

Подписка на журнал «Дальний Восток» принимается повсеместно и без ограничений. Индекс журнала в каталоге — 73103.

ПОДПИСНАЯ ЦЕНА:

НА ГОД — 6 руб.,

НА 6 МЕСЯЦЕВ — 3 руб.,

НА 3 МЕСЯЦА — 1 р. 50 к.

50 коп.

ИНДЕКС
73103